

ISSN 2072-8557 (print)
ISSN 2310-6794 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Тема номера:

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2019/ № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8557 (print)

2019 / № 3

ISSN 2310-6794 (online)

серия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки); 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки); 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки); 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) on the following scientific specialities: 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state doctrines (juridical sciences); 12.00.02 – Constitutional law, constitutional enforcement; municipal law (juridical sciences); 12.00.03 – Civil law, entrepreneurial law, family law; international law (juridical sciences); 12.00.08 – Criminal law and criminology; executive law (juridical sciences).

ISSN 2072-8557 (print)

2019 / № 3

ISSN 2310-6794 (online)

series

JURISPRUDENCE

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

**Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета:
Серия : Юриспруденция»**

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор серии:

Певцова Е. А. – д. ю. н., проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник образования, проректор по научной работе МГОУ

Заместитель главного редактора:

Полянский П. Л. – д. ю. н., доц., МГУ им. М.В. Ломоносова

Ответственный секретарь:

Елисеева А. А. – к. ю. н., доц., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина

Члены редакционной коллегии:

Авакьян С. А. – д. ю. н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, МГУ им. М. В. Ломоносова;

Агнес Кристиан Шавес Фария Александровна Дыбова – PhD, проф., Папский католический университет (Рио-де-Жанейро, Бразилия);

Антонян Ю. М. – д. ю. н., проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник МВД, МГОУ;

Арзамасов Ю. Г. – д. ю. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Гладких В. И. – д. ю. н., проф., заслуженный деятель науки и образования РАЕ, заслуженный юрист РФ, эксперт РАН, консультант Федерального Собрания РФ, МГУ им. М. В. Ломоносова;

Глотов С. А. – д. ю. н., проф., Международный юридический институт (г. Москва);

Гриненко А. В. – д. ю. н., проф., МГИМО (У) МИД России;

Долинская В. В. – д. ю. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА);

Жабский В. А. – д. ю. н., доц., Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;

Коновалова И. А. – к. ю. н., доц., заведующая кафедрой уголовного права МГОУ;

Марченко М. Н. – д. ю. н., проф., почётный президент Ассоциации юридических вузов России, заслуженный деятель науки РФ, МГУ им. М. В. Ломоносова;

Микаэла Моравчикова – PhD, директор института юридического факультета, Трнавский университет (Трнава, Словакия);

Рассолов И. М. – д. ю. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина;

Рахманова Е. Н. – д. ю. н., проф., заслуженный работник юстиции, Северо-западный филиал Российской академии правосудия (г. Санкт-Петербург);

Ручкина Г. Ф. – д. ю. н., проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Савченко М. С. – д. ю. н., проф., член Экспертно-консультативного совета при комитете Законодательного собрания Краснодарского края, Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар);

Сапогов В. М. – к. ю. н., доц., полковник юстиции, Псковский государственный университет;

Сафонов В. Е. – д. ю. н., проф., заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, Российский государственный университет правосудия (г. Москва);

Черкасов К. В. – д. ю. н., проф., Нижегородский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Хатчинсон Салуэль Кристоф – PhD, проф., Университет Сорбонны (Франция);

Химмельрайх Антье – PhD, Университет Ренсбургера (Германия)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» – печатное издание, публикующее актуальные научные статьи российских и зарубежных ученых, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке по актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционному и муниципальному праву, гражданскому, предпринимательскому, семейному, международному частному праву, уголовному праву и криминологии, уголовно-исполнительному праву.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юристам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735

Журнал включён в базу данных Российской государственной научной цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2019. – № 3. – 156 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series : Jurisprudence»
Moscow Region State University**

— Issued 4 times a year —

Editorial board

Editor-in-chief:

E.A. Pevtsova – Doctor of Juridical sciences, Professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, MRSU

Deputy editor-in-chief:

P.L. Polyanskiy – Doctor of Juridical sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University

Executive secretary of the series:

A.A. Eliseeva – PhD in Juridical sciences, Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Members of Editorial Board:

S.A. Avakyan – Doctor of Juridical sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

Agnes Christian Chavez Faria Dybova – PhD, Professor, Pontifical Catholic University (Rio de Janeiro, Brazil)

Yu.M. Antonyan – Doctor of Juridical sciences, Professor, MRSU

Yu.G. Arzamasov – Doctor of Juridical sciences, Professor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow)

V.I. Gladkikh – Doctor of Juridical sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

S.A. Glotov – Doctor of Juridical sciences, Professor, International Law Institute under the Ministry of justice of the Russian Federation

A.V. Grinenko – Doctor of Juridical sciences, Professor, MRSU

V.V. Dolinskaya – Doctor of Juridical sciences, Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

V.A. Zhabskiy – Doctor of Juridical sciences, Associate Professor, Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named by V.Y. Kikot

I.A. Konovalova – PhD in Juridical sciences, Associate Professor, MRSU

M.N. Marchenko – Doctor of Juridical sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

Mikaela Moravchikova – PhD, Professor, Trnava University in Trnava (Slovak Republic)

I.M. Rassolov – Doctor of Juridical sciences, Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E.N. Rakhmanova – Doctor of Juridical sciences, Professor, The Russian State University of Justice (North-West Branch, St. Petersburg)

G.F. Ruchkina – Doctor of Juridical sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

M.S. Savchenko – Doctor of Juridical sciences, Professor, Kuban State Agrarian University (Krasnodar)

V.M. Sapogov – PhD in Juridical sciences, Associate Professor, Pskov State University

V.E. Safonov – Doctor of Juridical sciences, Professor, The Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «The Russian State University of Justice» (Moscow)

K.V. Cherkasov – PhD in Juridical sciences, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch: Nizhny Novgorod Institute of Management)

Hutchinson Samuel Christophe – PhD, Professor, University of the Sorbonne (France)

Himmelreich Antje – PhD, Professor, Regensburg University (Germany)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Peer-reviewed scientific journal “Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence” is a print publication that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal’s target audience is teachers, postgraduates, PhD students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The series «Jurisprudence» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С 77 - 73343.

Index series «Jurisprudence» according to the union catalog «Press of Russia» 40735

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence. – 2019. – № 3. – 156 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 8

РАЗДЕЛ I. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Булаевский Б. А. ПРИНЦИПЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА И ПРАВОВОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ 9

Громоздина М. В. УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА
В КОНВЕНЦИОННЫХ ДЕЛАХ О ПОХИЩЕНИИ ДЕТЕЙ 18

Дорская А. А. СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ
НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ
СЕМЕЙНОГО ПРАВА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 27

Елисеева А. А. РОЛЬ СОВРЕМЕННОГО НОТАРИАТА
В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 42

Ельникова Е. В. ПРАВОВАЯ СУДЬБА ДОЛИ ПЕРЕЖИВШЕГО
СУПРУГА ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА 51

Пащенко Д. А. ДВЕ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ
И СОВЕТСКИЙ ОПЫТ 60

Полянский П. Л. ГЕРОИ ЛЬВА ТОЛСТОГО И ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА
РАЗРЕШЕНИЯ СУПРУЖЕСКИХ НЕУРЯДИЦ В XIX ВЕКЕ В РОССИИ 68

Ульянова М. В. РЕАЛЬНОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ
СЕМЕЙНЫХ ПРАВ 79

РАЗДЕЛ II. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Васильев С. В. К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ПРАВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 89

Зелинский Я. ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ
БЕЗОПАСНОГО ДЛЯ ГРАЖДАН ГОСУДАРСТВА 100

РАЗДЕЛ III. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Бабурин С. Н. ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ИРАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ДУХОВНО-ЦЕННОСТНОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА. 116

Гришина Т. М. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ОРГАНОВ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ 131

РАЗДЕЛ IV. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Зигмунт О. А. САМОКОНТРОЛЬ И СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ
КАК ВАЖНЕЙШИЕ ФАКТОРЫ, ОБЪЯСНЯЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 141

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

АНОНС ЕЖЕГОДНОГО ДОКЛАДА ЦЕНТРА ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРОБЛЕМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
И САМОУПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА ЗА 2019 ГОД. 149

CONTENTS

EDITORIAL COLUMN.....	8
-----------------------	---

SECTION I. LEGAL BASE FOR STATE FAMILY POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

<i>B. Bulaevsky.</i> PRINCIPLES OF FAMILY LAW AND LEGAL FRAMEWORK FOR FAMILY POLICY.....	9
---	---

<i>M. Gromozdina.</i> THE PARTICIPATION OF CUSTODY BODIES IN CHILD ABDUCTION CONVENTION CASES	18
--	----

<i>A. Dorskaya.</i> FAMILY VALUES AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC DISCUSSION: MAIN DIRECTIONS OF STUDYING FAMILY LAW IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE	27
--	----

<i>A. Eliseeva.</i> THE ROLE OF MODERN NOTARY IN ENSURING THE IMPLEMENTATION OF THE STATE FAMILY POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION	42
---	----

<i>E. Elnikova.</i> LEGAL DESTINY OF THE SHARED BAND IN THE INHERITANCE OF REAL ESTATE.....	51
--	----

<i>D. Pashentsev.</i> TWO MODELS OF LEGAL REGULATION OF FAMILY RELATIONS: PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET EXPERIENCE	60
--	----

<i>P. Polyansky.</i> LEO TOLSTOY'S CHARACTERS AND LEGAL MEANS OF SOLVING MATRIMONIAL PROBLEMS IN THE 19TH CENTURY RUSSIA.....	68
---	----

<i>M. Ulianova.</i> REAL IMPLEMENTATION OF SUBJECTIVE FAMILY RIGHTS	79
--	----

SECTION II. THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE, THE HISTORY OF DOCTRINES ON LAW AND STATE

<i>S. Vasilev.</i> TOWARDS LAW UNDERSTANDING IN MODERN RUSSIA.....	89
---	----

<i>Y. Zieliński.</i> FACTORS CAUSING THE EXISTENCE OF A SAFE STATE.....	100
--	-----

SECTION III. CONSTITUTIONAL LAW, CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDING, MUNICIPAL LAW

S. Baburin. THE SIGNIFICANCE OF THE GREAT IRANIAN REVOLUTION FOR THE MODERN WORLD: SPIRITUAL AND VALUE DIMENSION OF CONSTITUTIONALISM116

T. Grishina. THE INTERACTION OF STATE AND LOCAL GOVERNMENT BODIES IN COUNTERACTING EXTREMISM AND TERRORISM: CURRENT PROBLEMS AND WAYS OF SOLUTION131

SECTION IV. CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL EXECUTIVE LAW

O. Siegmunt. SELF-CONTROL AND PARENTING AS THE MOST IMPORTANT PREDICTORS OF JUVENILE DELINQUENCY141

SCIENTIFIC LIFE

ANNOUNCEMENT OF 2019 ANNUAL REPORT OF THE CENTRE FOR INVESTIGATION OF TERRITORIAL GOVERNMENT AND SELF-GOVERNMENT ISSUES OF MOSCOW REGION STATE UNIVERSITY149

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

История формирования основных подходов к семейной политике государства уходит своими корнями в далёкое прошлое. В новый век цифровых технологий и развития искусственного интеллекта требуется качественное переосмысление многих вопросов эффективного правового регулирования семейных отношений. Ведущие юристы России и зарубежных стран спорят о тех или иных проблемах в области семьи, но оказываются едиными в том, что эта тема по-прежнему, спустя столетия, остаётся актуальной и требует пристального внимания, как со стороны юридической науки, так и с позиции современной юридической практики.

Вот почему журнал стал инициатором проведения в октябре 2019 года Юридического Форума «Семья и семейные ценности в системе современного права» при поддержке Фонда Андрея Первозванного, объединив усилия учёных и практиков в создании новых подходов в правовом регулировании семьи, разработке новой Концепции совершенствовании семейного законодательства в Российской Федерации, приурочив к этому событию выпуск номера журнала. В нём известные учёные представляют лишь некоторые идеи по проблеме с позиции разных юридических наук (теории и истории права, конституционного права, уголовного, гражданского права), затронув такие актуальные вопросы как семейные ценности на современном этапе, основные направления изучения вопросов семьи в юридической науке, защита прав супругов, детей. Учёные обращают внимание научной общественности на исторические аспекты, в том числе, нормы семейного права XIX века в России.

Государственная семейная политика объединяет не только принципы, задачи и приоритетные меры в области семьи и семейных отношений, но и предполагает целостную систему эффективных мер, которые направлены на укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы любого общества. Семья обладает большим потенциалом в части формирования у подрастающего поколения духовно-нравственных ценностей и правового сознания. Здесь речь идёт и о традиционных семейных ценностях, о повышении авторитета родителей в обществе, о профилактике часто встречающихся конфликтов в семье, что в целом направлено на повышение уровня и качества жизни людей. Бесспорно, что такая политика должна обеспечиваться целостным набором правовых средств, которые являются адекватными новым условиям общества. Для решения большинства вопросов в области семейных отношений необходимо более активное взаимодействие органов государственной власти и власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, общественных организаций, СМИ, иных институтов гражданского общества, и конечно граждан, обладающих высоким уровнем правовой культуры.

*Ответственный редактор научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция»
доктор юридических наук, профессор Певцова Елена Александровна*

РАЗДЕЛ I. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 347.61.64

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-9-17

ПРИНЦИПЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА И ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Булаевский Б. А.

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
125993, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9, Российская Федерация*

Аннотация. В основу статьи легло обоснование системного значения принципов семейного права в совершенствовании семейного законодательства. Основное содержание исследования ориентировано на установление возможных форм правового обеспечения реализации программных положений Концепции государственной семейной политики Российской Федерации. Автором использованы методы сравнения, анализа, исторического подхода. Новизной исследования является тот факт, что проведённый анализ государственных ожиданий в сфере правовой охраны семьи позволил автору обозначить конкретные варианты решения существующих проблем правового регулирования как на уровне создания (воссоздания) семьи, так и в контексте реализации отдельных семейных прав и обязанностей. При этом за основу суждений принимается понимание любых личных интересов в семье в качестве семейных интересов. В соответствии с Концепцией приводится оценка отдельных полезных моделей зарубежных семейных политик, направленных на реформирование смежных с семейным правом сфер правового регулирования. Практическая значимость исследования заключается в выработке современного понимания принципов семейного права, что окажет существенную помощь законодателю при формировании новых юридических норм. Автор приходит к выводу о том, что семейное законодательство как системное образование способно принять лишь то, что не противно ему по духу как системе.

Ключевые слова: принципы семейного права, семейная политика, функции семьи, традиционные семейные ценности, институт ответственного брака, правовые средства, презумпции в семейном праве

© СС ВУ Булаевский Б. А., 2019.

PRINCIPLES OF FAMILY LAW AND LEGAL FRAMEWORK FOR FAMILY POLICY

B. Bulaevsky

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russian Federation

Abstract. The aim of the article is to substantiate the systemic significance of the principles of Family Law in its improvement. The study focuses on possible forms of legal support for the implementation of the program provisions of the Concept of the State Family Policy of the Russian Federation. The analysis of state expectations in the field of legal protection of the family allowed the author to identify specific solutions to existing problems of legal regulation both at the level of creating (re-creating) the family and in the context of the implementation of certain family rights and obligations. In this case, the basis of judgments is the understanding of members' individual interests as family interests. In accordance with the Concept, an assessment is given of some useful models of other countries' family policies aimed at reforming the spheres of legal regulation related to Family Law. The practical value of the study lies in developing modern understanding of the principles of Family Law, which can assist lawmakers in producing new legal standards. The author concludes that being a systemic entity, family legislation can adopt only those matters that do not contradict its systemic nature.

Keywords: principles of Family Law; family policy; family functions; traditional family values; the institution of responsible marriage; legal means; presumptions in Family Law

Обращение к категории принципов в праве знаменует собой стремление уловить самое главное, сущностное в природе исследуемого явления, его цель. Сообразно данной цели, в механизме правового регулирования общественных отношений принципы определяют пределы допустимого применения права, привносят необходимые праву определённости и стабильности. При этом принципы, равно как и право в целом, должны быть пригодными для регулирования отношений в изменяющихся условиях.

Вместе с тем праву известны и юридические суррогаты правовых принципов. Потребность в подобных средствах возникает, как правило, в переходные периоды – при смене формаций, смене задач государства. Соответствующая «потребность» культивируется искусственно. Весьма ярким примером могут служить отдельные принципы со-

ветского семейного права (в частности: «свободы от каких-либо религиозных правил», «обеспечение коммунистического воспитания детей», «отстранение церкви от участия в регулировании брачных и семейных отношений», «отстранение церкви от решения всех вопросов брака и семьи», «коммунистическое воспитание несовершеннолетних детей и обеспечение их интересов»), выделявшиеся в специальной литературе [1; 6; 7].

В подобных ситуациях правовые принципы подменяются принципами политическими. А бесконфликтность данного положения может быть объяснена весьма просто.

Право и его принципы, равно как и государственная политика и её принципы, всё это – «продукты» государства. Следовательно, все они «генетически» связаны и при внимательном анализе не могут быть противоречивы

по отношению друг к другу. Именно поэтому любое государственное (политическое) решение (программное, адресное и др.) непременно должно преломляться в контексте правовых принципов.

Реализуемая в России Концепция государственной семейной политики¹ предполагает необходимое нормативно-правовое обеспечение, включая совершенствование семейного законодательства.

Предугадать возможные направления совершенствования семейного законодательства не трудно в контексте поставленных целей и ожидаемых результатов реализации Концепции.

И здесь можно утверждать о преемственности новой семейной политики традиционным подходам к семье, её функциям, ценностям семейной жизни.

«Рождение, воспитание, содержание и социализация детей; участие в экономической деятельности государства; сохранение физического, психологического и эмоционального здоровья членов семьи, а также духовное развитие членов семьи и всего общества; сохранение и укрепление традиционных семейных ценностей» – вот ключевые функции семьи, обозначенные в Концепции в качестве ориентира для любых мер её реализации. При этом к «...традиционным семейным ценностям, провозглашаемым Концепцией, относятся ценности брака, понимае-

мого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению»².

По итогам реализации Концепции должна быть сформирована система мер, направленных на создание условий для удовлетворения интересов и запросов семей, повышения их экономической независимости, роли в самореализации личности, воспитании новых поколений, укреплении престижа брака и семейного образа жизни.

Казалось бы, ничего нового. Из одного программного документа в другой с завидным постоянством «перекочёвывают» шаблонные положения. Однако интересы и запросы семьи существенно преобразились. Престиж брака и семейного образа жизни с трудом удаётся поддерживать, и год от года делать это становится все труднее. Воспитание новых поколений в духе приверженности традиционным ценностям для многих семей оказывается неразрешимой проблемой. И, наконец, экономическая независимость семьи

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2019).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2019).

для многих по-прежнему остаётся недостижимой целью.

Что может предложить семейное законодательство указанным вызовам? В первую очередь, важно не потерять достигнутое. И применительно к семейному законодательству – это едва ли не главное программное напутствие, читаемое между строк.

Но это также и отражение в законе истинных стремлений государства, столь явно обозначенных в Концепции и во многих иных актах государства, в том числе и в решениях Конституционного Суда РФ [5, с. 24], стоящих на защите государственных интересов. Реализацией этих стремлений, в частности, могло бы стать легальное закрепление среди основ семейного права принципа сохранения и укрепления традиционных семейных ценностей. Как отмечалось ранее, «действие данного принципа устанавливает рамки не только для возможного внешнего воздействия на семью, коррелируя с принципом недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, но и определяет рамки внутрисемейных отношений, выступая, помимо прочего, своеобразным критерием добросовестного поведения в семье» [3, с. 44]. Примечательно, что подобный подход находит поддержку и среди практических работников [8]. При этом сами традиционные семейные ценности обосновано относятся к особым регуляторам семейных отношений [9].

Во вторых, это совершенствование существующих моделей регулирования конкретных отношений. Семейное законодательство:

- устанавливает порядок осуществления и защиты семейных прав, условия и порядок вступления в брак,

прекращения брака и признания его недействительным;

- регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновлёнными), а также между другими родственниками и иными лицами в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством;

- определяет порядок выявления детей, оставшихся без попечения родителей, формы и порядок их устройства в семью, а также их временного устройства, в том числе в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Каждое из указанных направлений правового воздействия может быть оптимизировано для решения задач современной семейной политики.

Установленный порядок осуществления и защиты семейных прав может быть оптимизирован лишь при скрупулёзном анализе конкретных семейных отношений, уяснении природы прав и обязанностей, возникающих в рамках таких отношений; точном определении пределов правомерного и противоправного.

При этом ключевым аспектом оптимизации должно служить понимание любых личных интересов в семье в качестве семейных интересов. Как следствие, ни один из допускаемых законом приоритетов личных интересов не сможет конкурировать с интересами семьи, а последние будут подлинным эталоном в системе критериев их оценки.

На уровне условий и порядка вступления в брак, прекращения брака и признания его недействительным

должны функционировать механизмы, при которых с очевидностью будет прослеживаться стремление государства формировать, прежде всего, институт ответственного брака.

В этой части, представляется уместным пересмотреть лояльные подходы к так называемым «незрелым бракам» [2, с. 11–15]. Едва ли, например, ранняя беременность может служить решающим фактором образования брачного союза.

Переложение ответственности за семью на несформировавшиеся личности не самый лучший подход «государственного участия». Институт ранних браков ориентирован на исключительные случаи. И такая исключительность должна вести к особому отношению публичной власти к их режиму. Главной целью такого режима должно стать содействие в сохранении семьи. А необходимый инструментальный следует искать за пределами семейного законодательства, прежде всего в недрах законодательства о социальном обеспечении, в корректном психологическом содействии.

Весомое значение в деле профилактики ранних браков должно привнести участие авторитетного наставничества в лице государственных и церковных институтов. Школы молодых семей, специальные программы семейного образования и другие подобные средства должны активнее развиваться, но при непереносимом государственном содействии и контроле.

Ещё одним дефектом в данной сфере является существующая недосказанность в вопросе предела брачного возраста.

Для устранения любых сомнений относительно минимального брач-

ного возраста необходимо его чёткое определение в законе, причём, на федеральном уровне. Таким пороговым значением можно установить возраст в 14 лет, применяемый в ряде регионов РФ. А до этого момента остаётся уповать на разумность законодателя в регионах и на неписанные правила юридической техники, исключающие расширительное толкование действующих положений о брачном возрасте.

Нельзя обойти вниманием и вопросы, связанные с действительностью брака в условиях возможных «гендерных мутаций» в семье. Решения могут быть полярными: от полного запрета реализации таких возможностей до установления специальных правил о недействительности соответствующих союзов (в связи с противоречием публичному порядку).

Примечательно, что указанная выше проблема, равно как и проблемы, вызванные «незрелыми браками», побуждают всё активнее искать точки соприкосновения семейно-правовых институтов с правилами об охране здоровья граждан. Вполне возможно, что на уровне семейного законодательства потребуются расширение круга ситуаций и условий, при которых семейно-правовая охрана будет гарантироваться лишь при обязательном прохождении определённых медицинских обследований.

На уровне прав и обязанностей супругов (в том числе при оценке их статуса родителей) весьма болезненной остаётся проблема их равенства в семьях, где недееспособен один из супругов, где супруги проживают в разных местах, а также во многих других ситуациях. В этой части семейное законодательство способно привне-

сти определённости в регулирование соответствующих отношений путём использования различных правовых средств, направленных как на обеспечение равенства супругов в семье, так и на отступление от начал равенства сообразно особенностям отдельных отношений (в частности, при реализации супругами своего родительского статуса). При этом в арсенале таких средств найдётся место как преимущественным правам, так и оправданным ограничениям существующих прав. Среди обеспечивающих механизмов весьма эффективным инструментом могли бы стать и правовые презумпции (например, расширение сфер использования презумпции согласия при решении различных вопросов супругами, проживающими раздельно).

В контексте программных положений экономического свойства значимой видится и проблема имущественной самостоятельности супругов [4, с. 118–125]. Оставляя в стороне социально-правовое регулирование, способное творить чудеса при наличии на то достаточных средств у публичной власти (подтверждением могут служить такие меры, как «материнский капитал», система существующих мер поддержки многодетных семей и т. д.), обратимся к отдельным возможностям частно-правового регулирования.

Так, закрепляя институт брачного договора (весьма не просто доказавшего своё право на существование), семейное законодательство одновременно «придерживает» для данного института «мину замедленного действия». Речь идёт о правиле п. 2 ст. 44 СК РФ, устанавливающего возможность признания брачного договора недействительным по прошествии определённого времени.

Полагаем, что соответствующая норма остаётся скорее некоторым «устрашением», на фоне которого развиваются «смежные» правовые институты либо появляются новые, весьма сомнительные «чудодейственные средства», в том числе и в гражданско-правовой сфере (например, совместные завещания, наследственные договоры и наследственные фонды). Убери её чуть раньше, может быть и не возник бы вопрос о «необходимости» многих «новаторских» решений в наследственном праве.

Эффективное применение института брачного договора взаимосвязано и с концептуальным подходом к институту законного режима имущества супругов. Изменение режима общей собственности на режим раздельного имущества способно предложить истинное значение брачного договора, более сообразного российскому менталитету. Предложение заключить брачный договор при стартовом режиме общей собственности и схожее предложение при режиме раздельного имущества существенно разнятся. При этом соотношение имущественных и неимущественных семейных ценностей при указанных подходах к реализации института брачного договора формирует модель более соответствующую программным задачам государства в области семейной политики.

В пересмотре нуждается и общий подход к договорному регулированию правового режима имущества супругов. В имущественных отношениях супругов брачный договор должен остаться единственной формой договорного упорядочения отношений между ними.

На уровне прав и обязанностей родителей и детей возможности семей-

ного законодательства также реализованы недостаточно.

Одной из ключевых задач является определение внятных пределов применения принципа добросовестности родителей при осуществлении своих прав во взаимосвязи с принципом недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи. При этом особое внимание должно быть сосредоточено на институциональном принципе действия в интересах ребёнка как форме реализации принципа добросовестного осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей. Презумптивная природа правил, положенных в основу данных принципов, способна оперативно реагировать на меняющиеся условия в семье, предлагая эффективную охрану различных интересов. Однако в отсутствие единых стандартов применения презумпций в праве достичь этого крайне трудно.

Принципиально иным, в контексте повышения авторитета института усыновления, должен стать подход к последствиям отмены усыновления. Его приближение к подходу, характерному в части последствий в рамках института лишения родительских прав, способно создать действенный механизм ответственного осуществления семейно-правовых обязанностей. Бросать детей недопустимо вне зависимости от характера как фактической, так и правовой связи с ними, и должно стать невыгодным как в прямом, так и в переносном смысле.

На уровне устройства детей, оставшихся без попечения родителей, полноценно должен заработать принцип тождественности функций семей фактических и юридических. Как

следствие, государственная поддержка любых признаваемых в РФ семей с детьми должна стать адекватной, выполняемым ими функциям. На уровне семейного законодательства такая поддержка должна быть в контексте выравнивания правовых статусов семей с детьми.

Особого внимания заслуживает положение Концепции о полезных моделях зарубежных семейных политик, внедрение которых предполагается допустимым лишь с учётом отечественных национально-культурных особенностей и традиций.

Однако в сфере совершенствования отечественного семейного законодательства влияние таких моделей крайне незначительно. И дело не в субъективных оценках, что они «слишком хорошие» либо «плохие», а в том, что семейное законодательство как системное образование способно принять лишь то, что не противно ему по духу как системе [10].

Вместе с тем анализ отдельных зарубежных подходов предлагает заслуживающие внимания решения. В частности, преобразования в смежных семейному законодательству правовых сферах способны весьма эффективно улучшить картину социального положения семей. Таков, на наш взгляд, пример Японии, где реформирование наследственного законодательства с 2020 г. существенно улучшит положение пережившего супруга в семье, предложив регулирование, направленное на сближение членов семьи, на их сплочение в духе традиционных семейных ценностей.

*Статья поступила
в редакцию 21.05.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Белякова А. М., Ворожейкин Е. М. Советское семейное право: учеб. М.: Юридическая литература, 1974. 304 с.
2. Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовой статус ребёнка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 11–15.
3. Булаевский Б. А. Концепция совершенствования семейного законодательства как необходимость // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 41–45.
4. Елисеева А. А. Равенство супругов в имущественных отношениях: история и современные вызовы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 118–125.
5. Нарутто С. В. Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 21–30.
6. Рясенцев В. А. Семейное право. М.: Юридическая литература, 1971. 296 с.
7. Сverdlov G. M. Советское семейное право. М.: Госюриздат, 1958. 300 с.
8. Смышляева О. В. Право на создание семьи и «традиционная» модель российской семьи: проблемы правового регулирования // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 301–306.
9. Якушев П. А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика. М.: Проспект, 2018. 144 с.
10. Robila M. Family Policies Across the Globe: Development, Implementation, and Assessment // Family Policies Across the Globe: Development, Implementation, and Assessment. 2013. P. 3–11.

REFERENCES

1. Belyakova A. M., Vorozheikin E. M. *Sovetskoe semeinoe pravo: uchebnik* [Soviet Family Law: a Textbook]. Moscow, *Yuridicheskaya literatura* Publ., 1974. 304 p.
2. Bepalov Y. F. [Family-legal status of the child: the problems of family legislation of the Russian Federation]. In: *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*, [Family and Housing Law], 2016, no. 5, pp. 11–15.
3. Bulaevsky B. A. [The concept of improving Family Law as a necessity]. In: *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Current Problems of Russian Law], 2017, no. 5, pp. 41–45.
4. Eliseeva A. A. [Equality of spouses in property relations: history and contemporary challenges]. In: *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Current Problems of Russian Law], 2017, no. 5, pp. 118–125.
5. Narutto S. V. [Family as a constitutional value]. In: *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Current Problems of Russian Law], 2017, no. 5, pp. 21–30.
6. Ryasentsev V. A. *Semeinoe pravo* [Family Law]. Moscow, *Yuridicheskaya literatura* Publ., 1971. 296 p.
7. Sverdlov G. M. *Sovetskoe semeinoe pravo* [Soviet Family Law]. Moscow, *Gosyurizdat* Publ., 1958. 300 p.
8. Smyshlyaeva O. V. [The right to found a family and the «traditional» model of family in Russia: problems of legal regulation]. In: *Permskii yuridicheskii almanakh* [Perm Legal Almanac], 2018, no. 1, pp. 301–306.
9. Yakushev P. A. *Spory o detyakh: traditsionnye tsennosti i sudebnaya praktika* [Disputes About Children: Traditional Values and Judicial Practice]. Moscow, *Prospekt* Publ., 2018. 144 p.
10. Robila M. Family Policies Across the Globe: Development, Implementation, and Assessment. In: *Family Policies Across the Globe: Development, Implementation, and Assessment*, 2013, pp. 3–11..

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Булаевский Борис Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
e-mail: bboulaevski@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boris A. Bulaevsky – PhD in Law, associate professor at the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
e-mail: bboulaevski@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Булаевский Б. А. Принципы семейного права и правовое обеспечение семейной политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 9–17.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-9-17

FOR CITATION

Bulaevsky B. A. Principles of Family Law and Legal Framework for Family Policy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 3, pp. 9–17.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-9-17

УДК 347.642

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-18-26

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В КОНВЕНЦИОННЫХ ДЕЛАХ О ПОХИЩЕНИИ ДЕТЕЙ

Громоздина М. В.

*Новосибирский государственный университет экономики и управления
630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56, Российская Федерация*

Аннотация. Целью исследования является изучение статуса органа опеки и попечительства, участвующего при рассмотрении конвенционных дел о международном похищении детей. В работе использовались научные методы: общенаучный метод диалектического познания действительности, системный, формально-юридический, анализа и синтеза. Автором установлены различные подходы применения судами отдельных положений семейного и процессуального законодательства относительно вопроса, какой орган опеки и попечительства подлежит привлечению для участия в деле и какова цель его участия. Результаты исследования позволяют сделать вывод о необходимости разьяснения соответствующих вопросов для эффективного и мотивированного участия органов опеки и попечительства. Теоретическая и практическая значимость материала обусловлена ростом числа рассматриваемых споров, что требует высокого уровня квалификации представителей органа опеки и попечительства в области права, с учётом того, что судебные решения затрагивают законные права и интересы детей. Отдельные выводы и предложения, сформулированные в статье, могут быть использованы в научных исследованиях.

Ключевые слова: орган опеки и попечительства, интересы ребёнка, родители, похищение ребёнка, судебная практика, возвращение ребёнка

THE PARTICIPATION OF CUSTODY BODIES IN CHILD ABDUCTION CONVENTION CASES

M. Gromozdina

*Novosibirsk State University of Economics and Management
56, Kamenskaya st., Novosibirsk, 630099, Russian Federation*

Abstract. The aim of the study is to analyze the status of custody bodies involved in the consideration of child abduction cases according to the Convention. The research methodology includes: general scientific method of dialectical cognition of reality, systemic, structural and functional, formal legal methods, analysis and synthesis. The author has identified different approaches in the application of certain provisions of family and procedural law by the courts concerning what custody body should be involved in the case and the purpose of this involvement. In conclusion it is argued that for effective and motivated participation of custody bodies in child abduction cases the issues of their involvement should be clarified. Theoretical and practical value of the research is due to the growing number of the court cases under study,

which requires from custody bodies a high level of legal proficiency as court decisions affect the legitimate rights and interests of children. Some conclusions and proposals formulated in the article can be useful for further investigation.

Keywords: custody body, child's interests, parents, child abduction, court practice, return of child

Исследуя вопрос об участии органа опеки и попечительства по делам, связанным с рассмотрением дел о применении Гаагской конвенции «О гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. (далее – конвенционные дела о похищении детей), следует заметить, что названная Конвенция действует на территории Российской Федерации с 1 октября 2011 г.¹. В законодательство России были внесены соответствующие изменения, направленные на эффективное и полноценное выполнение поставленных целей в связи присоединением к Конвенции. Так, например, Федеральным законом № 126-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей»² введена в действие гл. 22.2 в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

Федерации (ГПК РФ), установившей порядок рассмотрения заявлений о возвращении ребёнка. Согласно ст. 244.15 ГПК РФ заявление о возвращении ребёнка рассматривается с обязательным участием органа опеки и попечительства. Однако в статье не определён объём прав и полномочий лиц, представляющих орган опеки и попечительства, в рамках рассмотрения конвенционных дел, а потому вопрос об их процессуальном статусе является актуальным.

В данной статье рассматриваются особенности участия органа опеки и попечительства в судебном разбирательстве с учётом того, что участие органа опеки и попечительства при рассмотрении дел, связанных с правами и интересами детей, прежде всего, направлено на их защиту.

Изучая вопрос о правах ребёнка и проблеме их осуществления Ю. Ф. Беспаловым сделан вывод, что «гражданским процессуальным законодательством в РФ не предусмотрен специальный правовой механизм осуществления охраны и защиты прав ребёнка в гражданском судопроизводстве» [1, с. 197].

Вместе с тем вопрос о правовом статусе специалистов органов опеки и попечительства, их полномочиях является небесспорным в силу того, что не в полной мере урегулирован семейным и процессуальным законодательством.

Обратимся к нормам Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ),

¹ Постановление Правительства РФ от 24.03.2011 № 190 «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // Собрание законодательства РФ. 04.04.2011. № 14. Ст. 1959.

² Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 126-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // Российская газета. № 101. 07.05.2014

а именно к ст. 78 СК РФ, устанавливающей обязательность привлечения органа опеки и попечительства при рассмотрении судом споров, связанных с воспитанием детей, и проведения обследования условий жизни ребёнка и лица (лиц), претендующего на его воспитание.

Вопрос о том, являются ли требования ст. 78 СК РФ обязательными для применения, при рассмотрении конвенционных дел вызывает неопределённость, которая трактуется судами как установленное законом требование. Вместе с тем, следует не согласиться с подобным подходом, т. к. такие требования не основаны на нормах Конвенции и в значительной мере влияют на то, что рассмотрение дел о незамедлительном возвращении и об определении места жительства ребёнка происходит как идентичных.

Для однозначного понимания положений Конвенции следует признать, что указанные выше споры о похищении детей, не являются идентичными (подобными) спорам об определении места жительства ребёнка с одним из родителей в порядке п. 3 ст. 65 СК РФ и должны рассматриваться судами исходя из требований международного законодательства. Однако, говоря о схожести дел, важно указать на приоритет интересов ребёнка, защита которых обеспечивается, в том числе привлечением органа опеки и попечительства к участию в деле в силу отсутствия объективной возможности у детей защищать свои права самостоятельно.

Итак, полномочия органов опеки по делам, связанным с применением Конвенции, не регламентированы в полной мере, в связи с чем сами органы опеки и попечительства и даже

суды «видят» их участие по аналогии с делами, связанными с воспитанием детей.

Одной из задач государственного регулирования деятельности по опеке и попечительству является защита прав и законных интересов подопечных (в том числе, детей)³. Вполне обоснована позиция Борисовой Н. Е. о том, что «... взаимосвязанными понятиями представляются понятия «безопасность» и «защита»; собственно, защитить – значит обеспечить безопасность. Таким образом, проблема безопасности детства напрямую связана с защитой прав ребёнка... При этом необходим высокий уровень взаимодействия и ответственности лиц и организаций, имеющих отношение к многоаспектной деятельности по обеспечению безопасности несовершеннолетних» [2, с. 17].

Органы опеки и попечительства известны в России с давних времён. Процедура «опекунского установления» имеет много схожего с установлением опеки над несовершеннолетними на современном этапе, и компетентные органы также были задействованы «в учреждении опеки» [9, с. 607–609], что свидетельствует о большой значимости этого института на протяжении всей российской истории.

Исходя из вышесказанного, «своеобразной формой публичного представительства интересов ребёнка является участие органа опеки и попечительства в семейных правоотношениях как органа публичной власти...» [4, с. 150].

³ Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Российская газета № 94. 30.04.2008.

Следует отметить, что такой подход не в полной мере соответствует смыслу Конвенции, в ст. 19 которой закреплено, что «решение о возвращении ребёнка не затрагивает существа любого вопроса об опеке». Это позволяет отметить сложность и противоречивость процессуального статуса органа опеки и попечительства. Согласно ст. 47 ГПК РФ органы опеки и попечительства относятся к органам местного самоуправления для дачи заключения по делу, однако обязательность такого заключения по конвенционным делам не определена в законе и не является очевидной.

Таким образом, вопрос о привлечении органа опеки и попечительства является безусловным, но возникает другой вопрос: какой именно орган должен быть привлечён для участия в деле. Варианты возможны следующие:

– Орган опеки и попечительства по месту нахождения похищенного ребёнка на момент рассмотрения дела. В подавляющем большинстве случаев похищенный ребёнок и похитивший родитель проживают за пределами того города, в котором рассматривается конвенционное дело с учётом положений п. 2 ст. 244.11 ГПК РФ о судах, уполномоченных рассматривать заявления о возвращении детей. В связи с чем, органы опеки и попечительства по запросу суда, как правило, составляют акты обследования условий жизни ребёнка, при этом не обеспечивая своё участие в судебных заседаниях. Чаще всего это обусловлено не предусмотренными финансовыми расходами в виде командировок специалистов органов опеки. Вместе с тем, следуя требованиям п. 2 ст. 78 СК РФ они вправе подготовить заключение по существу

спора на основании акта обследования жилищных условий ребёнка и его родителя.

– Орган опеки и попечительства по месту нахождения суда. Суды, рассматривающие конвенционные дела о похищении детей привлекают орган опеки того района, в котором находится суд. Специалист этого органа опеки и попечительства чаще всего не имеет объективной возможности обследовать условия жизни похищенного ребёнка и его родителя, но вместе с тем он обеспечивает присутствие специалиста в судебных заседаниях и составление заключения по делу.

Так или иначе, суд вынужден и обязан привлечь для участия в деле сразу два органа опеки, что становится причиной наличия сразу двух заключений по делу от каждого из привлечённых органов. В некоторых случаях представленные в суд заключения могут быть взаимоисключающими.

Следуя логике законодателя, акт обследования условий жизни должен составляться по месту жительства обоих родителей, претендующих на воспитание ребёнка. Но такая возможность зачастую не реализуется, т. к. родитель, требующий возвращения ребёнка, проживает в иностранном государстве, в котором действуют иные правила (на законодательном уровне) относительно деятельности компетентных органов и служб по делам семьи. Орган опеки и попечительства в государстве постоянного проживания ребёнка не обязан выполнять поручения иностранного суда.

Акт обследования условий жизни несовершеннолетнего и членов его семьи – документ, составляемый по установленной форме и содержа-

нию. В таком акте в соответствии с «Порядком проведения обследования условий жизни несовершеннолетних граждан и их семей»⁴ указывается следующая информация: уровень обеспечения основных потребностей ребёнка, семейное окружение ребёнка, жилищно-бытовые и имущественные условия, наличие обстоятельств, которые создают угрозу жизни и здоровью ребёнка, его физическому и нравственному развитию либо нарушают его права и охраняемые законом интересы и другое.

Из этого следует, что в акте должны фиксироваться объективные данные, а не оценочные суждения и личносубъективные представления лица, составляющего такой акт. Вместе с тем, информация, отражённая в актах, зачастую содержит данные, имеющие субъективный характер о привязанностях ребёнка, о желании или нежелании возвращаться в государство постоянного проживания, характеристику родителей (привычки, черты характер и т. д.). Такой подход специалистов органа опеки и попечительства

свидетельствует о недостаточной компетенции и неполном понимании своих должностных обязанностей и сути дела, по которому составляется акт.

В некоторых случаях такое необъективное и даже предвзятое заключение может стать поводом для углубления конфликта между родителями, в то время как орган опеки и попечительства с учётом своего нейтрального статуса мог бы выступать в качестве инициатора мирного урегулирования спора и рекомендовать сторонам обратиться к процедуре медиации. В международной практике широко используются возможности медиации даже в момент судебного разбирательства. Так, например, в одном из пособий по медиации указывается: «Международная семейная медиация может быть эффективной [...] на других стадиях конфликта. Может случиться, например, что стороны решат прибегнуть к медиации параллельно судебным разбирательствам. Иногда судья, орган судебной или исполнительной власти может предложить им использовать медиацию как способ урегулирования конфликта вне суда» [8, с. 20].

Сказанное означает, что орган опеки и попечительства, несмотря на неурегулированность правового статуса, обладает рядом возможностей, не противоречащих основным задачам, поставленным перед ними – защита подопечных.

Одним из ключевых моментов наряду с актом обследования условий жизни ребёнка является вопрос о необходимости и правомерности составления привлечённым органом опеки правового заключения по существу спора о возвращении детей. Согласно

⁴ Приказ Минпросвещения России от 10.01.2019 № 4 «О реализации отдельных вопросов осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» (вместе с «Порядком отбора органом опеки и попечительства образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, или иных организаций, в том числе организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, для осуществления отдельных полномочий органа опеки и попечительства», «Порядком проведения обследования условий жизни несовершеннолетних граждан и их семей») // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 27.03.2019

ст. 78 СК РФ заключение даётся по делам, связанным с воспитанием детей, в то время как дела, связанные с применением Конвенции, к таковым не относятся, в связи с чем, можно усомниться в обоснованности составления и дачи такого заключения в принципе.

Суть проблемы заключается ещё и в том, что форма и содержание заключения не являются строго определёнными, и представители органа опеки и попечительства, действуя «по старому и наработанному образцу», отражают информацию как обычно по делам об определении места жительства и определении порядка общения с ребёнком. При этом они упускают из вида требования ст. 19 Конвенции о запрете рассматривать вопросы, связанные с осуществлением родительских прав любым из родителей в рамках дел о похищении детей.

Обратим внимание на несколько цитат из текстов заключений по спорам о похищении детей (выборка по конкретным делам):

– «у ребёнка сформировалась стойкая привязанность к матери и другим членам семьи. Ребёнок привык к своему месту жительства в России, адаптировался к условиям, посещает детский сад, в интересах ребёнка проживать с матерью...»;

– «...ребёнок адаптировался. Матерью созданы условия для проживания, воспитания, ребёнок не должен быть разлучён с матерью. Возвращение в страну постоянного проживания не соответствует интересам ребёнка. Создаст серьёзную угрозу причинения физического и психологического вреда...»;

– «...учитывая письменные и свидетельские показания, опека полагает

возможным отказать в удовлетворении исковых требований, в связи с тем, что опека непосредственно защищает ребёнка. Ребёнок не должен быть разлучён с матерью, с учётом того, что мать сменила страну проживания и проживает на территории России...».

Из этого следует, что в представленных заключениях фиксируется информация, совершенно не относящаяся к данной категории споров, но при этом делается вывод об обоснованности или необоснованности заявленных исковых требований и необходимости/отсутствии необходимости возвращения детей в государство постоянного проживания. Как было верно отмечено А. Левушкиным в его публикации по сравнительной характеристике семейного законодательства стран-участников СНГ: «проблема превышения органами опеки и попечительства своих полномочий по причине нечёткого их определения актуальна в настоящее время и для России» [7, с. 189].

Отмечая, что заключение органа опеки и попечительства для суда не имеет заранее установленной силы и рассматривается судом наряду со всеми представленными доказательствами, нельзя исключать тот факт, что суды всё же учитывают заключения при вынесении решения.

Безусловно, что именно на суды возложена основная роль при разрешении конвенционных дел, однако участие органа опеки направлено на защиту интересов детей, например, в случаях, когда судом выясняется мнение ребёнка в порядке ст. 13 Конвенции и не только. В комментарии о применении Конвенции отмечено: «...ребёнку должна быть предоставлена возмож-

ность высказать своё мнение не только тогда, когда ответчик избрал позицию от иска на основании п. «б» абз. 1 ст. 13, но и по любому делу, рассматриваемому на основании названной конвенции, если ребёнок способен выразить своё мнение» [6, с. 168].

Анализируя международный опыт применения Конвенции в данном аспекте, следует с сожалением отметить, что число детей, заслушанных в ходе конвенционных разбирательств весьма незначительно (11 из 67), при этом возраст и уровень зрелости соответствовали возможности выяснения их мнения. В ряде случаев мнение детей выяснялось с помощью социальных служб и лишь иногда непосредственно судом [10].

Сложности, возникающие в связи с применением Конвенции о похищении детей в международной практике, свидетельствуют о том, что деятельность компетентных органов иностранных государств не является совершенной и безупречной, что не в полной мере обеспечивает надлежащую защиту прав и интересов детей, а в целом – безопасность детства [11]. При этом, важно отметить, что практика применения Конвенции в ряде стран насчитает два десятилетия.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что участие органов опеки и попечительства при рассмотрении российскими судами конвенционных дел о похищении детей необходимо, но надлежит принять меры для кон-

кретизации полномочий их специалистов и требований к заключениям, если они необходимы для правосудия. Принимать соответствующие меры следует оперативно, на что уже неоднократно обращалось внимание в литературе. Абсолютно верной является позиция О. Ильиной о том, что «отсутствие чёткой правовой регламентации процедуры осуществления органами опеки и попечительства своих полномочий достаточно часто [...] приводит к различного рода злоупотреблениям, нарушению прав и интересов, прежде всего, детей, проявлениям коррупционного поведения» [5, с. 157].

Мнение о том, что «характер органа и его компетенции накладывают свой отпечаток и на порядок рассмотрения требований...» [3, с. 110] вполне уместно трактовать применительно к деятельности органов опеки и попечительства с учётом обозначенных проблем.

Подводя итоги, следует отметить, что обозначенные сложности возникают в связи с неполным урегулированием правового статуса органов опеки и попечительства – необходимо внесение соответствующих изменений в законодательство, т. к. их формальное участие не является эффективным и не обеспечивает надлежащую защиту прав и интересов детей.

*Статья поступила
в редакцию 21.05.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалов Ю. Ф. Права ребёнка в Российской Федерации и проблемы их осуществления. М.: Проспект, 2019. 288 с.
2. Борисова Н. Е. Проблемы обеспечения безопасности детства в российском законодательстве // Гарантии прав ребёнка – безопасность детства. М.: Книгодел, 2018. С. 16–19.

3. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М: Статут, 2000. 411 с.
4. Замрий О. Н. Злоупотребление интересом в семейных правоотношениях между родителями и детьми. Тверь: Тверской государственный университет, 2018. 220 с.
5. Ильина О. Ю. Концепция совершенствования семейного законодательства как инструмент гармонизации частных и публичных интересов // Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. М.: Закон и право, 2015. С. 152–159.
6. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей / А. З. Дзугаева, Т. А. Семина, Э. Л. Сюкияйнен, Н. В. Тригубович, О. А. Хазова, М. Л. Шелютто, А. Н. Щепеткова. М.: Статут, 2016. 320 с.
7. Левушкин А. Н. Правоотношения между родителями и детьми как сфера семейно-правового регулирования: сравнительная характеристика семейного законодательства стран-участников Содружества Независимых Государств // Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. М.: Закон и право, 2015. С. 180–198.
8. Руководство по международной семейной медиации / сост. С. Каратш. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2015. 104 с.
9. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001. 720 с.
10. Beaumont P., Walker L., Holliday J. Conflicts of EU courts on child abduction: the reality of Article 11(6)-(8) Brussels IIa proceedings across the EU. Available at: https://www.abdn.ac.uk/law/documents/CPIIL_Working_Paper_No_2016_1.pdf (дата обращения: 10.05.2019).
11. Haugevik K. Parental Child Abduction and the State: Identity, Diplomacy and the Duty of Care // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2018. Vol. 13. Iss. 2. P. 167–187.

REFERENCES

1. Bepalov Y. F. *Prava rebenka v Rossiiskoi Federatsii i problemy ikh osushchestvleniya* [Children's rights in the Russian Federation and problems of their guarantee]. Moscow, *Prospekt Publ.*, 2019. 288 p.
2. Borisova N. E. [The problems of ensuring the security of childhood in the Russian legislation]. In: *Garantii prav rebenka – bezopasnost detstva*. [Guarantees of Children's Rights – Childhood Safety]. Moscow, *Knigodel Publ.*, 2018, pp. 16–19.
3. Griбанov V. P. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Guarantee and Protection of Civil Rights]. Moscow, *Statut Publ.*, 2000. 411 p.
4. Zamry O. N. *Zloupotreblenie interesom v semeinykh pravootnosheniyakh mezhduroditelyami i detmi* [The Abuse of Interest in Family Law Relationships Between Parents and Children]. Tver, *Tver State University Publ.*, 2018. 220 p.
5. Ilyina O. Y. [The concept of improving family law as an instrument of harmonization of private and public interests]. In: *Problema garmonizatsii chastnykh i publichnykh interesov v semeinom prave Rossiiskoi Federatsii* [The problem of harmonizing private and public interests in Family Law of the Russian Federation]. Moscow, *Zakon i pravo Publ.*, 2015, pp. 152–159.
6. Dzugava A. Z., Semina T. A., Syukiyainen E. L., Trigubovich N. V. et al. *Konventsiya o grazhdansko-pravovykh aspektakh mezhdunarodnogo pokhishcheniya detei* [The Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction]. Moscow, *Statut Publ.*, 2016. 320 p.

7. Levushkin A. N. [Parent – children relationship as a sphere of family-legal regulation: comparative analysis of family legislation of the countries-participants of the Commonwealth of Independent States]. In: *Problema garmonizatsii chastnykh i publichnykh interesov v semeinom prave Rossiiskoi Federatsii* [The Issue of Harmonizing Private and Public Interests in Family Law of the Russian Federation]. Moscow, *Zakon i pravo* Publ., 2015, pp. 180–198.
8. Karatsh S. *Rukovodstvo po mezhdunarodnoi semeinoi mediatsii* [A Handbook on International Family Mediation]. Moscow, Interregional Center for Administrative and Political Consultation Publ., 2015. 104 p.
9. Shershenevich G. F. *Kurs grazhdanskogo prava* [The Civil Law Course]. Tula, 2001. 720 p.
10. Beaumont P., Walker L., Holliday J. Conflicts of EU courts on child abduction: the reality of Article 11(6)-(8) Brussels IIa proceedings across the EU. Available at: https://www.abdn.ac.uk/law/documents/CPIL_Working_Paper_No_2016_1.pdf (accessed: 10.05.2019).
11. Haugevik K. Parental Child Abduction and the State: Identity, Diplomacy and the Duty of Care. In: *The Hague Journal of Diplomacy*, 2018, vol. 13, iss. 2, pp. 167–187.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Громоздина Мария Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления;
e-mail: gromlaws@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOUR

Maria V. Gromozdina – PhD in Law, associate professor at the Department of Civil and Business Law, Novosibirsk State University of Economics and Management;
e-mail: gromlaws@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Громоздина М. В. Участие органов опеки и попечительства в конвенционных делах о похищении детей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 18–26.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-18-26

FOR CITATION

Gromozdina M. V. The Participation of Custody Bodies in Child Abduction Convention Cases. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 3, pp. 18–26.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-18-26

УДК 347.61

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-27-41

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Дорская А. А.

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48, Российская Федерация*

Аннотация. Целью исследования является выявление семейных ценностей, исходя из анализа научной литературы по семейному праву в последние десятилетия. Автором использованы методы компаративистики, анализа, логический и исторический подходы. В работе прослеживается сложившаяся в российской юридической науке тенденция изучать семейное право как с позиций светского, так и канонического (церковного) права. Новизной проведённого исследования является тот факт, что в работе выделяются и рассматриваются семейные ценности, проявляющиеся на уровне правового регулирования, правоприменения, доктринального осмысления – отношение к браку как добровольному союзу мужчины и женщины, признание только брака, заключённого в органах записи актов гражданского состояния, право знать о своём происхождении, право на охрану личной (семейной) тайны, право на интернациональный брак и его защиту, свобода расторжения брака, право ребёнка на семью (приоритет семейного воспитания детей), право на частную и семейную жизнь и другие. Автор в результате исследования приходит к выводу, что если на протяжении столетий семейные ценности рассматривались, прежде всего, как коллективные, как права семьи в целом, то в последние десятилетия упор перенесён на поддержку, охрану и защиту прав отдельных категорий участников брачно-семейных отношений (несовершеннолетних детей, супругов и т. д.), т. е. преимущественных прав. Российское государство, с одной стороны, подчёркивает ценность зарегистрированного брака, традиционного понимания семейных отношений, но с другой стороны, стоит на позиции недискриминации в отношении прав детей, рождённых вне брака, супругов, состоящих в интернациональных браках, родителей, проживающих отдельно от своих детей.

Ключевые слова: семейное право, семейные ценности, каноническое (церковное) право, светское право, семья, брак, расторжение брака, права ребёнка

FAMILY VALUES AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC DISCUSSION: MAIN DIRECTIONS OF STUDYING FAMILY LAW IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

A. Dorskaya

*Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation*

Abstract. The purpose of the study is to identify family values through the analysis of recent publications on Family Law. The research methodology includes comparative method, analysis, logical and historical approaches. The paper traces the tendency in Russian legal science to study Family Law from the standpoints of both Secular Law and Canonical (Church) Law. The novelty of the research lies in the identification of family values that manifest themselves at the level of legal regulation, law enforcement and doctrinal thinking: attitude to marriage as a voluntary union of man and woman, recognition of only officially registered marriage, the right to know about one's origin, the right to guard personal (family) secrets, the right to international marriage and its protection, freedom of divorce, the right of the child to the family (priority of family education of children), the right to private and family life and etc. The author concludes that if in the past family values were considered as communal, in recent decades the accent has shifted to support and protection of individual rights of family members (underage children, spouses and others), i.e. subjective rights. The Russian state, on the one hand, stresses the importance of the registered marriage and traditional family values, but on the other hand avoids discriminating out-of-wedlock children, international spouses or parents living separately from their children.

Keywords: Family Law, family values, Canonical (Church) Law, Secular Law, family, marriage, divorce, child's rights

Правовые ценности, лежащие в основе правового регулирования той или иной области общественных отношений, определяют не только вектор развития институтов, подотраслей, отраслей права, а также системы права в целом, но и основные направления исследований в данной области. Анализ научных работ позволяет увидеть тенденции развития определённой сферы жизни общества и человека и выявить наиболее значимые сюжеты, установки, их изменения.

Семейное право как предмет исследования имеет особую историю.

В дореволюционный период сложности его изучения определялись дуализмом регулирования семейных отношений. Несмотря на то, что начиная с XVI в. государство постоянно пыталось «отвоевать» у Церкви своё право регулировать вопросы семьи и брака (достаточно вспомнить, что Иван Грозный не ограничился принятием Судебника 1550 г., но и созвал церковный собор с участием светских представителей, на котором был при-

нят Стоглав 1551 г.), вплоть до 1917 г. значение церковного (канонического) фактора в семейном праве было очень весомым. Именно поэтому большая часть научных работ, посвящённых семейно-правовой проблематике, принадлежит специалистам в области церковного права [5; 18; 39; 41 и др.]. Немногочисленные работы «светских» исследователей отражали либо обобщение практического опыта работы конкретного специалиста (так, с 1886 г. и вплоть до самой смерти в 1912 г. в бракоразводном отделении Канцелярии Святейшего Синода работал Сергей Петрович Григоровский, оставивший интереснейшие работы по семейному праву Российской империи) [12], либо гражданско-правовые аспекты развития семейного права [33].

В советское время изучение семейного права было обусловлено рядом новых особенностей и трудностей. Затруднительным было рассмотрение семейно-правовых вопросов с историко-правовых позиций, т. к. оно натал-

кивалось на проблему роли церковного права в системе права дореволюционной России, хотя С. В. Юшков – один из выдающихся российских историков права, во многом благодаря которому история государства и права как наука и учебная дисциплина была возрождена в СССР в конце 30–40-е гг. после отнесения её к разряду «буржуазных» в 1917–1918 гг., изначально занимался именно церковным правом. Трудности добавляла специфика правового регулирования имущественных отношений в семье с учётом отсутствия института частной собственности на протяжении большей части советского периода. Вместе с тем, были и несомненные успехи в изучении семейного права. Так, классикой российской юриспруденции стали работы А. М. Нечаевой [24].

На современном этапе, с одной стороны, восполняются многие пробелы в исследованиях. В частности, с 1990-х гг. в отдельное направление историко-правовой науки выделилось изучение истории семейного права [49]. Появились работы, обобщающие опыт правового регулирования брачно-семейных отношений в России на протяжении практически всей истории [25]. Изучение архивных материалов позволило рассматривать вопросы развития семейного права в его соотношении с обычным правом [34].

О том, насколько вопросы семейного права являются дискуссионными, свидетельствует тот факт, что специалисты до сих пор не могут определиться с местом семейного права в системе российского права.

Согласно первому подходу, сложившемуся ещё в советский период, семейное право представляет собой отрасль частного права [36; 54], имеющей осо-

бый предмет и метод правового регулирования. Отличительной чертой норм семейного права считается их более тесное переплетение моральными нормами и нравственными началами по сравнению с нормами других отраслей права [1, с. 162].

Представители другого направления, подчёркивающие условность деления права на публичное и частное, считают семейное право отраслью частно-публичного права [13].

Третья точка зрения состоит в том, что, как и во многих европейских странах, семейное право рассматривают как подотрасль гражданского права [9; 30; 56]. Безусловно, такой подход имеет право на существование, т. к. существует достаточно много ситуаций, когда невозможно отделить семейные правоотношения от имущественных. Примером могут служить права кредиторов в семейном праве [6], необходимость получения согласия супруга на увеличение уставного капитала общества [29], существование института обязательной доли в наследстве как гарантии обеспечения семейных прав [40], взаимосвязанность авторского, наследственного и семейного права в рамках гражданско-правовых отношений [4] и т. д.

Анализ научных работ российских исследователей последних 20 лет позволяет выделить следующие семейные ценности, проявляющиеся на уровне правового регулирования, правоприменения, доктринального осмысления.

Во-первых, ценность признаются сами семейные права.

Проследить данный процесс можно на примере закрепления и проявления семейных ценностей в правовой политике Российского государства на раз-

личных этапах государственно-правового развития.

Вплоть до XVI в., когда брачно-семейные вопросы находились в юрисдикции Церкви, разрушение семьи считалось абсолютным злом. Так, в Эклоге – одном из важнейших источников византийского права VIII, который был воспринят на Руси и действовал вплоть до Стоглава, ассоциацией зла было «разрушение всего» (XVII Титул), хаос, который наступает при разрушении семьи как особого «мира»¹.

О том, что семейные ценности стали частью правовой политики Российского государства, свидетельствует тот факт, что Иван Грозный не ограничился принятием Судебника 1550 г., но и созвал церковный собор с участием светских представителей, на котором был принят Стоглав 1551 г. Тенденция, сложившаяся в XVI в., сохраняется до сих пор.

Значимость семейных прав подчёркивается и сохранением института семьи на протяжении практически всей истории человечества, и развитием законодательства о защите прав различных субъектов семейных отношений – супругов, родителей, детей, отчимов и мачех, пасынков и падчериц, и признанием различных интересов в семейных отношениях, и огромным вниманием к проблеме злоупотребления правами в брачно-семейной сфере [20; 22; 23; 28; 43; 46; 52; 53].

Выделение семейных прав как особого вида прав и подчёркивание их ценности доказывают попытки обосновать новый вид юридической ответственности – семейно-правовую. Так, О. С. Турусова в своём диссертационном исследовании отмечает, что правоотношение, возникающее из нарушения семейных обязанностей, установленных Семейным кодексом РФ или договорами, которое выражается в форме неблагоприятных для нарушителя последствий в виде ограничения или лишения личных неимущественных или имущественных прав, может рассматриваться как семейно-правовая ответственность [45, с. 9]. Меры такой ответственности могут быть различными. Например, лишение родительских прав [11], признание брака недействительным, уменьшение доли супруга в общем супружеском имуществе при разделе совместно нажитого имущества и т. д. Отличительной чертой семейно-правовой ответственности современные исследователи считают то, что она не предполагает дополнительных имущественных обременений правонарушителя, а выражается в лишении или ограничении субъективного семейного права [37, с. 7].

Во-вторых, несмотря на то, что за XX в. в России два раза произошла коренная смена государственного строя, ни в 1917 г., ни в 1990-е гг. не изменилось отношение к традиционному браку. Так, например, характеризуя первый советский кодекс – Кодекс законов РСФСР о записи актов гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г., Д. А. Пашенцев отмечает, что выстраивая новую модель правового регулирования семейно-брачных отношений, законодатель исходил из того, что институт семьи как основу обще-

¹ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века [Электронный ресурс] // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/ecloga.htm> (дата обращения: 14.04.2019).

ства и государства следует сохранить, несмотря на высказывание и противоположного мнения [31, с. 8]. В конце XX в. в России так же не были массово восприняты новые западные ценности, развитие которых привело к признанию однополых браков [57], поэтому в Семейном кодексе РФ по-прежнему одним из главных принципов регулирования семейных отношений является добровольность брачного союза мужчины и женщины (ст. 3)².

При этом современное российское законодательство стоит на позиции признания и защиты только брака, зарегистрированного в органах записи актов гражданского состояния. Несмотря на то, что в истории права России был период, когда сожителство было практически приравнено к официальному браку (согласно ст. 3 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. лица, фактически состоящие в брачных отношениях, но не зарегистрированных установленным порядком, могли в любое время оформить данные отношения с указанием даты начала фактической совместной жизни³). Ныне действующий Семейный кодекс считают одним из наиболее «жестких» в отстаивании ценности зарегистрированного брака.

В-третьих, к семейным ценностям относится право знать о своём происхождении, которое, правда, в послед-

нее время входит в некоторое противоречие с правом на личную и семейную тайну [17].

Отчасти эти вопросы рассматривались в Европейском Суде по правам человека, в частности, в деле «Знаменская против Российской Федерации». Сутью жалобы заявительницы являлась невозможность изменить отчество и фамилию мертворождённого ребёнка, чтобы отразить его биологическое происхождение от последнего партнёра, т. к. действовала правовая презумпция отцовства официального мужа матери ребёнка. Как отмечает А. М. Нурбалаева, РФ признала, что органы национального правосудия совершили ошибку, когда рассмотрели дело с позиций гражданских прав мертворождённого ребёнка, и не уделили должного внимания правам матери, которая стремилась дать плоду имя и похоронить его [26, с. 48].

С правом знать о своём происхождении тесно связано право на сохранение семейных связей [38], которое на современном этапе тоже можно отнести к правовым ценностям. Государства создают нормативно-правовую базу, не препятствующую общению ребёнка со своими родственниками за исключением особых случаев, предусмотренных законом. Такая же позиция прослеживается в решениях Европейского Суда по правам человека. В частности, в деле «Киган против Ирландии» 1994 г. Суд отметил, что, несмотря на отсутствие зарегистрированного брака, понятие «семья» включает и фактические отношения, поэтому ребёнок, который родился в таких отношениях, будет её членом с момента своего рождения и в силу данного факта [2, с. 54].

В-четвёртых, процессы глобализации и интеграции, миграционные

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.04.2019).

³ Кодекс законов о браке, семье и опеке (утверждён Постановлением ВЦИК 19.11.1926 г.). М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947. 164 с.

процессы привели к тому, что на современном этапе постоянно растёт количество интернациональных браков. Таким образом, к семейным ценностям можно отнести свободу вступления в брак, не ограниченную государственными границами. Если на разных этапах истории государство предпринимало меры, запрещающие или ограничивающие браки с иностранцами, то теперь возобладала другая позиция. Именно поэтому возрастает число работ, в которых проводится сравнительный анализ правового регулирования брачно-семейных отношений в различных странах, активно изучается зарубежный опыт [8; 10], особенности регулирования трансграничных семейных отношений [35].

Особое значение имеет сравнение подходов в странах СНГ, которые связаны друг с другом и исторически, и культурно, и в коммуникационной сфере.

В этой связи можно считать, что ценностью стало право на уважение частной и семейной жизни. Современные исследователи отмечают, что уже сложились международные стандарты в сфере охраны личной и семейной жизни [19] и что они активно защищаются, в частности, Европейским Судом по правам человека [14; 21; 27; 47] и Комитетом по правам человека ООН [48]. Именно поэтому использование термина «международное семейное право» уже воспринимается вполне естественно.

В-пятых, к ценностям [32], безусловно, относится стремление государства и его органов сохранить семью, даже если в ней возникли серьёзные противоречия.

Анализ научной литературы показывает, что государство неоднократно

пыталось изменить тактику в данном вопросе. Вплоть до XIX в. вопросы о расторжении брака находились исключительно в юрисдикции Церкви, которая всячески препятствовала разводам. Однако затем на повестке дня встала проблема введения гражданского брака и развода в России. Это было обусловлено и зарубежным опытом (Нидерланды, Англия, Румыния, германские земли, Италия, Испания и другие государства), и присоединением новых территорий, где проживали представители разных национальностей и вероисповеданий. В советский период процедура расторжения брака была упрощена сначала в Кодексе 1918 г., а затем в Кодексе законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. (развод могли осуществлять не только суды, но и органы ЗАГС). Затем снова началось усложнение процедуры: судья должен был установить мотивы расторжения брака.

Современные российские законодатели пошли по пути отказа от внесения в нормативно-правовую базу примерного перечня мотивов расторжения брака. Так, В. А. Цветков отмечает, что только судебная практика позволяет выделить такие виды мотивов расторжения брака, как а) физиологические (заболевания супруга или детей, препятствующие совместной семейной жизни); б) экономические (нехватка денежных средств у супругов); в) психологические (невозможность найти общий язык); г) асоциальное (поведение супруга, не соответствующее общественным нормам и принципам) [50, с. 52].

В-шестых, к семейным ценностям относится приоритетная защита материнства, отцовства и детства.

Современные исследователи несколько по-разному подходят к данному вопросу в зависимости от того, считают ли семейное право подотраслью гражданского права или самостоятельной отраслью права. Сторонники первого подхода исходят из принципа юридического равенства участников семейных правоотношений, а второго – выделяют субъекты семейного права, имеющие преимущественные права (супруги, несовершеннолетние и нетрудоспособные члены семьи) [16, с. 111–112].

Предпринимаемые меры однозначно свидетельствуют о том, что защита материнства, отцовства и детства является одним из приоритетных направлений развития семейного законодательства. Это вызвано целым рядом причин, среди которых в первую очередь необходимо назвать демографические проблемы (по данным 2017 г. средний показатель количества детей в семье составлял в России 1,43 [23, с. 3]) и нарушения прав детей. Именно поэтому сначала был подписан Указ Президента Российской Федерации № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.»⁴, а затем Указом Президента № 240 провозглашено Десятилетие детства в России (2018–2027 гг.)⁵.

⁴ Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.04.2019).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Официальный сайт Президента Российской Федерации URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения: 18.04.2019).

Важное место в ценностной иерархии занимает право ребёнка на семью. Именно поэтому российские учёные уделяют значительное внимание институту усыновления/удочерения [3; 15; 44], а также приёмной семье [55].

В-седьмых, современные светские государства не препятствуют использованию правовых обычаев и религиозных норм при заключении браков официальным путём, если они не противоречат закону. В особые направления исследований можно выделить изучение обычного права в брачно-семейной сфере кавказских народов [7], семейных ценностей в рамках мусульманского права [51]. Однако ценностью в данном случае выступает свобода вероисповедания, а не церковная (религиозная) форма брака [42].

Таким образом, анализ современных российских исследований в области семейного права позволяет сделать вывод о том, что если на протяжении столетий семейные ценности рассматривались, прежде всего, как коллективные, как права семьи в целом, то в последние десятилетия упор перенесён на поддержку, охрану и защиту прав отдельных категорий участников брачно-семейных отношений – несовершеннолетних детей, супругов и т. д., т. е. преимущественных прав. Российское государство, с одной стороны, подчёркивает ценность зарегистрированного брака, традиционного понимания семейных отношений, но с другой – стоит на позиции недискриминации в отношении прав детей, рождённых вне брака, супругов, состоящих в интернациональных браках, родителей, проживающих отдельно от своих детей и т. д. Современные семей-

ные ценности базируются на признании основных прав и свобод человека – праве на семью, свободе совести и вероисповедания, свободе передвижения, праве собственности и других, а также на сложившихся в течение веков обычаях и традициях, что находит

свое выражение в непротивлении использованию в качестве вторичных норм обычного права народов и религиозных норм.

*Статья поступила
в редакцию 31.05.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров И. Ф. Правовая природа семейного права как самостоятельной отрасли российского права // Проблемы развития предприятий: теория и практика. Самара: Самарский государственный экономический университет, 2017. С. 162–167.
2. Арзамазов А. А. Значение решений Европейского Суда по правам человека в толковании термина «семейная жизнь» // Право: история, теория, практика. Киров, 2018. С. 52–56.
3. Батурина Н. И. Усыновление (удочерение) детей по российскому семейному праву: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2005. 21 с.
4. Берая И. О., Гельдибаев М. Х. Взаимосвязь авторского права, наследственного права и семейного права в рамках гражданско-правовых отношений // Потенциал современной науки. 2016. № 2 (19). С. 121–127.
5. Бердников И. С. Форма заключения брака у европейских народов в её историческом развитии. Казань: Типография Императорского университета, 1887. 56 с.
6. Бессонов В. В., Султанских Н. В. Права кредиторов в семейном праве // Правовые вопросы современности: теория и практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган: Курганский государственный университет, 2009. С. 68.
7. Бетева М. М., Цховребова М. К. К вопросу брачно-семейных отношений по обычному праву осетин // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 6 (79). С. 77–81.
8. Большакова О. Г. Ограничение родительских прав по семейному праву Швеции // Вестник факультета юриспруденции и ювенальной юстиции. 2010. № 4. С. 175–182.
9. Васильев В. К вопросу о месте семейного права в системе российского права // Закон и право. 2010. № 12. С. 75–77.
10. Гевель Д. Некоторые примеры влияния решений Европейского Суда по правам человека на французское семейное право // Российское правосудие. 2010. № 5 (49). С. 30–42.
11. Гончарук М. С. Лишение родительских прав как мера ответственности в семейном праве // Молодой учёный. 2017. № 47 (181). С. 97–99.
12. Григоровский С. П. О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство. Историко-юридические очерки. СПб.: Синодальная типография, 1911. 356 с.
13. Данилова И. С. Семейное право как отрасль частно-публичного права // Четвёртый Пермский международный конгресс учёных-юристов. 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства. Материалы международной научно-практической конференции. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2013. С. 100–102.

14. Запашикова Л. А. Применение норм о праве на уважение семейной жизни Европейским Судом по правам человека // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе. Краснодар, 2015. С. 785–790.
15. Истомина В. С. Усыновление и удочерение по российскому семейному праву // Актуальные вопросы развития социально-экономических систем в современном обществе. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Саратов, 2015. С. 40–42.
16. Ковалева М. Л. Преимущественные права в семейном праве Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 2. С. 111–118.
17. Корнилова Ю. В. Коллизия права на личную и семейную тайну и права знать информацию о своём происхождении // Теория и практика современной науки. 2016. № 6-1 (12). С. 641–643.
18. Красножен М. Е. Новейшее законодательство по делам Православной Русской Церкви. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1909. 71 с.
19. Левицкая Е. А. Проблемы соотношения международных стандартов в сфере охраны личной и семейной жизни с публичным правом России // Международное публичное и частное право. 2017. № 6. С. 32–35.
20. Лопаткина А. С. Злоупотребление семейными правами как основание ограничения семейных прав // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 9. С. 148–150.
21. Макарова Т. Г. Защита права на уважение семейной жизни в практике Европейского Суда по правам человека // Проблемы права в современной России. Сборник статей межвузовской научно-практической конференции с международным участием. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2016. С. 147–156.
22. Малинова А. Г. Понятие «законные интересы» в семейном праве // Российский юридический журнал. 2001. № 1. С. 62–65.
23. Матвеева М. В. Права ребёнка в семейном праве: проблемы законодательства, теории и практики: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2017. 30 с.
24. Нечаева А. М. Семья и закон: Правовое регулирование неимущественных брачно-семейных отношений. М.: Наука, 1980. 127 с.
25. Нижник Н. С. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в контексте эволюции государственно-правовой системы России IX–XX вв.: дис. ... докт. юр. наук. СПб., 2003. 492 с.
26. Нурбалаева А. М. Право на уважение частной и семейной жизни в практике Европейского Суда по правам человека // Юридический вестник ДГУ. 2011. № 1. С. 47–50.
27. Нуртдинова А. Ф. Право на уважение семейной жизни и его защита Европейским Судом по правам человека // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 2. С. 2–9.
28. Оганесян Д. А. Правовой статус отчима (мачехи) и пасынков (падчериц) по семейному, гражданскому праву и праву социального обеспечения // World Science: Problems and Innovations: сб. трудов конференции. Пенза: Наука и просвещение, 2017. С. 217–220.
29. Останина Е. А. Между семейным и корпоративным правом: согласие супруга на увеличение уставного капитала общества // Закон. 2014. № 7. С. 92–97.

30. Папшева И. Н. Семейное право – подотрасль гражданского права // Право: новые подходы в творчестве молодых учёных. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2000. С. 127–132.
31. Пашенцев Д. А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. 2018. № 11 (263). С. 5–13.
32. Певцова Н. С. Конституционные ценности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 66–69.
33. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. СПб.: Синодальная типография, 1889. 712 с.
34. Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2016. 399 с.
35. Пучков В. О. Договорное регулирование трансграничных семейных отношений по российскому и иностранному праву // Российское право online. 2017. № 4. С. 66–77.
36. Рузанова В. Д. Гражданское и семейное право как самостоятельные и взаимосвязанные отрасли // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 4 (21). С. 76–84.
37. Сидорова С. А. Вопросы применения мер гражданско-правовой и семейно-правовой ответственности в семейном праве: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Рязань, 2007. 24 с.
38. Ситкова О. Ю. Право ребёнка на сохранение семейных связей в практике российских судов и Европейского Суда по правам человека. 2008. № 4. С. 78–80.
39. Скворцов И. М. О видах и степенях родства. Киев, 1864. 38 с.
40. Солодкова Т. П. Право на обязательную долю в наследстве как гарантия обеспечения семейных прав граждан // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 7. С. 159–165.
41. Суворов Н. С. Гражданский брак. СПб.: Издательство Я. Канторовича, 1896. 161 с.
42. Тарасова К. В. Философско-религиозный подход к праву на свободу вероисповедания и праву на уважение частной и семейной жизни // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 8. С. 81–91.
43. Темникова Н. А. Реализация и защита личных неимущественных прав ребёнка по семейному праву России. Омск: Омский экономический институт, 2009. 191 с.
44. Ткаченко Т. В. Усыновление по российскому семейному праву: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 1999. 28 с.
45. Турусова О. С. Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных государствах: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2011. 31 с.
46. Ульбашев А. Х. Пределы осуществления семейных прав и злоупотребление правом в брачно-семейных отношениях // Научный поиск. 2017. № 3.1. С. 59–66.
47. Фомина Л. Ю. Защита права на уважение частной и семейной жизни в Европейском Суде по правам человека // Международное публичное и частное право. 2016. № 5. С. 12–15.
48. Фомина Л. Ю. Защита частной и семейной жизни от произвольного и незаконного вмешательства в практике Комитета по правам человека // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 4. С. 111–118.
49. Цатурова М. К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М.: Юридическая литература, 1991. 112 с.
50. Цветков В. А. Мотивы расторжения брака по российскому семейному праву // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 1 (20). С. 51–53.

51. Цмай В. В. Регулирование семейно-брачных отношений мусульман «правом личного статуса». СПб.: Санкт-Петербургский университет аэрокосмического приборостроения, 2000. 240 с.
52. Шершень Т. В. Принцип равенства прав супругов: генезис и некоторые проблемы его реализации в современном семейном праве России // Российская юстиция. 2010. № 7. С. 28–31.
53. Шилова К. Р. Семейное право как самостоятельная отрасль российского права // Современные тенденции развития науки в молодежной среде сборник научно-исследовательских работ студентов. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2017. С. 409–413.
54. Шитикова К. Е., Шульская Е. А. Семья и семейное право в римском праве // Вестник современных исследований. 2016. № 3-1 (3). С. 132–137.
55. Шукуров Р. А. Приёмная семья по семейному праву России: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Белгород, 2004. 22 с.
56. Шушканов П. А. Место семейного права в системе российского частного права // Право: история, теория, практика. Сборник статей и материалов. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2016. С. 215–219.
57. Шукина Н. Е. Однополые браки по европейскому семейному праву // Форум молодых учёных. 2018. № 5-3 (21). С. 1027–1034.

REFERENCES

1. Aleksandrov I. F. [The legal nature of Family Law as an independent branch of the Russian Law]. In: *Problemy razvitiya predpriyatii: teoriya i praktika* [The Issues of Enterprise Development: Theory and Practice]. Samara, Samara State Economic University Publ., 2017, pp. 162–167.
2. Arzamazov A. A. [The Importance of the Decisions of the European Court of Human Rights in the Interpretation of the Term «Family Life»]. In: *Pravo: istoriya, teoriya, praktika* [Law: History, Theory, Practice]. Kirov, 2018, pp. 52–56.
3. Baturina N. I. *Usynovlenie (udocherenie) detei po rossiiskomu semeinomu pravu: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk* [Adoption of Children According to Russian Family Law: Abstract of PhD Thesis in Law]. Volgograd, 2005. 21 p.
4. Beraya I. O., Geldibaev M. K. [The relationship of Copyright Law, Inheritance Law and Family Law under Civil Law relations]. In: *Potentsial sovremennoi nauki* [Potential of Modern Science], 2016, no. 2 (19), pp. 121–127.
5. Berdnikov I. S. *Forma zaklyucheniya braka u evropeiskikh narodov v ee istoricheskom razviti* [The Form of Marriage among the European Peoples in Its Historical Development]. Kazan, Imperial University Printing House Publ., 1887. 56 p.
6. Bessonov V. V., Sultanskikh N. V. [The Rights of Creditors in Family Law]. In: *Pravovye voprosy sovremenности: teoriya i praktika: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Legal Issues of Our Time: Theory and Practice: Proceedings of All-Russian Theoretical and Practical Conference]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2009. pp. 68.
7. Beteeva M. M., Tskhovrebova M. K. [To the issue of marriage and family relations under Ossetian Customary Law]. In: *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Humanities and Social and Economic Sciences], 2014, no. 6 (79), pp. 77–81.
8. Bolshakova O. G. [The restriction of parental rights under Sweden Family Law]. In: *Vestnik fakulteta yurisprudentsii i yuvenalnoi yustitsii* [Bulletin of the Faculty of Law and Juvenile Justice], 2010, no. 4, pp. 175–182.
9. Vasilyev B. [To the issue of the place of Family Law in the Russian Law]. In: *Zakon i pravo* [Legal Act and Law], 2010, no. 12, pp. 75–77.

10. Gevel D. [Some examples of the impact of the decisions of the European Court of Human Rights in French Family Law]. In: *Rossiiskoe pravosudie* [Russian Justice], 2010, no. 5 (49), pp. 30–42.
11. Goncharuk M. S. [Termination of parental rights as a measure of responsibility in Family Law]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2017, no. 47 (181), pp. 97–99.
12. Grigorovsky S. P. *O razvode. Prichiny i posledstviya razvoda i brakorazvodnoe sudoproizvodstvo. Istoriko-yuridicheskie ocherki* [On Divorce. Causes and Consequences of Divorce and Divorce Proceedings. Legal and Historical Essays]. St. Petersburg, Synod Printing House Publ., 1911. 356 p.
13. Danilova I. S. [Family Law as a branch of the private-public law]. In: *Chetvertyi Permskii mezhdunarodnyi kongress uchenykh-yuristov. 20 let Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii: aktualnye problemy juridicheskoi nauki i pravoprimereniya v usloviyakh sovershenstvovaniya rossiiskogo zakonodatel'stva. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The Fourth Perm International Congress of Legal Scholars. 20 Years of the Constitution of the Russian Federation: Current Problems of Legal Science and Law Enforcement in Terms of Improvement of the Russian Legislation. Proceedings of International Theoretical and Practical Conference]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2013, pp. 100–102.
14. Zapashchikova L. A. [The application of the rules on the right to respect for family life the European Court of Human Rights]. In: *Aktualnye problemy prava i pravoprimeritel'noi deyatel'nosti na sovremennom etape* [Current Problems of Law and Law Enforcement at the Present Stage]. Krasnodar, 2015, pp. 785–790.
15. Istomina V. S. [Adoption under the Russian Family Law]. In: *Aktualnye voprosy razvitiya sotsialno-ekonomicheskikh sistem v sovremennom obshchestve. Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Topical Issues of Socio-Economic Systems in Modern Society. Proceedings of the 8th International Theoretical and Practical Conference]. Saratov, 2015, pp. 40–42.
16. Kovaleva M. L. [Pre-emptive rights in the Family Law of the Russian Federation]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Tver State University. Series: Law], 2014, no. 2, pp. 111–118.
17. Kornilova Y. V. [Conflict of the right to personal and family privacy and right to know about one's origins]. In: *Teoriya i praktika sovremennoi nauki* [Theory and Practice of Modern Science], 2016, no. 6-1 (12), pp. 641–643.
18. Krasnozhen M. E. *Noveishee zakonodatel'stvo po delam Pravoslavnoi Russkoi Tserkvi* [The Latest Legislation on the Affairs of the Orthodox Russian Church]. Yuryev: K. Mattisen's Publishing House, 1909. 71 p.
19. Levitskaya E. A. [The problem of correlation of international standards in the field of protection of personal and family life with the public law of Russia]. In: *Mezhdunarodnoe publikhnoe i chastnoe pravo* [International Public and Private Law], 2017, no. 6, pp. 32–35.
20. Lopatkina A. S. [Abuse of family rights as the basis of limitation of family rights]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2009, no. 9, pp. 148–150.
21. Makarova T. G. [Protection of the right to respect for family life in the jurisprudence of the European Court of Human Rights]. In: *Problemy prava v sovremennoi Rossii. Sbornik statei mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [The Issues of Law in Modern Russia. A Collection of Papers of Interuniversity Theoretical and Practical Conference with International Participation]. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Publ., 2016. pp. 147–156.

22. Malinova A. G. [The concept of «legitimate interests» in Family Law]. In: *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian legal Journal], 2001, no. 1, pp. 62–65.
23. Matveeva M. V. *Prava rebenka v semeinom prave: problemy zakonodatel'stva, teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk* [Children's Rights in Family Law: Problems of Legislation, Theory and Practice: PhD Thesis in Law]. Moscow, 2017. 30 p.
24. Nechaeva A. M. *Semya i zakon: Pravovoe regulirovanie neimushchestvennykh brachno-semeinykh otnoshenii* [Family and Law: Legal Regulation of Moral Marriage and Family Relations]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 127 p.
25. Nizhnik N. S. *Pravovoe regulirovanie brachno-semeinykh otnoshenii v kontekste evolyutsii gosudarstvenno-pravovoi sistemy Rossii IX–XX vv.: dis. ... dokt. yur. nauk* [Legal Regulation of Marital and Family Relations in the Context of the Evolution of State-Legal System of Russia in the 9th – 20th Centuries: D. Thesis in Law]. St. Petersburg, 2003. 492 p.
26. Nurbalaeva A. M. [The right to respect for private and family life in the jurisprudence of the European Court of Human Rights]. In: *Yuridicheskii vestnik DGU* [Legal Bulletin of Dagestan State University], 2011, no. 1, pp. 47–50.
27. Nurtdinova A. F. [The right to respect for family life and its protection by the European Court of Human Rights]. In: *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2011, no. 2, pp. 2–9.
28. Oganesyana D. A. [The legal status of a stepfather (stepmother) and laterals (step-daughters) in the family, Civil Law and Social Security Law]. In: *World Science: Problems and Innovations: sb. trudov konferentsii* [World Science: Problems and Innovations: a Collection of Papers]. Penza, Science and Education Publ., 2017, pp. 217–220.
29. Ostanina E. A. [Between family and Corporate Law: spousal consent for increase in the authorized capital of the company]. In: *Zakon* [The Law], 2014, no. 7, pp. 92–97.
30. Papsheva I. N. [Family Law as a subsector of Civil Law]. In: *Pravo: novye podhody v tvorchestve molodykh uchyonykh* [The Law: New Approaches in the Works of Young Scientists]. Barnaul, Altai State University Publ., 2000, pp. 127–132.
31. Pashentsev D. A. [Codification as a tool for the design of the legal system in the early period of the Soviet state (the 100th anniversary of the first Soviet codes)]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 11 (263), pp. 5–13.
32. Pevtsova N. S. [Constitutional values]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2019, no. 1, pp. 66–69.
33. Pobedonostsev K. P. *Kurs grazhdanskogo prava* [The Course of Civil Law]. St. Petersburg, Synod Printing House Publ., 1889. 712 p.
34. Polyansky P. L. *Pravovoe regulirovanie brachno-semeinykh otnoshenii v rossiiskom obshchestve: istoriko-pravovoe issledovanie* [Legal Regulation of Marriage and Family Relations in the Russian Society: Historical and Legal Study]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2016. 399 p.
35. Puchkov V. O. [Contractual regulation of cross-border family relations in the Russian law and abroad]. In: *Rossiiskoe pravo online* [Russian Law Online], 2017, no. 4, pp. 66–77.
36. Ruzanova V. D. [Civil and Family Law as an independent and interrelated industry]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Law], 2013, no. 4 (21), pp. 76–84.
37. Sidorova S. A. *Voprosy primeneniya mer grazhdansko-pravovoi i semeino-pravovoi otvetstvennosti v semeinom prave: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk* [The Issues of Application of Measures of Civil and Family Legal Liability in Family Law: PhD Thesis in Law]. Ryazan, 2007. 24 p.
38. Sitkova O. Y. *Pravo rebyonka na sohranenie semeinykh svyazey v praktike rossiiskikh sudov i Evropejskogo Suda po pravam cheloveka* [The right of the child to preservation of family

- relations in practice of the Russian courts and the European Court of Human Rights], 2008, no. 4, pp. 78–80.
39. Skvortsov I. M. *O vidakh i stepenyakh rodstva* [On Types and Degrees of Kinship]. Kiev, 1864. 38 p.
 40. Solodkova T. P. [The right to compulsory share of inheritance as a guarantee of citizens' family rights]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Tver State University. Series: Law], 2008, no. 7, pp. 159–165.
 41. Suvorov N. S. *Grazhdanskiy brak* [Civil Marriage]. St. Petersburg, Y. Kantorovich's Publishing House, 1896. 161 p.
 42. Tarasova K. V. [Philosophical and religious approach to the right to freedom of religion and right to have a respect for private and family life]. In: *Sotsialno-ekonomicheskie issledovaniya, gumanitarnye nauki i yurisprudentsiya: teoriya i praktika* [Social and Economic Research, Humanities and Jurisprudence: Theory and Practice], 2016, no. 8, pp. 81–91.
 43. Temnikova N. A. *Realizatsiya i zashchita lichnykh neimushchestvennykh prav rebenka po semeinomu pravu Rossii. Monografiya* [The Implementation and Protection of Child's Moral Rights in the Family Law of Russia]. Omsk, Omsk Economic Institute Publ., 2009. 191 p.
 44. Tkachenko T. V. *Usynovlenie po rossiiskomu semeinomu pravu: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk* [Adoption under the Russian Family Law: Abstract of PhD Thesis in Law]. Rostov-on-Don, 1999. 28 p.
 45. Turusova O. S. *Semeino-pravovaya otvetstvennost' v Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh gosudarstvakh: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk* [Family Law Responsibility in the Russian Federation and Abroad: Abstract of PhD Thesis in Law]. Moscow, 2011. 31 p.
 46. Ulbashev A. K. [Restrictions of family rights and abuse of the right to marriage and family relations]. In: *Nauchnyi poisk* [Scientific Search], 2017, no. 3.1, pp. 59–66.
 47. Fomina L. Y. [Protection of the right to respect for private and family life in the European Court of Human Rights]. In: *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* [International Public and Private Law], 2016, no. 5, pp. 12–15.
 48. Fomina L. Y. [Protection of private and family life against arbitrary or unlawful interference into the practice of the Committee on Human Rights]. In: *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* [Bulletin of Volzhsky University after V. N. Tatischev]. 2018, vol. 2, no. 4, pp. 111–118.
 49. Tsaturova M. K. *Russkoe semeinoe pravo XVI–XVIII vv.* [Russian Family Law in the 16th–18th centuries]. Moscow, Legal Literature Publ., 1991. 112 p.
 50. Tsvetkov V. A. [The explanation of dissolution of marriage according to the Russian Family Law]. In: *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of Omsk Legal Academy], 2013, no. 1 (20), pp. 51–53.
 51. Tsmay V. V. *Regulirovanie semeino-brachnykh otnoshenii musulman «pravom lichnogo statusa»* [The Regulation of family relations of Muslim by «personal status law»]. St. Petersburg, St. Petersburg University of Space Instrument Making Publ., 2000. 240 p.
 52. Shershen T. V. [The principle of equality of spousal rights: Genesis and some issues of its implementation in modern Family Law of Russia]. In: *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2010, no. 7, pp. 28–31.
 53. Shilova K. R. [Family Law as an independent branch of the Russian Law]. In: *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki v molodezhnoi srede sbornik nauchno-issledovatel'skikh rabot studentov* [Modern Trends Of The Development of Science with Young Researchers: a Collection of Students' Research Papers]. Yelets: Yelets State University named after I. A. Bunin], 2017. pp. 409–413.
 54. Shitikova K. E., Shulskaya E. A. [Family and Family Law in the Roman Law]. In: *Vestnik sovremennykh issledovaniy* [Bulletin of Modern Research], 2016, no. 3-1 (3), pp. 132–137.

55. Shukurov R. A. *Priemnaya semya po semeinomu pravu Rossii: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk* [Foster family under Family Law of Russia: Abstract of PhD Thesis in Law]. Belgorod, 2004. 22 p.
56. Shushkanov P. A. [The Place of Family Law in the Russian Private Law]. In: *Pravo: istoriya, teoriya, praktika. Sbornik statei i materialov* [Law: History, Theory, Practice. A Collection of Articles and Materials]. Bryansk: Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, 2016. pp. 215–219.
57. Shchukina N. E. [Same-sex marriages under European Family Law]. In: *Forum molodykh uchenykh* [Young Scientists Forum], 2018, no. 5-3 (21), pp. 1027–1034.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дорская Александра Андреевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета;
e-mail: adorskaya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra A. Dorskaya – Doctor of law, professor, head of the Department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: adorskaya@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Дорская А. А. Семейные ценности как предмет научной дискуссии: основные направления изучения семейного права в России на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 27-41.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-27-41

FOR CITATION

Dorskaya A. A. Family Values as a Subject of Scientific Discussion: Main Directions of Studying Family Law in Russia at the Present Stage. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 3, pp. 27-41.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-27-41

УДК 347.61/.64

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-42-50

РОЛЬ СОВРЕМЕННОГО НОТАРИАТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Елисева А. А.

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
125993, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9, Российская Федерация*

Аннотация. Работа посвящена исследованию роли современного нотариата в вопросах обеспечения государственной семейной политики Российской Федерации, целью которой является предоставление необходимых условий для реализации семьей её функций и повышение качества жизни семьи, что, по мнению автора, невозможно достичь без наличия определённого правового механизма по защите прав её членов и семьи в целом. Нотариальная деятельность рассматривается как особая форма обеспечения защиты семейных прав. В статье обозначен круг семейно-правовых сделок, удостоверяемых нотариусом, выявлены и проанализированы отдельные проблемы правового регулирования вопросов, связанных с выездом несовершеннолетних детей за пределы РФ без сопровождения их законных представителей. Применение системного и сравнительного методов позволило автору выявить круг полномочий нотариуса при обеспечении защиты семейных прав на современном этапе. На основе комплексного анализа норм семейного законодательства и законодательства о нотариате сделать вывод о наличии потенциала нотариата в вопросах обеспечения защиты семейных прав, предложить определённые пути совершенствования действующего законодательства в исследуемой сфере. Полученные в результате исследования выводы и отдельные предложения могут быть положены в основу дальнейших исследований по данной проблематике и использованы в законотворческом процессе.

Ключевые слова: семья, семейная политика, нотариат, защита семейных прав, семейно-правовые сделки, нотариальное согласие, нотариальное удостоверение сделок

THE ROLE OF MODERN NOTARY IN ENSURING THE IMPLEMENTATION OF THE STATE FAMILY POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. Eliseeva

*Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract. This article is devoted to the study of the role of modern notary in matters of ensuring the state family policy of the Russian Federation, the purpose of which is to provide the necessary conditions for the family to fulfill its functions and improve the quality of family life, which, according to the author, cannot be achieved without a specific legal mechanism to protect its rights members and families in general. The notary activity in the article is considered

as a special form of ensuring the protection of family rights. The article identifies a range of family-legal transactions certified by a notary; it identifies and analyzes certain problems of legal regulation of issues related to the departure of minor children outside the Russian Federation without being accompanied by their legal representatives. The application of the method of system and comparative analysis allowed the author to identify the scope of authority of the notary in ensuring the protection of family rights at the present stage and on the basis of a comprehensive analysis of the norms of family law, legislation on notaries, to conclude that the notaries have the potential to ensure the protection of family rights, to suggest certain ways to improve the existing legislation in the field of study. The findings of the study and individual proposals can be used as a basis for further research on this issue and used in the legislative process.

Keywords: family, family policy, notary, protection of family rights, family law transactions, notarial consent, notarization of transactions

Семейная политика национальна [10]. Государственная семейная политика Российской Федерации является составной частью социальной политики и представляет собой целостную систему принципов, оценок и мер организационного, экономического, правового, научного, информационного, пропагандистского и кадрового характера, направленных на улучшение условий и повышение качества жизни семьи¹.

Целью государственной семейной политики является обеспечение государством необходимых условий для реализации семьей её функций и повышение качества жизни семьи, что, как представляется, невозможно достичь без наличия определённого правового механизма по защите прав её членов и семьи в целом.

Подход к постижению механизма защиты гражданских прав, предложенный Б. А. Булаевским (который полагает, что «его понимание охватывает, с одной стороны, алгоритм (мо-

дель) применения способов защиты гражданских прав, а с другой – систему отношений, основанных на применении способов защиты гражданских прав» [2, с. 128]), вполне допустим и к защите семейных прав.

Следует отметить, что общим положениям о защите семейных прав в действующем семейном законодательстве уделено недостаточное внимание. В ст. 8 Семейного кодекса Российской Федерации² (СК РФ) говорится лишь об органах, в компетенции которых находятся полномочия по защите семейных прав и указаны общие (без какой-либо конкретизации) положения о способах защиты семейных прав [4, с. 213].

По мнению А. М. Раец, точку зрения которой надлежит поддержать, в деятельности по созданию правового обеспечения реализации государственной семейной политики важнейшая роль должна отводиться совершенствованию норм, закрепляющих принципы семейного права, в

¹ Указ Президента РФ от 14.05.1996 № 712 (ред. от 05.10.2002) «Об Основных направлениях государственной семейной политики» // Собрание законодательства РФ. 20.05.1996. № 21. Ст. 2460.

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

системе которых первым по важности является принцип государственной защиты семьи, материнства и детства, обозначенный в ч. 1 ст. 38 Конституции РФ³ [7, с. 203].

Особой формой обеспечения защиты семейных прав является нотариальная деятельность. Нотариат осуществляет «внесудебную юрисдикцию», целью которой является предупреждение нарушений при реализации прав граждан и тем самым предотвращение судебных споров. Нотариусы не уполномочены разрешать семейные конфликты, но своей деятельностью обеспечивают в определённых законом случаях принудительное исполнение семейных обязательств без обращения в суд (п. 2 ст. 100 СК РФ).

Нотариат в РФ призван обеспечивать в соответствии с действующим законодательством защиту прав и законных интересов граждан (в том числе являющихся членами семьи) путём совершения предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени РФ⁴. Как отмечает К. А. Корсик, «факт совершения нотариусом нотариальных действий от имени Российской Федерации предполагает законность подтверждённых нотариусом прав, фактов, действий участников гражданского оборота» [5].

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрании законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

⁴ Ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 27.12.2018) // Российская газета. № 49. 13.03.1993.

Современный нотариат претерпевает определённую модернизацию. Планомерное расширение полномочий нотариата, которое происходит в течение последних лет, придаёт ему все большее значение в системе обеспечения стабильности и законности гражданского оборота [6, с. 2].

Долгое время роль нотариата в обеспечении защиты семейных прав сводилась лишь к удостоверению довольно узкого круга семейно-правовых сделок (согласия для заключения одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов, брачного договора, соглашения об уплате алиментов, соглашения родителей на усыновление ребёнка).

На современном этапе в результате происходящих процессов реформирования законодательства расширилась сфера компетенций нотариуса в вопросах обеспечения защиты прав и законных интересов участников семейных правоотношений, что связано, в первую очередь, с развитием функций нотариальной деятельности.

В частности, возросла роль нотариата при обеспечении защиты прав и интересов супругов. Так, Федеральным законом № 391-ФЗ⁵ введено обязательное нотариальное удостоверение соглашения о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака. С 1 июня 2019 г. Федеральным законом № 217-ФЗ⁶

⁵ Федеральный закон от 29.12.2015 № 391-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (ч. 1). Ст. 11.

⁶ Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законо-

вводится институт совместного завещания супругов, которое также подлежит нотариальному удостоверению.

Усилился контроль со стороны государства посредством осуществления нотариальной деятельности и в отношении обеспечения защиты прав и интересов детей, имеющих в собственности недвижимое имущество, в случаях распоряжения последним. В настоящее время сделки, связанные с распоряжением недвижимым имуществом на условиях опеки, а также сделки по отчуждению недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему гражданину, подлежат нотариальному удостоверению⁷. Следует согласиться с мнением, что «вовлечение в нотариальную сферу в обязательном порядке сделок со специальным субъектным составом, в частности с лицами, обладающими неполной гражданской дееспособностью, обусловлено необходимостью введения публичного контроля со стороны нотариата с целью защиты прав таких лиц как наиболее слабой стороны в сделке» [9].

В последние годы появилось много новелл в законодательстве о нотариате, связанных с применением электронных технологий, что, безусловно, способствует более успешной реализации мер по обеспечению государственной защиты прав и интересов участников семейных отношений.

Так, с 1 января 2018 г. нотариусами был осуществлён переход к регистрации всех совершаемых нотариальных действий (в том числе с участни-

дательства РФ. 23.07.2018. № 30. т. 4552.

⁷ Ст. 54 ч. 2 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 20.07.2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

ками семейных правоотношений) в электронной форме в реестре нотариальных действий единой информационной системы нотариата (ЕИС)⁸. Сведения, содержащиеся в ЕИС, позволяют нотариусу (а при размещении соответствующих сведений в свободном и прямом доступе вообще неограниченному кругу лиц (ст. 34.4. Основ законодательства Российской Федерации о нотариате) оперативно получать информацию, необходимую для проверки действительности нотариально оформленного документа. Для органов, предоставляющих государственные и муниципальные услуги и исполняющих государственные и муниципальные функции, доступен сервис по проверке подлинности и содержания нотариально удостоверенного документа через запрос в ЕИС при присоединении к запросу электронного образа документа. В рамках ведения наследственного дела нотариус имеет возможность запросить и предоставить наследникам информацию о наличии завещания и брачных договоров посредством запросов информации, содержащейся в ЕИС.

Согласно Регламенту совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающему объём информации, необходимой для совершения нотариальных действий, и способ её фиксирования⁹ (далее Регламент), на-

⁸ Положение о единой информационной системе нотариата (утв. Правлением ФНП, протокол от 23.07.2018 № 09/18) // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Приказ Минюста России от 30.08.2017 № 156 «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объём информации, необходимой нотариусу для со-

личие зарегистрированного брака у заявителя нотариус теперь может установить не только на основании представленного документа органов записи актов гражданского состояния, но и на основании сведений Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния. В случаях, если для совершения нотариального действия необходимы сведения, содержащиеся в ЕГРН, нотариусы не вправе требовать представления таких сведений от обратившихся за совершением данного нотариального действия гражданина, его представителя или представителя юридического лица (ст. 47.1 Основ). Таким образом, в настоящее время инновационные технологии позволяют нотариусу обойтись без истребования соответствующих документов на бумажном носителе, что существенно ускоряет процедуру совершения нотариальных действий, в том числе участниками которых являются члены семьи, и повышает гарантии их законности.

Нотариат выполняет предупредительную функцию, направленную на исключение нотариусом при совершении нотариального действия оснований для оспаривания удостоверяемых им сделок и других юридических фак-

тов. При нотариальном удостоверении семейно-правовой сделки нотариусы руководствуются не только Основами, но и принимают во внимание правила, установленные Регламентом, иными законодательными и нормативными правовыми актами, регулирующими правоотношения в соответствующей области.

Семейно-правовые сделки, удостоверяемые в нотариальном порядке, можно разделить на две основные группы:

1. *Сделки, подлежащие обязательно нотариальному удостоверению.* Их перечень, несмотря на ряд новелл законодательства, рассмотренных выше, всё ещё довольно узок. В связи с этим в литературе обоснованно высказывается мнение о необходимости расширения перечня семейно-правовых сделок, подлежащих обязательному нотариальному удостоверению в целях наиболее эффективного обеспечения защиты прав участников семейных отношений [1; 3; 8].

2. *Сделки, которые могут быть нотариально удостоверены по соглашению сторон.* Обязательному в силу соглашения сторон нотариальному удостоверению подлежат сделки, стороны которых договорились об их нотариальном удостоверении, хотя данная форма не требуется в силу закона (это любые семейно-правовые сделки, для которых не предусмотрено обязательное нотариальное удостоверение).

Определённый научный и практический интерес вызывает вопрос оформления нотариусом согласий родителей (усыновителей, опекунов или попечителей) на выезд детей. Данная сделка относится к сделкам первой группы только в случае, если ребёнок выезжает из

вершения нотариальных действий, и способ её фиксирования» (вместе с «Регламентом совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объём информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ её фиксирования», утв. решением Правления ФНП от 28.08.2017 № 10/17, приказом Минюста России от 30.08.2017 N 156). (Зарегистрировано в Минюсте России 06.09.2017 N 48092) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07.09.2017.

России без сопровождения¹⁰. Особой правовой регламентации порядка нотариального удостоверения данного согласия и требований к его содержанию (за исключением требований об указании срока выезда и государства (государств), которое (которые) ребёнок намерен посетить) действующее законодательство не содержит, что порождает определённые проблемы при обеспечении защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Так, при буквальном прочтении положений ст. 20 Федерального закона № 114-ФЗ остаются не вполне ясными ответы на следующие вопросы: должны ли оба родителя давать указанное согласие или достаточно согласие одного из них; обязан ли ребёнок иметь при себе указанное согласие, если он выезжает за пределы страны не один, а в сопровождении иных лиц (не являющихся его законными представителями). Вызывают затруднения и толкования положений об ответственности законных представителей за жизнь и здоровье детей, выезжающих из РФ, о защите прав и законных интересов детей за пределами территории страны, в случае выезда последних не в составе организованных групп¹¹.

В правоприменительной практике сложился подход, согласно которому требуются данные согласия и при вы-

езде ребёнка с иными сопровождающими лицами (достаточно иметь согласие одного из родителей)¹² и даже в случаях выезда ребёнка с одним из родителей (при наличии соответствующих требований, установленных государством въезда)¹³.

При оформлении подобных документов нотариусы в целях наиболее полного обеспечения защиты прав и интересов несовершеннолетних в тексте согласий указывают положения, что «усыновление (удочерение) и/или задержка несовершеннолетних за пределами Российской Федерации не предусматривается», «ответственность за жизнь и здоровье ребёнка, защите его прав и законных интересов за пределами Российской Федерации несут сопровождающие их лица». Нужно оговориться, что данные условия не предусмотрены действующим законодательством в качестве обязательных при оформлении указанных согласий. Федеральная нотариальная палата при включении последних из перечисленных в текст оформляемого документа рекомендует нотариусу «разъяснить лицам, обратившимся за совершением нотариального действия, что ответственность за жизнь и здоровье ребён-

¹⁰ Ст. 20 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства РФ. 19.08.1996. № 34. Ст. 4029.

¹¹ Ст. 22 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства РФ. 19.08.1996. № 34. Ст. 4029.

¹² Письмо ФСБ России от 17.06.2015 № 21/7/3/Е-2110 «О порядке выезда несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации за рубеж» // Вестник образования России. № 14, июль, 2015.

¹³ Греческая Республика Греция в России. Общая информация о въездных визах // Согласованный список подтверждающих документов, предоставляемых заявителями для получения шенгенской визы в Российской Федерации // URL: https://www.mfa.gr/missionsabroad/images/visas/missions/Russia/Harmonised_list_ru.pdf (дата обращения 17.05.2019).

ка не может быть возложена на кого бы то ни было таким документом как, например, согласие на выезд несовершеннолетнего ребёнка за границу или заявление, поскольку рассматриваемый документ не создаёт каких бы то ни было обязанностей для лиц, не участвующих в его оформлении»¹⁴.

Учитывая изложенное, формируется вывод, что данное нотариальное действие (удостоверение согласий на выезд несовершеннолетнего) нуждается в более детальной правовой регламентации. В Основы необходимо внести отдельные нормы, касающиеся порядка удостоверения и содержания вышеуказанных согласий ввиду частого обращения граждан по этому поводу и особой значимости данного нотариального действия в вопросах обеспечения защиты прав и интересов детей. Предусмотреть при этом обязанность нотариуса запрашивать ряд необходимых для совершения данного нотариального действия сведений путём обращения к соответствующим электронным сервисам (например, сведений, подтверждающих родственные связи с ребёнком путём их запроса

в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния).

В завершении хотелось бы сказать, что, несмотря на наличие определённых изменений законодательства, у российского нотариата в сфере обеспечения защиты прав и законных интересов участников семейных отношений сохраняется довольно объёмный, не реализованный потенциал. Это касается и вопросов расширения круга семейно-правовых сделок, удостоверяемых нотариусом в обязательном порядке (например, соглашений об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей; о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребёнка) и совершенствовании правового регулирования уже существующих полномочий (представляется целесообразным предусмотреть в Основых специальные нормы (может быть даже в виде отдельной главы), регулирующие удостоверение семейно-правовых сделок).

*Статья поступила
в редакцию 21.05.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалов Ю. Ф., Касаткина А. Ю. Охрана и защита прав и интересов ребёнка нотариусами РФ // Нотариус. 2016. № 3. С. 21–23.
2. Булаевский Б. А. Презумпции в механизме защиты гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 126–132.
3. Вайнер Е. С. К вопросу о преимуществах нотариальной формы соглашения о месте жительства ребёнка и порядке общения с ним // Нотариус. 2016. № 5. С. 22–24.
4. Елисеева А. А. Защита личных неимущественных семейных прав: общие положения // Саратовские цивилистические чтения: сб. науч. ст. Саратов. Саратовская государственная юридическая академия, 2018. С. 213–219.
5. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) / под ред. К. А. Корсика. // СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Письмо ФНП от 08.05.2013 № 1129/06-12 «Об ответственности за жизнь и здоровье ребёнка на время пребывания за границей Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

6. Корсик К. А. Кодекс профессиональной этики: оптимизация стандартов // Нотариальный вестник. 2019. № 2. С. 2–3.
7. Рабец А. М. Принципы семейного права РФ как «зеркало» государственной семейной политики // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования: межд. науч-практ. конф. Тверь: Тверской государственный университет, 2015. С. 203–207.
8. Татаринцева Е. А. Функции нотариата в возникновении и развитии правоотношений по воспитанию детей в семье // Нотариус. 2015. № 1. С. 27–31.
9. Чашкова С. Ю. Удостоверение нотариусом сделок, связанных с распоряжением недвижимым имуществом на условиях опеки, а также сделок по отчуждению недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3. С. 41–47.
10. Robila M. Handbook of Family Policies Across the Globe. Springer, New York, 2014. URL: <https://rd.springer.com/book/10.1007%2F978-1-4614-6771-7> (дата обращения 17.05.2019).

REFERENCES

1. Bepalov Y. F., Kasatkina A. Y. [Security and protection of the rights and interests of the child by notaries of the Russian Federation]. In: *Notarius* [Notary], 2016, no. 3, pp. 21–23.
2. Bulaevsky B. A. [Presumptions in the mechanism of protection of civil rights]. In: *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Current problems of Russian Law], 2018, no. 9, pp. 126–132.
3. Vainer E. S. [To the issue of the benefits of the notarial form of agreement on the child]. In: *Notarius* [Notary], 2016, no. 5, pp. 22–24.
4. Eliseeva A. A. [Protection of personal property and family rights: General provisions]. In: *Saratovskie tsivilisticheskie chteniya: sb. nauch. st.* [Saratov Readings on Civil Law: A Collection of Research Papers]. Saratov, Saratov State Academy of Law, 2018, pp. 213–219.
5. Korsik K. A. [Article-by-Article Commentary on the Fundamentals of Russian Federation Legislation on Notaries] In: ATP ConsultantPlus.
6. Korsik K. A. [The code of professional ethics: optimization standards]. In: *Notarialnyi vestnik* [Notarial Bulletin], 2019, no. 2, pp. 2–3.
7. Rabets A. M. [Principles of the Family Law of the Russian Federation as a “mirror” of state family policy]. In: *Semeinoe pravo i zakonodatelstvo: politicheskie i sotsial'nye orientiry sovershenstvovaniya: mezhdunar. nauchno-prakt. konf.* [Family Law and Legislation: Political and Social Goals of Improvement: International Theoretical and Practical Conference]. Tver, Tver State University Publ., 2015, pp. 203–207.
8. Tatarintseva E. A. [Functions of notaries in the origin and development of legal education of children in the family]. In: *Notarius* [Notary], 2015, no. 1, pp. 27–31.
9. Chashkova S. Y. [The notarization of transactions involving the disposal of real estate property on the terms of the trust and of transactions on alienation of real estate property belonging to minors]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [The Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2017, no. 3, pp. 41–47.
10. Robila M. Handbook of Family Policies Across the Globe. Springer, New York, 2014. Available at: <https://rd.springer.com/book/10.1007%2F978-1-4614-6771-7> (accessed: 17.05.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елисеева Анна Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры нотариата, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;
e-mail: advokateliseeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Eliseeva – PhD in Law, associate professor at the Department of Notary Office and Civil Law, Kutafin Moscow State Law University;
e-mail: advokateliseeva@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Елисеева А. А. Роль современного нотариата в обеспечении реализации государственной семейной политики Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 42–50.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-42-50

FOR CITATION

Eliseeva A. A. The Role of Modern Notary in Ensuring the Implementation of the State Family Policy of the Russian Federation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 3, pp. 42–50.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-42-50

УДК 347.657

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-51-59

ПРАВОВАЯ СУДЬБА ДОЛИ ПЕРЕЖИВШЕГО СУПРУГА ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

Ельникова Е. В.

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
125993, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9, Российская Федерация*

Аннотация. Целью исследования является достижение правовой определённости в установлении состава наследственного имущества, что направлено на обеспечение защиты прав и законных интересов участников наследственного правоотношения. В статье рассмотрены правовые процедуры, связанные с осуществлением прав пережившего супруга. В исследовании использованы теоретические методы формальной и диалектической логики, эмпирические методы сравнения, описания, анализа. В результате проведённого анализа определены подходы к установлению содержания общей совместной собственности в составе наследственного имущества, юридические факты, необходимые для прекращения общей совместной и возникновения общей долевой собственности супругов. Выявлена проблема определения правовой природы заявления супруга об отсутствии его доли в совместном имуществе. Выводы и предложения автора могут быть использованы в дальнейших теоретических исследованиях института общей совместной собственности, а также при совершенствовании законодательства.

Ключевые слова: супруг (супруга), наследство, общая совместная собственность, супружеская доля, наследник, недвижимое имущество

LEGAL DESTINY OF THE SHARED BAND IN THE INHERITANCE OF REAL ESTATE

E. Elnikova

*Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract. The purpose of the study is to achieve legal certainty in determining the composition of the hereditary property, which is aimed at ensuring the protection of the rights and legitimate interests of the participants in the inheritance relationship. The article discusses the legal procedures related to the implementation of the rights of the surviving spouse. For the purpose of the study, theoretical methods of formal and dialectical logic, empirical methods of comparison, description, analysis were used. As a result of the study, approaches to determining the content of common joint property in the composition of the hereditary property, the legal facts necessary for the termination of the common joint and the emergence of common ownership of spouses are determined. Identified the problem of determining the legal nature of the statement of the spouse about the absence of his share in the joint property. The conclusions and suggestions

of the study can be used in further research of the institute of common joint ownership, as well as in improving legislation.

Keywords: spouse, inheritance, common joint ownership, matrimonial share, heir, real estate

Правовая определённости при установлении состава наследственного имущества (наследственной массы) имеет важное значение для обеспечения надлежащего осуществления прав всех участников правоотношений, связанных с наследованием имущества, а также иных лиц, чьи законные интересы могут быть затронуты при переходе прав на наследственное имущество. В судебной и нотариальной практике весьма часто возникают ситуации, связанные с необходимостью обеспечения защиты прав, прежде всего, пережившего супруга при наследовании имущества умершего супруга.

Как следует из п. 1 ст. 1142 Гражданского кодекса РФ¹, супруг (супруга) отнесены законодателем к первой очереди наследования наряду с детьми и родителями наследодателя, что подтверждает, несмотря на отсутствие кровного родства, признание значимой роли супружеских отношений в жизни каждого гражданина. Как отмечает О. Ю. Ильина, «традиции отечественного наследственного права и законодательства основаны на семейно-правовой связи наследодателя и потенциальных наследников по закону, которая также имеет значение для определённых категорий наследников и при наличии завещания» [8, с. 9]. В то же время законодатель не

устанавливает никаких приоритетов для супругов перед иными наследниками первой очереди, закрепляя в п. 2 ст. 1141 ГК РФ общее правило о порядке наследования наследниками одной очереди в равных долях, за исключением наследников, наследующих по праву представления.

Принимая во внимание сложившийся в российском законодательстве институт общей совместной собственности, представляющий собой законный режим имущества супругов, следует учитывать, что полный субъектный состав участников общей долевой собственности далеко не всегда может быть достоверно отражён в сведениях Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН). Отсутствие точных сведений о принадлежности имущества и законных способов их получения из иных источников нередко порождает конфликтные ситуации, связанные с правопритязаниями заинтересованных лиц в отношении спорного имущества, рассмотрение которых, несмотря на наличие внесудебных и досудебных механизмов разрешения споров, в конечном итоге перемещается в плоскость судебных разбирательств.

Особо остро вышеобозначенные конфликты проявляются в процессе наследования имущества одного из супругов, когда интересы пережившего супруга сталкиваются с интересами иных наследников как по закону, так и по завещанию. Как считает

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

И. А. Живихина, «при выделении супружеской доли из состава наследства, равно как и при определении имущества, которое входит в состав наследства умершего супруга, вследствие неопределённости правового регулирования нотариальная и судебная практики постоянно сталкиваются с проблемами квалификации имущества супругов личным или общим» [6, с. 26].

Определяя права супруга при наследовании в ст. 1150 ГК РФ, законодатель разделяет право наследования, возникшее у пережившего супруга в силу завещания или по закону, от его права на часть имущества, находящегося в общей совместной собственности.

В ст. 1150 ГК РФ в качестве такого имущества упоминается лишь имущество, нажитое во время брака с наследодателем и являющееся их совместной собственностью. Представляется, что совместное имущество супругов не ограничивается только тем, которое прямо указано в рассматриваемой статье, а включает в себя и иные его категории, предусмотренные другими нормами законодательства. Так, к совместному имуществу супругов следует отнести признанное судом совместной собственностью раздельное имущество каждого из них, что предусмотрено п. 2 ст. 256 ГК РФ. Кроме того, супруги вправе брачным договором установить режим общей совместной собственности на отдельные виды имущества, которые в силу закона не поступают в совместную собственность, даже если приобретены в период существования брачных отношений, а также на имущество каждого из супругов. Однако при определении состава наследства не учитываются условия

брачного договора, которым договорный режим имущества супругов установлен только для случая расторжения брака (п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»²).

При определении имущества, находящегося в общей совместной собственности супругов, следует учитывать, что в его состав не будут входить находящиеся в пользовании каждого из супругов вещи, хотя и приобретённые в период брака за счёт общих средств супругов, исключая драгоценности и другие предметы роскоши (п. 2 ст. 36 СК РФ³). Также в общую собственность не поступают вещи, приобретённые за счёт личных средств каждого из супругов, поскольку ст. 34 СК РФ относит к общему имуществу супругов лишь приобретённое за счёт их общих доходов. Не включаются в общую собственность исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные одним из супругов, даже несмотря на их имущественный характер. Эти права принадлежат автору такого результата (п. 3 ст. 36 СК РФ). Но как отмечено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 9, если исключительное право на результат интеллектуальной деятельности приобретено за счёт общих доходов супругов по договору об отчуждении такого права, то оно является их общим имуществом (если иное

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. 06.06.2012. № 127.

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

не установлено договором) и наследуется с учётом правил ст. 1150 ГК РФ.

Общий смысл правил ст. 1150 ГК РФ состоит в том, что в состав наследственной массы должно быть включено не всё имущество, находившееся в общей совместной собственности супругов, а лишь доля умершего супруга в этом имуществе, определяемая в соответствии со статьёй 256 ГК РФ. Более подробное разъяснение содержится в п. 33 указанного выше Постановления Пленума ВС РФ, согласно которому в состав наследства, открывшегося со смертью наследодателя, состоявшего в браке, включается его имущество, а также его доля в имуществе супругов, нажитом ими во время брака, независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства, если брачным договором не установлено иное.

В течение длительного времени как в гражданском, так и в семейном законодательстве РФ отсутствовали специальные нормы, определяющие размер доли, принадлежащей умершему супругу в составе общей собственности. В п. 4 ст. 256 ГК РФ была включена отсылочная к семейному законодательству норма, применимая к случаям раздела супружеского имущества. В СК РФ разделу общего имущества супругов, а также определению долей при осуществлении такого раздела посвящены ст. 38 и 39. Следует полагать, что речь в них идёт как о совместной, так и о долевой собственности супругов, поскольку законодатель специально не уточняет, какой вид общей собственности имеется в виду в указанном случае. Как отмечается в п. 15 Постановления Пленума ВС РФ № 15,

раздел общего имущества супругов производится по правилам, установленным ст. 38–39 СК РФ и ст. 254 ГК РФ⁴. В свою очередь, ст. 254 ГК РФ в определении общих оснований и порядка раздела общего имущества и выдела из него доли отсылает к правилам ст. 252 ГК РФ, допуская для отдельных видов имущества возможность установления законами иных правил, принимая во внимание наличие каких-то их существенных особенностей [3, с. 19–22; 4, с. 52–54; 5, с. 131–140].

В случае смерти одного из супругов раздел имущества не производится, но определение долей является необходимым, в том числе для установления стоимости наследственного имущества. Согласно п. 2 ст. 254 ГК РФ при выделе доли из общего имущества доли участников общей совместной собственности признаются равными, если иное не предусмотрено законом или соглашением участников. Ст. 38 СК РФ допускает возможность отступления от принципа равенства долей, если иное предусмотрено договором между супругами или в случаях, когда определение долей проводится в судебном порядке, и суд вправе учесть интересы несовершеннолетних детей и (или) заслуживающий внимания интерес одного из супругов, в частности, если другой супруг не получал доходов по неуважительным причинам или расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи (п. 2). Однако приведённые нормы, допускающие возможность отступления от ра-

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.

венства долей, не рассчитаны на ситуацию, когда одного из супругов уже не было в живых. В этих случаях доли супругов определялись как равные, что и без нормативного регулирования рассматривалось как сложившаяся практика.

Сопоставляя нормы гражданского и семейного законодательства, И. Б. Живихина также полагает, что «при наследовании приоритет будут иметь всё-таки нормы гражданского права. Наличие же отсылочных норм к СК РФ ситуации не меняет, поскольку они, как было указано выше, касаются исключительно определения долей супругов в общем имуществе при его разделе и порядке такого раздела (п. 4 ст. 256 ГК РФ), т. е. не определяют или исключают общность имущества супругов» [7, с. 22].

Недавние изменения гражданского законодательства, связанные с внесением изменений в ст. 256 и ч. 3 ГК РФ⁵, восполнили пробел в отношении установления правил определения долей в совместном имуществе супругов в случае смерти одного из них, включив в них также и диспозитивные начала. Согласно новому абзацу п. 2 ст. 256 ГК РФ «в случае смерти одного из супругов пережившему супругу принадлежит доля в праве на общее имущество супругов, равная 1/2, если иной размер доли не был определён брачным договором, совместным завещанием супругов, наследственным договором или решением суда». Таким образом, по общему правилу доля пережившего

супруга равна половине общего имущества супругов, однако законодатель допускает возможность изменения её размера в совместном завещании супругов, наследственном договоре или на основании решения суда.

Поскольку совместное завещание супругов [2, с. 9–11] и наследственный договор [9, с. 31–37] являются новыми институтами для отечественного права, которые позволяют осуществить распоряжение имуществом на случай смерти, на их содержании применительно к определению долей в праве общей собственности супругов следует остановиться более подробно. Так, супруги могут в совместном завещании по обоюдному усмотрению определить последствия смерти каждого из них, например, любым образом определить доли наследников в соответствующей наследственной массе, а также определить имущество, входящее в наследственную массу каждого из супругов, если такое определение не нарушает прав третьих лиц (п. 4 ст. 1118 ГК РФ).

Наследственный договор может определять порядок перехода прав на общее или раздельное имущество супругов в случае смерти каждого из них, в том числе наступившей одновременно, к пережившему супругу или к иным лицам. Сторонами такого договора могут выступать супруги, а также лица, которые могут призываться к наследованию за каждым из супругов (п. 5 ст. 1140.1 ГК РФ). Законодатель устанавливает приоритет наследственного договора по отношению к совместному завещанию, поскольку в силу вышеуказанной статьи наследственный договор отменяет действие, совершённое до заключения этого на-

⁵ Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третья Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 23.07.2018. № 30. Ст. 4552.

следственного договора, совместного завещания супругов.

Спорным вопросом, не получившим однозначного толкования в судебной практике, является вопрос о том, может ли требовать выделения супружеской доли в общей собственности иное лицо, а не сам супруг. В одном деле суд удовлетворил требование истицы – супруги наследодателя, обратившейся в суд с иском к бывшей супруге и другим детям наследодателя о признании права на наследование долей в 1/2 доли квартиры, нажитой наследодателем в период брака с бывшей супругой, за которой было зарегистрировано право собственности на это жилое помещение. Суд указал, что после расторжения брака режим совместной собственности на нажитое в браке имущество у бывших супругов сохраняется, если брачным договором, соглашением о разделе или решением суда не определён иной режим собственности. По мнению суда, не могло являться основанием для исключения из состава наследственной массы доли квартиры наличие нотариально удостоверенного согласия наследодателя на отчуждение указанной квартиры любым способом. Несмотря на то, что разрешительные действия участника совместной собственности на совершение сделки по распоряжению общим имуществом по своей сути были направлены на отказ от прав в отношении общего имущества, сами по себе они не являлись юридическим фактом, который мог повлечь прекращение права собственности⁶.

В другом деле суд отказал истице (дочери наследодателя) в удовлетворении требований к ответчику (сыну наследодателя) о выделении супружеской доли наследодателя в квартире, включении в наследственную массу после смерти наследодателя 1/2 доли в праве собственности на квартиру, заявленных в связи с тем, что родителями истицы и ответчика в период брака была приобретена квартира. После смерти матери наследниками являлись истица (дочь), ответчик (сын) и супруг, отец истицы и ответчика супружескую долю в квартире не выделял, наследство не принимал в силу состояния здоровья, но желал оформить права на спорное имущество. На основании ст. 1150 ГК РФ, ст. 75 Основ законодательства РФ о нотариате суд пришёл к выводу, что у истицы отсутствовало субъективное право заявлять требования о выделении супружеской доли отца, поскольку в силу закона таким правом обладает только переживший супруг. Отец истицы своим правом не воспользовался и при жизни свидетельств о праве на наследство, выданное ответчику, не оспаривал⁷.

Представляется, что факт смерти участника общей совместной собственности как юридическое событие должен оказывать влияние на установленный законом правовой режим принадлежащего ему имущества в не меньшей степени, чем, например, прекращение брачных отношений вследствие расторжения брака. Однако в ГК РФ участник общей совместной собственности не указывается ни в ка-

⁶ Определение Санкт-Петербургского городского суда от 04.09.2012 № 33-11591/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 14.04.2016 № 33-7787/2016 по делу N 2-4125/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

честве основания прекращения общей совместной собственности, ни как основание возникновения общей долевой собственности. Отсутствие чёткой доктринальной концепции по данному вопросу, воплощённой в законодательстве, порождает различные подходы к видению этого вопроса, способные влиять на поведение участников наследственного правоотношения, начиная от признания супружеской доли частью наследственного имущества в случае, если переживший супруг не заявил о её выделении, и заканчивая допустимостью перехода доли пережившего супруга к иным наследникам посредством исключительно посредством совершений гражданско-правовой сделки.

Обобщив имеющуюся судебную практику по данному вопросу, ВС РФ в Постановлении Пленума ВС РФ № 8 от 29.05.2012 указал, что отсутствие заинтересованности пережившего супруга в принадлежности ему доли в праве общей совместной собственности такой супруг вправе подать заявление об отсутствии его доли в имуществе, приобретённом во время брака. В этом случае всё это имущество войдёт в состав наследства. Иными словами,

обращение к нотариусу с указанным заявлением означает отказ от права, однако не предполагает необходимости соблюдения установленной законом процедуры такого отказа, и поэтому не является отказом от права в формально-юридическом смысле и в то же время не может рассматриваться в качестве какого-либо иного основания прекращения права собственности, предусмотренного законодательством. Поскольку право собственности возникает и прекращается по основаниям, предусмотренным законом, представляется необходимым юридический факт смерти участника общей совместной собственности закрепить в ГК РФ в качестве основания прекращения права общей совместной собственности и возникновения права общей долевой собственности. Заявление об отсутствии доли пережившего супруга в имуществе можно будет рассматривать как один из вариантов осуществления отказа от права в случаях, если это будет закреплено в законодательстве.

*Статья поступила
в редакцию 21.05.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Величкова О. И. Приобретение супругами имущества в общую долевую собственность: теоретические и практические проблемы // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 45–46.
2. Демичев А. А. Совместное завещание супругов в российском праве // Наследственное право. 2018. № 4. С. 9–11.
3. Ельникова Е. В. Наследование прав, возникших из членства в производственных кооперативах // Наследственное право. 2018. № 2. С. 19–22.
4. Ельникова Е. В. Правовые аспекты раздела земельного участка между бывшими супругами // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 52–54.
5. Ельникова Е. В. Проблемы осуществления корпоративных прав при наследовании // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании. М.: Проспект, 2019. С. 131–140.

6. Живихина И. Б. Выделение супружеской доли из состава наследства: анализ одного судебного дела // *Наследственное право*. 2017. № 4. С. 26–28.
7. Живихина И. Б. О доле пережившего супруга в имуществе умершего супруга, нажитом во время брака // *Наследственное право*. 2016. № 2. С. 21–23.
8. Ильина О. Ю. О значении некоторых семейно-правовых связей в наследственных правоотношениях // *Наследственное право*. 2018. № 1. С. 9–12.
9. Михайлова И. А. Наследственный договор: достоинства и недостатки // *Наследственное право*. 2018. № 4. С. 31–37.
10. Никифоров А. В. Права пережившего супруга при наследовании по российскому законодательству // *Наследственное право*. 2012. № 4. С. 3–7.

REFERENCES

1. Velichkova O. I. [The acquisition of property by spouses as tenants in common: theoretical and practical issues]. In: *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2018, no. 1, pp. 45–46.
2. Demichev A. A. [Joint will of spouses in the Russian Law]. In: *Nasledstvennoe pravo* [Hereditary Law], 2018, no. 4, pp. 9–11.
3. Elnikova E. V. [Inheritance rights arising from membership in production cooperatives]. In: *Nasledstvennoe pravo* [Hereditary Law], 2018, no. 2, pp. 19–22.
4. Elnikova E. V. [Problems of implementation of corporate rights in the inheritance]. In: *Yuridicheskaya sudba biznesa pri rastorzhenii braka i nasledovanii* [The legal fate of business upon divorce and inheritance]. Moscow, *Prospekt* Publ., 2019. pp. 131–140
5. Elnikova E. V. [The legal aspects of dividing a plot of land between former spouses]. In: *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2018, no. 1, pp. 52–54.
6. Zhivikhina I. B. [The allocation of marital share of the estate: an analysis of one court case]. In: *Nasledstvennoe pravo* [Hereditary Law], 2017, no. 4, pp. 26–28.
7. Zhivikhina I. B. [On the share of the surviving spouse in the estate of a deceased spouse acquired during marriage]. In: *Nasledstvennoe pravo* [Hereditary Law], 2016, no. 2, pp. 21–23.
8. Ilyina O. Y. [On the meaning of some family-legal relations in the hereditary legal relationship]. In: *Nasledstvennoe pravo* [Hereditary Law], 2018, no. 1, pp. 9–12.
9. Mikhailova I. A. [Hereditary contract: advantages and disadvantages]. In: *Nasledstvennoe pravo* [Hereditary Law], 2018, no. 4, pp. 31–37.
10. Nikiforov A. V. [Rights of the surviving spouse in inheritance, according to the Russian legislation]. In: *Nasledstvennoe pravo* [Hereditary Law], 2012, no. 4, pp. 3–7.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ельникова Елена Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;
e-mail: femida-67@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Elnikova – PhD in Law, associate professor at the Department of Entrepreneurial and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University;
e-mail: femida-67@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Ельникова Е. В. Правовая судьба доли пережившего супруга при наследовании недвижимого имущества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 51–59.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-51-59

FOR CITATION

Elnikova E. V. Legal Destiny of the Shared Band in the Inheritance of Real Estate. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 3, pp. 51–59.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-51-59

УДК 347.6

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-60-67

ДВЕ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ И СОВЕТСКИЙ ОПЫТ

Пашенцев Д. А.

*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
117218, г. Москва, ул. Большая Черёмушкинская, д. 34, Российская Федерация*

Аннотация. В основе статьи – сравнительный анализ моделей правового регулирования семейных отношений Российской империи и начала существования Советской власти. Автором проанализированы нормы семейного законодательства дореволюционной России, которые сопоставлены с положениями первого брачно-семейного кодекса 1918 г. Использована методология постклассической юриспруденции (конструктивизм). Выявлены основные идеи, которые лежали в основе конструирования государством семейно-брачных отношений. Сделан вывод, что изменение модели регулирования брачно-семейных отношений после революции обусловлено отделением церкви от государства, ликвидацией сословного строя и сословных привилегий. Результаты исследования могут быть использованы в процессе дальнейших научных исследований истории семейного права, а также для преподавания истории отечественного государства и права студентам юридических факультетов.

Ключевые слова: семья, законодательство, семейное право, Российская империя, Советское государство, модели семейных отношений

TWO MODELS OF LEGAL REGULATION OF FAMILY RELATIONS: PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET EXPERIENCE

D. Pashentsev

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, 117218, Russian Federation

Abstract. The article aims at a comparative analysis of the models of legal regulation of family relations that existed in the Russian Empire and in the early Soviet period. The author analyzes Family Law standards in pre-revolutionary Russia and compares them with the provisions of the first Marriage And Family Code of 1918. The methodology of the article is constructivism of post-classical jurisprudence. Some ideas lying at family and marriage construction by the state are revealed. It is concluded that after the revolution, the change in the model of marriage and family regulation was inevitable due to such factors as the separation of church and state, elimination of class system and class privileges. The results of the research can be used in

further research on the history of Family Law, as well as for teaching the history of state and law to law students.

Keywords: family, legislation, Family Law, Russian Empire, Soviet state, models of family relations

Кризис, переживаемый современным западным обществом, во многом связан с утратой прежних ценностей, на которых строилась и развивалась европейская цивилизация, с разрушением института семьи. Последний фактор неминуемо влечёт за собой неблагоприятные демографические и духовно-нравственные последствия. Одним из следствий разрушения института семьи является неуклонное снижение рождаемости, которое отмечается как в западноевропейских странах, так и в России. Снижение значимости семьи связано и с падением общественной морали и с разрушением нравственных устоев общества. В этих условиях недостаточно эффективны те меры материальной поддержки, которую оказывает государство нуждающимся семьям [1, с. 185]. Названные негативные тенденции имеют далеко идущие последствия. В этом отношении стоит согласиться с позицией В. В. Гончарова, что «сохранение России в качестве независимого и суверенного государства возможно лишь при условии укрепления институтов семьи и государства...» [3, с. 37].

В связи с этим возникает необходимость в переосмыслении той роли, которую играет государство по отношению к семье. Исследование опыта правового регулирования семейных отношений может подсказать ответы на те вопросы, которые являются крайне актуальными в современных

условиях и волнуют передовую часть российского общества.

Исследование моделей правового регулирования семейных отношений предлагается вести в рамках двух взаимодополняющих методологических подходов [8].

Первый из них основан на учении Платона об эйдосах, т. е. строится на мировоззренческой позиции объективного идеализма. Согласно воззрениям древнегреческого философа, мир вещей представляет собой отражение мира идей. Применительно к праву можно сказать, что любой правовой институт существует благодаря наличию идеи этого института. Сначала возникает идея, а затем она воплощается в конкретных правовых нормах. Реальность никогда в полной мере не соответствует идее, но стремится приблизиться к ней.

Идея семьи существует независимо от конкретных жизненных условий современного периода, она отражает сущность и содержание данного института. Сама идея семьи не меняется по мере развития общества, но её воплощение на практике, безусловно, зависит от конкретных условий государственного и общественного развития [4, с. 9].

Государственная поддержка института семьи должна опираться на представление об идее семьи, её идеальной, не зависящей от времени и обстоятельств модели. Но на практике формы и степень этой поддержки всецело

зависят от того, как государство на данном этапе своего развития понимает идею семьи, как оценивает роль семьи в общественном развитии. В связи с этим, вторым методологическим принципом исследования выступает конструктивизм.

Конструктивизм исходит из того, что социальная реальность имеет сконструированный характер, соответственно, все явления правовой реальности конструируются в социальных практиках [12, с. 94].

Важную роль в процессе конструирования правовой реальности играет государство. Правотворческие органы принимают нормы права, которые закрепляют и охраняют определённые общественные институты. Наделённые правоприменительными полномочиями органы занимаются реализацией этих норм, стараясь воплотить их предписания в жизнь в рамках конкретных правоотношений. В итоге формируется та или иная модель правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений.

Опираясь на указанные методологические позиции, рассмотрим в рамках диахронного сравнения те модели правового регулирования семейных отношений, которые были типичны для Российской империи и для Советского государства в первый период его существования.

В Российской империи сфера брачно-семейных отношений регулировалась церковью, которая, являясь частью государственного аппарата, в то же время сохраняла некоторую автономию в ряде вопросов, могла влиять на политику государства и нравственную сферу общества.

В основе брачно-семейного законодательства Российской империи лежали нормы церковного права. Эти нормы, восходившие к решениям Вселенских соборов, устанавливали минимальный и максимальный возраст вступления в брак¹, порядок его заключения, условия для расторжения брака, особенности регулирования внутрисемейных отношений.

Особенности регулирования семейных отношений в Российской империи определялись следующими факторами:

– государство фактически отдало эту сферу в ведение церкви, поэтому в основе правового регулирования семьи лежали религиозные принципы;

– свобода семейных отношений была в большой степени ограничена, что проявлялось в установлении не только минимального, но и максимального возраста вступления в брак, а также в запрете разводов (за исключением нескольких обозначенных в законодательстве случаев);

– для крестьян, составлявших большинство населения страны, семья выступала не столько духовно-нравственным, сколько экономическим союзом, первичной ячейкой организации хозяйственной деятельности; для членов крестьянской семьи был характерен совместный труд.

Несмотря на важное значение хозяйственного фактора в семейных отношениях в дореволюционный период, в законодательстве был установлен раздельный режим имущества супругов,

¹ Законодательство Российской империи предусматривало, что лица, достигшие 60 лет, могли вступать в брак только в исключительных случаях. Лицам, достигшим 80 лет, вступать в брак категорически запрещалось.

что потом воспроизвёл и первый советский брачно-семейный кодекс [4, с. 120].

Важной особенностью дореволюционной модели регулирования семейных отношений являлось создание максимальных препятствий для развода. Несмотря на то, что в отдельных случаях развод законодательством допускался, даже в этих случаях он был крайне сложно осуществим, т. к. сама идея развода «не находила поддержки ни у церкви, ни во властных структурах, ни в обществе» [6, с. 27].

После революционных событий и прихода к власти большевиков ситуация с регулированием семейных отношений изменилась коренным образом. Одним из первых мероприятий Советской власти стало отделение церкви от государства, что неминуемо повлекло за собой изменение всей модели конструирования отношений в сфере семьи. Принятие новых норм в семейном праве не заставило себя ждать, т. к. такое конструирование осуществлялось с помощью права.

Кодекс законов РСФСР о записи актов гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, принятый в сентябре 1918 г., стал первым советским кодексом. С его принятием в брачно-семейном праве произошла своего рода революция, которая коренным образом изменила характер брачно-семейных отношений.

Создавая новую модель регулирования семейных отношений, государство осознавало, что институт семьи как основу общества и государства необходимо сохранить, хотя звучало и противоположное мнение. В частности А. А. Коллонтай, позиционировавшая себя главным идеологом новой системы взаимоотношений между полами,

считала, что семья в новом обществе уже не является необходимостью, как для самих её членов, так и для государства [5, с. 8].

В связи с отделением церкви от государства сфера брачно-семейных отношений не могла находиться в компетенции церковных властей, и уже в первый послереволюционный месяц особым декретом был отменён церковный брак. И первый брачно-семейный кодекс был призван сформировать правовые основы новой модели брачно-семейных отношений.

В дореволюционной России особенности конструирования семейных отношений определялись, во-первых, их религиозными основами, вплоть до церковной записи актов гражданского состояния, во-вторых, сословным характером общества и сохранявшимися сословными привилегиями. После революции эти основания были ликвидированы: провозглашено не только отделение церкви от государства, но и ликвидация всех сословий и сословного строя.

В основу новой модели семейных отношений легли следующие принципы:

- правовые последствия имел лишь гражданский брак, заключённый в специальных государственных органах записи актов гражданского состояния;
- был разрешён свободный развод, как по взаимному согласию, так и по заявлению одной из сторон;
- факт заключения брака не порождал общности имущества супругов;
- максимальный возраст вступления в брак отменялся;
- факт заключения брака не налагал на супругов обязанности менять гражданство или место жительства, что было закреплено законодательно до революции;

- внебрачное родство полностью приравнивалось к родству брачному;
- усыновление и удочерение запрещались.

Таким образом, в результате принятия брачно-семейного кодекса в 1918 г. была сконструирована новая по сравнению с имперским периодом модель семейных отношений, основанная на ином понимании функций семьи. Семья в послереволюционный период, как полагают учёные, была в глазах государства призвана стать «временной заменой всеобщего социального обеспечения» [11, с. 20]. Такую позицию подтверждает ст. 107 рассматриваемого Кодекса, которая закрепила право нуждающегося супруга получать содержание от второго супруга. В случае его уклонения предполагалось принудительное осуществление этого права.

При этом Кодекс не налагал на лиц, заключивших брак, обязанностей личного характера, но также и не предусматривал для них личных прав. Менее тяжёлыми стали даже последствия нарушения принципа единобрачия [7, с. 45].

Новая модель регулирования семейных отношений означала изменение взаимоотношений между кровным родством и родством социальным, прежде всего в силу закреплённой в законодательстве свободы развода. Социальное родство, которое возникло вследствие заключения брака и охранялось государством, теперь теряло прежнее важное значение [9, с. 10]. Из-за введённой кодексом облегчённой процедуры развода социальное родство в любой момент и без всякой причины могло быть прекращено, что представлялось совершенно невыносимым для периода Российской империи.

Конструирование общественных отношений предполагает не только принятие законодательных норм, но и обязательную реализацию их на практике, в конкретных правоотношениях [2, с. 55]. Поэтому важное значение для понимания особенностей реальной модели регулирования брачно-семейных отношений имеет анализ судебной практики. П. Л. Полянский, который исследовал судебные дела первых лет советской власти, отмечает, что суды часто признавали семейными фактические отношения независимо от факта их государственной регистрации. Помимо этого, суды порой достаточно формально относились к применению норм брачно-семейного законодательства, не учитывая при этом специфику режима использования имущества в крестьянском дворе, что осложняло процедуру развода для крестьянских семей [10, с. 341]. Но крестьянская семья до начала массовой коллективизации продолжала сохранять свою экономическую функцию как главное объединяющее начало. В этих условиях формальный и свободный подход правоприменителя к брачно-семейным отношениям вступал в противоречие с экономическим укладом крестьянской семьи.

В целом, анализ судебной практики подтверждает факт проведения государством курса на максимальное упрощение всех формальных аспектов, связанных с браком.

Таким образом, сравнение двух моделей правового регулирования семейных отношений показывает следующее:

1) В основе этих моделей лежали разные идеи, что в итоге и определяло различный характер правового

регулируемая: на смену идее семьи как особой духовной связи между её членами, освящённой Божественной волей, пришла идея семьи как временного союза, заключавшегося с практическими целями. Это отчётливо проявилось в различиях формальных моментов регистрации браков и разводов: если в дореволюционный период эти шаги были обставлены максимальными формальностями, что в итоге способствовало сохранению семьи, то после революции государство взяло курс на ликвидацию большинства из этих формальностей. Как следствие, институт семьи на этом этапе стал менее прочным.

2) В условиях, когда подавляющее большинство населения страны было крестьянским, особо значение модель регулирования семейных отношений имела в отношении крестьянской семьи. В дореволюционный период одной из главных функций такой семьи

была функция экономическая, чтоставляло государство придерживаться курса на сохранение такой семьи с помощью юридических запретов. В послереволюционный период на первый план вышла социальная функция семьи в её узком понимании. Таким образом, на смену семье-налогоплательщику пришла «семья-собес».

3) После революции изменение модели регулирования брачно-семейных отношений было обусловлено как отделением церкви от государства, так и ликвидацией сословного строя и сословных привилегий.

4) Изменение модели регулирования семейных отношений было реализовано с помощью права, что повлекло за собой принятие первого в истории России брачно-семейного кодекса 1918 г.

*Статья поступила
в редакцию 03.07.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Н. В. Роль социальных ориентиров в определении уровня обеспечения российских граждан пособиями из государственного бюджета с учётом опыта Белоруссии и Казахстана // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 179–186.
2. Антонова Н. В., Астаева М. Г. К вопросу о признании семьи с детьми коллективным субъектом отдельных социально-обеспечительных правоотношений // Чёрные дыры в Российском законодательстве. 2019. № 2. С. 54–57.
3. Гончаров В. В. Роль семьи как социального института в сохранении и развитии российской государственности // Семейное и жилищное право. 2010. № 1. С. 34–38.
4. Елисеева А. А. Равенство супругов в имущественных отношениях: история и современные вызовы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 118–125.
5. Коллонтай А. А. Семья и коммунистическое государство. Киев, 1919. 24 с.
6. Нижник Н. С. «Женитьба есть, а разженитьбы нет»: о проблеме расторжения брака в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1. С. 27–33.
7. Памятники российского права. В 35 т. Т. 27: Кодексы законов о браке, семье и опеке РСФСР / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова, А. А. Дорской. М.: Юрлитинформ, 2016. 299 с.

8. Пашенцев Д. А. Идея семьи в праве и современная мораль // Образование и право. 2012. № 5. С. 7–11.
9. Пашенцев Д. А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 5–13.
10. Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2016. 400 с.
11. Полянский П. Л. Формирование семейного права как отрасли в России: постановка проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. № 2. С. 3–33.
12. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: АЛЕФ-пресс, 2012. 650 с.

REFERENCES

1. Antonova N. V. [The role of social markers in assessing the level of Russian citizens' provision with state budget allowances taking into account the experience of Belarus and Kazakhstan]. In: *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence], 2018, no. 3, pp. 179–186.
2. Antonova N. V., Astaeva M. G. [To the issue of recognition of families with children a collective entity with separate social-provision relations]. In: *Chernye dyry v Rossiiskom zakonodatelstve* [Black Holes in the Russian Legislation], 2019, no. 2, pp. 54–57.
3. Goncharov V. V. [The role of the family as a social institution in preservation and development of Russian statehood.]. In: *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2010, no. 1, pp. 34–38.
4. Eliseeva A. A. [Equality of spouses in property relations: history and contemporary challenges]. In: *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Current Issues of the Russian Law], 2017, no. 5, pp. 118–125.
5. Kollontai A. A. *Semya i kommunisticheskoe gosudarstvo* [Family and Communist State]. Kiev, 1919. 24 p.
6. Nizhnik N. S. [«To marry is possible but un-marry is not»: on the problem of divorce in the Russian Empire]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2012, no. 1, pp. 27–33.
7. Khachaturov R. L., Dorskaya A. A. *Pamyatniki rossiiskogo prava. V 35 t. T. 27: Kodeksy zakonov o brake, seme i opeke RSFSR* [Monuments of the Russian Law. In 35 volumes. Vol. 27: The Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship of the RSFSR]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 299 p.
8. Pashentsev D. A. [The family idea in modern law and morality]. In: *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2012, no. 5, pp. 7–11.
9. Pashentsev D. A. [Codification as a tool for the design of legal system in the early period of the Soviet state (the 100th anniversary of the first Soviet codes)]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of the Russian Law], 2018, no. 11, pp. 5–13.
10. Polyansky P. L. *Pravovoe regulirovanie brachno-semeinykh otnoshenii v rossiiskom obshchestve: istoriko-pravovoe issledovanie* [Legal Regulation of Marriage and Family Relations in the Russian Society: Historical and Legal Research]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2016. 400 p.
11. Polyansky P. L. [The formation of the family law industry in Russia: statement of the problem]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow University. Series 11: Law], 2010, no. 2, pp. 3–33.
12. Chestnov I. L. *Postklassicheskaya teoriya prava* [Postclassical Theory of Law]. St. Petersburg, Alef-press Publ., 2012. 650 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пашенцев Дмитрий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор Московского городского педагогического университета;
e-mail: theory@izak.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Pashentsev – Doctor of Law, professor, head of the Department of the Theory of Law and Interdisciplinary Studies of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow City Pedagogical University;
e-mail:theory@izak.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Пашенцев Д. А. Две модели правового регулирования семейных отношений: дореволюционный и советский опыт // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 60–67.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-60-67

FOR CITATION

Pashentsev D. A. Two Models of Legal Regulation of Family Relations: Pre-Revolutionary and Soviet Experience. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 3, pp. 60–67.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-60-67

УДК 347.62

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-68-78

ГЕРОИ ЛЬВА ТОЛСТОГО И ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА РАЗРЕШЕНИЯ СУПРУЖЕСКИХ НЕУРЯДИЦ В XIX ВЕКЕ В РОССИИ

Полянский П. Л.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Автор ставит своей целью на примере героев некоторых произведений Л. Н. Толстого рассмотреть проблему правового разрешения супружеских конфликтов в России XIX в. К исследованию привлечены материалы архивных фондов, законодательство и судебная практика соответствующего периода. Автор приходит к выводу, что ни православная церковь, ни государственные органы в рассматриваемый период не имели в своих руках эффективных средств разрешения семейных неурядиц. Причём некоторые средства были по некоторым причинам искоренены руками церкви и государства. Статья адресована историкам права, а также специалистам по семейному праву России.

Ключевые слова: Россия, история права, семейное право, права и обязанности супругов

LEO TOLSTOY'S CHARACTERS AND LEGAL MEANS OF SOLVING MATRIMONIAL PROBLEMS IN THE 19TH CENTURY RUSSIA

P. Polyansky

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory st., Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The author sets his goal on to consider the problem of legal resolution of marital conflicts in the 19th century Russia by example of Leo Tolstoy's character relationships. The study is based on the materials from archival funds, legislation and judicial practice of the period under study. The author concludes that neither Orthodox Church nor state bodies in 19th century had effective means of solving family problems, with some funds being even eradicated for some reasons. The article is recommended for historians of law, as well as specialists in the Russian Family Law.

Keywords: Russia, history of law, Family Law, rights and obligations of spouses

Ныне действующий Семейный кодекс РФ 1995 г. стоит на позициях укрепления и защиты семьи, отцовства, материнства и детства¹. Неурядицы супругов сами по себе, поскольку они не связаны с интересами несовершеннолетних детей, мало волнуют современного законодателя. Государство

© СС ВУ Полянский П. Л., 2019.

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) [электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 05.05.2019).

узнаёт о таких неурядицах обычно (повторюсь: если дело не касается интересов детей) при обращении супругов в суд по делам о расторжении брака. Но принятие мер к примирению разводящихся сторон не относится к обязанностям суда (ст. 22). Ещё в первые годы Советской власти государство принципиально отказалось сдерживать порывы супругов прекратить брачные отношения, и лишь в 30–40-е гг. свобода разводов стала несколько ограничиваться, и то (указываю в третий раз) в связи, прежде всего, с интересами несовершеннолетних детей разводящихся. Соответственно, механизмы примирения супругов, устранения супружеских конфликтов законодателем принципиально не прорабатывались. Единственное, что в таких ситуациях обычно предпринималось, это назначение судом срока для примирения разводящихся супругов.

Законодательство России XIX в. было несколько более изобретательным в данном вопросе. Так, вплоть до Судебной реформы 1864 г. организация судопроизводства в Совестном суде была направлена на примирение тяжущихся сторон. К чисто полицейским мерам можно отнести водворение жены на место жительства мужа. Кое-что со своей стороны могли сделать и церковные органы, например, преподать увещание рассорившимся супругам, в том числе во время бракоразводного процесса. Ещё в начале XIX в. сохранялась практика предшествовавшего столетия, когда и государственные, и церковные органы санкционировали временное (до примирения) разлучение мужа и жены. Однако недостаточная чёткость в разграничении компетенции между

государственными и церковными учреждениями стала причиной забвения «временного развода». Практика знает примеры, когда полиция и церковный суд не могли договориться о том, кому вообще подведомственны супружеские неурядицы.

Настоящая статья посвящена проблемам реализации средств примирения рассорившихся супругов, заложенных в законодательстве XIX в.

Правовые проблемы в творчестве Л. Н. Толстого занимали и занимают российских учёных-юристов [3; 10]. В таких произведениях великого писателя, как «Война и мир», «Крейцера соната», «Власть тьмы» поднимаются семейно-правовые вопросы. А пьеса Л. Н. Толстого «Живой труп» прямо посвящена проблеме сложности бракоразводного процесса. В середине 1870-х гг. был опубликован роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» – выразительная картина дворянских нравов современной писателю эпохи. По сюжету Алексей Каренин, крупный государственный деятель, возымел желание развестись с изменившей ему супругой Анной. С этой целью А. Каренин побывал в конторе «знаменитого петербургского адвоката», который в подробностях объяснил посетителю особенности российского бракоразводного процесса того времени. «Знаменитый петербургский адвокат» предложил единственно возможный для данной ситуации способ действия, однако он совершенно не подходил для той цели, которую поставил перед собой обманутый муж. Цель эта состояла в том, чтобы «наилучшим, наиприличнейшим, удобнейшим для себя и потому справедливейшим образом отряхнуться от той грязи, которую

она (жена Анна) забрызгала его в своём падении, и продолжать идти по своему пути деятельной, честной и полезной жизни»¹. Однако как стало ясно из объяснений адвоката, официальный развод не только не позволял отряхнуть от грязи, но наоборот, марал в ней ещё больше и самого Каренина, и его падшую жену. Между тем, адвокат предложил самый верный, почти гарантированный способ добиться развода: мужу и жене нужно было договориться, кто из них в суде сознается в совершении прелюбодеяния и представит убедительные доказательства собственной измены. Естественно, оговаривать себя в совершении супружеской измены Алексей Каренин не собирался, но и договариваться с женой о том, как обставить её собственное признание в прелюбодеянии, ему мешала элементарная порядочность. Разъехаться же без официального оформления развода было для Алексея Каренина неприемлемо: это было для него позором и одновременно толкало неверную жену в объятия любовника. В результате этого посещения адвоката обманутый муж главной героини совершенно отказался использовать правовые средства для прекращения своего брака, а со временем примирился с женой.

Представляется, что эта линия романа отразила несколько серьёзных проблем семейного законодательства дореволюционной России. Среди них – отсутствие эффективного правового механизма разрешения супружеских неурядиц. Указанное произведение – не единственное у Л. Н. Толстого,

где отразилась эта проблема. В творениях великого писателя семейная жизнь героев далеко не всегда удачно складывается. Изменяет жене Стива Облонский («Анна Каренина»), а сама Анна Каренина – мужу. Замучены беспочвенной ревностью Василий Позднышев («Крейцера соната») и – весьма обоснованной – крестьянка Анилья («Власть тьмы»). Пьер Безухов («Война и мир») предлагает нелюбимой жене, светской львице Элен, развестись. Однако никто из героев Толстого не прибегает к помощи государственных или церковных органов в решении своих семейных проблем. Да и как эти органы могли в XIX в. помочь восстановить в семье пошатнувшийся мир?

Одной из проблем в правовом регулировании семейно-правовых отношений была **неопределённость по вопросу о подведомственности дел о супружеских неурядицах**. Нечёткость законодательства приводила к тому, что дела о супружеских конфликтах церковные органы частенько пытались спихнуть в органы полиции, а те посылали их обратно в духовное ведомство. Так, в середине XIX в. в Синоде рассматривался ряд подобных дел: жалоба жены квартирмейстера Репьева на «буйственные» поступки мужа (нанесение жене побоев), жалобы чиновницы Буртаевой и баронессы Штакельберг на развратную жизнь их мужей, прошение жены поручика Кирсанова о понуждении мужа продолжать супружескую жизнь. Во всех случаях супруги не требовали развода, они желали лишь восстановления нормальных супружеских отношений и рассчитывали, что государство или церковь понудят к этому неверных или загулявших мужей. Перед тем, как

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М.–Л., 1934. Т. 18. С. 294–295.

попасть в Синод жалобы указанных женщин неоднократно передавались из одного ведомства в другое. Местная полиция, куда первоначально обращались жены, считала подобные дела «вотчиной» местных духовных консисторий на том основании, что по п. 7 ст. 2136 Свода законов гражданских (в издании 1832 г.) жалобы жён на развратную жизнь и на жестокие с ней поступки мужа подлежат рассмотрению церковного суда. Из консисторий эти жалобы отправлялись обратно в полицию с объяснением, что в п. 7 ст. 2136 говорится не просто о жалобах, а о расторжении браков на основании жалоб жён на развратную жизнь и прочее. Во всех же приведённых случаях жёны о разводе не просили, поэтому, по мнению церковных органов, именно полиция была обязана согласно п. VIII–IX ст. 1 Устава благочиния 1782 г. «охранять добронравие, порядок и правила обязательств супружеских» [4, с. 563].

Сегодня в литературе ещё можно встретить утверждение, что с принятием христианства на Руси брачно-семейные дела были отнесены к ведению православной церкви, и в обществе утвердились христианские идеи о взаимоотношениях в семье [2, с. 126]. В этой связи представляются забавными усилия церковных органов середины XIX столетия спихнуть с себя, как показано в приведённых случаях, бремя разрешения супружеских неурядиц и утверждения в проблемных семьях христианских идей. Впрочем, церковь имела в руках одно эффективное средство решения супружеского конфликта – развод. Однако условия и процедура развода были таковы, что могли оттолкнуть от официальной церкви даже сильно верующего человека [5, с. 45; 6, с. 59–66].

Интересно, что отсутствие чёткого разграничения компетенции между государством и церковью по брачным вопросам уже всплывало в начале XIX в. и как раз в связи с разрешением супружеских конфликтов. Так, героиня романа Л. Толстого «Война и мир» практичная Элен Безухова предложила мужу жить раздельно с тем, чтобы он предоставил ей достойное содержание. Она вполне могла бы обратиться к органам юстиции для утверждения договора о раздельном проживании, по которому муж отдавал ей доходы почти с половины своих имений. Практика подобных официально утверждённых соглашений была известна и в XVIII в., существовала она и в период действия романа «Война и мир». История института раздельного проживания в России интересна в том смысле, что она показывает несогласованность в действиях двух важнейших структур в России: государства и Русской Православной Церкви.

Возможно, первое в XVIII в., да и вообще в истории России, официальное разрешение супругам проживать раздельно было вынесено в мае 1722 г. по делу княжны Александры Долгоруковой и её мужа, графа Василия Салтыкова [9, с. 148–150]. Обе стороны желали развода, но жена не сумела доказать прелюбодеяния мужа и умысла на её убийство; супруг также не сумел обосновать измены со стороны жены. Святейший Синод приговорил развести Салтыкова с женой «не совершённым, но временным разводом»², в котором им необходимо пребывать до желания примириться. Если же примирение не состоится, то

² РГИА. Ф. 796 (1721 г.). Оп.1. Д. 99. Л. 206.

оба супруга обрекались на безбрачие до конца их жизни. С тех пор в делопроизводстве Синода отмечается ещё немало подобных случаев, когда в качестве средства примирения супругов духовный суд избирал их временное разлучение. Тогда же в XVIII в. временное разлучение супругов санкционировалось и светскими органами: они заверяли соглашения о раздельном проживании с определением тех денежных сумм, которые мужья обязывались выдавать жёнам в подобных случаях [5, с. 33–51].

Положение, в котором духовные и светские органы, не конфликтуя друг с другом, санкционировали раздельное проживание супругов, было нарушено в 1819 г., когда Синод по делу отставного поручика Павла Шелковникова с женой добился от Государственного Совета запрета светским органам вторгаться в действия супругов, клонящиеся к разрыву брачного союза³. Частный конфликт по делу Шелковниковых из-за сложностей в разграничении предметов ведения между светской и церковной властью привёл к тому, что **определение раздельного проживания супругов в качестве примирительной меры стало невозможным** не только для светской, но и для духовной власти.

Помимо неопределённости по вопросу подведомственности дел о супружеских конфликтах (что привело к отмене такой примирительной процедуры, как раздельное проживание), на ситуацию влияли особенности отечественного гражданского законодательства. Так, действие романа «Анна Каренина» происходит во вто-

рой половине XIX в., когда источником брачно-правовых норм являлся Свод законов гражданских (ч. 1 т. X Свода законов Российской империи). Источником самого Свода законов гражданских формально было предшествовавшее российское законодательство XVII–XIX вв. Действительно, под каждой статьёй Свода можно найти ссылки на нормативные акты указанного временного интервала, которые *якобы* легли в основу формулировок систематизированных в Своде норм. Среди интересующих нас норм Свода – закреплённая власть мужа над женой, которая обязана повиноваться ему, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании (ст. 107)⁴. Закон также оговаривал обязанность жены пребывать к мужу в повиновении (ст. 108). Что же мешало А. Каренину добиться от жены неограниченного послушания? Какие законные меры воздействия мог применить муж, чтобы заставить жену отказаться от развратного образа жизни?

Ответы на эти вопросы разочаровали бы тех, кто привык считать русскую замужнюю женщину бесправным и забитым существом, над которым безраздельно господствовал супруг. Российское законодательство не содержало никаких механизмов понуждения, с помощью которых мужья могли бы настаивать на реализации своей супружеской власти. И такая ситуация отнюдь не является случайной: русская традиция вплоть до XIX в. в принципе не знала правового института власти мужа над же-

³ ПСЗРИ-1. Т. XXXVI. № 27737.

⁴ Нормы Свода законов гражданских приведены по изданию 1857 г., актуальному на момент действия в романе «Анна Каренина».

ной. Соответственно, **у мужей не было никаких правовых средств принуждения своих жён пребывать по отношению к ним в послушании и повиновении.** В дореволюционной литературе отмечалось [8, с. 161], что М. М. Сперанский, сторонник идеи использования прогрессивного зарубежного законодательства, определяя правовой статус замужней женщины как подвластной своему мужу, при составлении первого представленного в Государственный Совет в 1814 г. проекта Гражданского уложения явно руководствовался Гражданским кодексом Наполеона. Окончательный вариант Свода законов гражданских, изданный в 1832 г., находился под несомненным влиянием того же источника [7, с. 185]. И хотя под нормы Свода законов о власти мужа над женой были подведены ссылки на несколько законов XVIII–XIX вв., но, как показывает анализ этих законов, они совершенно не устанавливали правовых основ этой власти [6, с. 184–185; 8, с. 194–198]. Очевидно, что такое подведение, точнее, грубая подгонка, оправдывающая помещение в Свод законов заимствованного из-за рубежа института власти мужа в семье, явилась для М. М. Сперанского вынужденной необходимостью: сам Николай I требовал, чтобы нормы Свода базировались на прежнем законодательстве без всяких изменений. Поэтому не будет лишним повторить, что для обоснования помещения в Свод законов института власти мужа над женой, заимствованного из французского законодательства, были приведены ссылки на российские законы XVIII–XIX вв., якобы декларировавшие эту власть.

Неудивительно, что институт власти мужа, лишённый в России исторической опоры, оказался на практике под большим вопросом. Своеобразным индикатором его низкой эффективности явилась эволюция судебных решений и законодательства по вопросу **водворения жён на место жительства мужей.** Ст. 103 Свода законов гражданских гласила, что супруги обязаны жить вместе, и при перемене мужем места жительства жена обязана следовать за ним. В 1867 г. московский купец Никанор Марков попытался через суд понудить к совместной жизни жену, а та отказывалась вернуться к супругу на том основании, что он вёл расточительную и безнравственную жизнь, даже растратил её приданое. Гражданский кассационный департамент Сената в итоге не согласился с доводами ответчицы и не признал её право на раздельное жительство⁵. Но уже в 1870 г. этот же орган отказал полковнику С. Соломко в иске к своей жене о признании её обязанной жить с ним, поскольку муж не доказал наличие у него постоянного места жительства. А в последней четверти XIX столетия в нескольких своих решениях Гражданский кассационный департамент уже прочно увязывал обязанность супругов проживать совместно с обязанностью мужа содержать жену, как этого требовало его общественное положение и возможности. Наконец, в 1906 г. в решении по одному частному делу Гражданский кассационный департамент Сената признал право жены

⁵ Полный свод решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.) за 1868 г. № 368–633. Екатеринбург. 1903. № 526. С. 930–931 // СПС КонсультантПлюс.

проживать отдельно от мужа, который создал супруге невыносимые условия совместного существования⁶.

Трудно, однако, представить себе, что крупный государственный деятель вроде Алексея Каренина добивался бы через суд и полицию возврата жены в семью. Тем более, что формальное возвращение супруги в лоно семьи не гарантировало проблем в будущем. Хорошо известно, писал в начале XX в. В. И. Синайский, что жена, водворённая к мужу по исполнительному листу, уходит вслед за судебным приставом [8, с. 209]. Кроме того, в благородном обществе часто пытались избежать публичной огласки семейных проблем, неизбежной в случае привлечения к их решению официальных органов. Таким образом, отдав жён во власть и подчинение своих супругов, законодатель не смог обеспечить эффективную реализацию власти мужей судебными и полицейскими средствами. Конечно, даже в XIX в. возврат жены в дом через полицию и суд в качестве меры улаживания супружеских конфликтов не вызывал одобрения современников. Однако это были почти единственные основанные на законе меры, которые могли быть предприняты в этом направлении государственными органами.

При этом **во второй половине XIX в. был ликвидирован орган «медиации»**, деятельность которого хоть как-то могла способствовать нормализации отношений между супругами. Речь идёт о ликвидации института Совестного суда, созданного в 1775 г.

в период правления Екатерины II [4, с. 186]. Задачей этого органа являлось примирение тяжущихся. Стороны или их представители должны были сами представить Совестному суду свои предложения по примирению. Если таких предложений не исходило от сторон, это должен был сделать сам суд, который таким образом превращался из посредника между супругами в полноценный судебный орган [4, с. 456]. Возможно, один из первых случаев разрешения Совестным судом супружеских конфликтов стало дело супругов Демидовых. Убедившись в невозможности примирения мужа и жены, Совестный суд в 1779 г. приговорил Демидовых к раздельному проживанию вплоть до возможного их примирения. На время раздельного проживания муж обязывался выплачивать жене по 5 000 руб. ежегодно и 10 000 руб. одновременно на её банковский счёт, а также выделить несколько крепостных людей для обслуживания жене⁷.

Однако дореформенное гражданское судопроизводство было столь медлительным, что одно дело могло рассматриваться в течение десяти и более лет, переходя из низших инстанций в высшие и обратно по несколько раз. Так, жена коллежского асессора Пороховникова из Малороссии подала на Высочайшее имя прошение понудить её мужа предоставлять ей достойное содержание⁸. В 1821 г. через министра юстиции и Комитет министров эта жалоба была спущена на рассмотрение суда первой инстанции по месту жительства супругов – в

⁶ Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1906. СПб., 1906. С. 30–34.

⁷ ПСЗРИ-1. Т. XX. № 14886.

⁸ РГИА. Ф. 1330. Оп. 5. Д. 480. Л. 256.

Полтавский Совестный суд. В судопроизводстве по этому делу, окончательное решение по которому состоялось в 1833 г., в итоге (иногда многократно) участвовали следующие органы: Полтавский Совестный суд, Общее собрание первых трёх департаментов Сената, Комитет министров, министр юстиции, Государственный совет и даже два императора (Александр I в 1821 г. и Николай I в 1833 г.).

Судебная реформа 1864 г. существенно упростила и ускорила судопроизводство. Но учреждённый скорый и правый суд не был уполномочен мирить супругов, ибо это не входило в его компетенцию. Таким образом, Судебная реформа уничтожила (в 1866 г.⁹) тот единственный орган (Совестный суд), который учреждался в 1775 г. Екатериной II в целях «доставить обеим сторонам законную, честную и бестяжебную жизнь» [4, с. 456].

Помимо Совестного суда (вплоть до его упразднения) прикосновенным к разрешению супружеских неурядиц оказалось в определённой степени знаменитое III Отделение Собственной его императорского величества канцелярии, в которое поступали жалобы жён на своих мужей. Имелись случаи, когда по решению III Отделения жены в исключительных случаях получали отдельный вид на жительство вследствие установленной невозможности продолжать семейную жизнь. В 1860 г. III Отделение, обобщив накопленный материал, выступило с инициативой при проведении полицейского следствия по жалобе жены на жестокое обращение мужа разрешать ей вре-

менно, до окончания суда, проживать отдельно. Кроме того, из III Отделения поступило предложение составить инструкцию по рассмотрению вопроса об освобождении жён от совместной жизни с мужьями при невозможности её дальнейшего продолжения. Однако этот вопрос нельзя было решить без согласования с Синодом, который занял достаточно жёсткую позицию и в 1867 г. вынес определение о невозможности по церковным правилам выдавать супругам разрешение на раздельное проживание. Единственным выходом из ситуации, по мнению Синода, было **преподание супругам духовного назидания** прекратить неурядицы и согласно заповеди Божией продолжать мирное супружеское сожитие.

Тем не менее несчастные супруги продолжали приносить жалобы на высочайшее имя в Комиссию прошений, а с 1884 г. – в Канцелярию по принятию прошений. Статистика показала, что в конце XIX столетия ежегодно подавалось в среднем более 2 300 прошений по семейным делам, из них около 87% от жён, желающих получить право на отдельное проживание с содержанием от мужа. Остальные жалобы поступали от мужей с просьбой к правительству оказать благотворное воздействие на жён¹⁰. Таким образом, Алексей Каренин мог пойти и таким путём – обратиться на имя императора с просьбой повлиять на развратную жену. Но в жизни, как видно из приведённых цифр, оказывать воздействие

⁹ Полное собрание законов Российской империи. 1830–1885. Т. XLI. Отд. II. № 43898.

¹⁰ Гражданское уложение: Семейственное право. Проект Высочайше учреждённой Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. СПб., 1910. Т. 1. С. 227.

требовалось в основном на мужей. 12 марта 1914 г. был, наконец, принят закон, который легализовал право одного супруга отказаться от совместной жизни с другим, если эта жизнь представлялась невыносимой [1].

Пользу от этого закона получили, прежде всего, замужние женщины, которые покидали своих супругов. В случае же требования последних вернуться в семью, жены имели право представить в окружном суде доказательства жестокого обращения с ними, явного злоупотребления супружескими правами со стороны мужей и явного пренебрежения супружескими обязанностями. Требование о восстановлении совместной жизни могло быть отклонено и в случае, когда один из супругов был болен тяжкой душевной болезнью или страдал каким-либо иным заразным «прилипчивым и отвратительным» заболеванием. При этом место жительства общих детей определялось либо у невиновного в раздельном жительстве супруга, либо – по решению суда. Таким образом, если бы подобный закон существовал в эпоху действия романа «Анна Каренина», то обманутый супруг мог предъявить в суде, как и намеревался, письма жены к любовнику, добиться раздельного проживания с ней, а также оставления единственного сына Карениных при нём.

Итак, рассмотрение правовых средств урегулирования супружеских конфликтов в XIX в. показало следующее. Во-первых, несмотря на то, что дела брачные традиционно составляли церковную «вотчину», в руках церкви было не так уж много способов нормализовать супружеские отношения. Способ был один лишь – пастырское

увещание. Своими руками руководство Православной церкви уничтожило практиковавшийся ещё в XVIII в. институт раздельного жительства супругов до их примирения. Рассмотрение супружеских конфликтов, как показал ряд приведённых примеров, пастыри предпочитали передавать полиции. Во-вторых, государственные органы принимали некоторые меры по восстановлению мира между супругами. Одной из таких мер являлось рассмотрение дела в Совестном суде. Этот орган был специально учреждён таким образом, чтобы заинтересовать стороны в прекращении взаимной вражды. Однако в ходе Судебной реформы второй половине XIX в. институт Совестного суда был ликвидирован. Несмотря на то, что благодаря стараниям церкви в начале XIX в. государственным органам запретили разрешать супругам раздельное проживание или утверждать договоры об этом, практика таких разрешений хотя и максимально сократилась, но не исчезла совсем. Несмотря на противодействие Синода, раздельное проживание супругов уже в начале XX в. (1914 г.) удалось признать законодательно. Наконец, самовольное оставление жены мужем, неимение мужем постоянного места жительства, невыполнение им обязанностей по содержанию жены – все эти вопросы могли быть рассмотрены в судебном порядке. Однако они рассматривались судами лишь с точки зрения нарушения гражданского законодательства Российской империи, но не в целях примирения супругов.

Таким образом, ни один из прикосновенных к супружеским делам органов – светских и церковных – во второй половине XIX в. не был по-

настоящему заинтересован в мирном урегулировании семейных неурядиц. Поэтому героям произведений Л. Н. Толстого было некуда обратиться за эффективным разрешением супружеских конфликтов. Оставался лишь один возможный легальный исход – начать процедуру расторжения брака.

Но и этот вариант, как видно на примере попытки Алексея Каренина, для порядочных людей был практически неприемлем.

*Статья поступила
в редакцию 20.06.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Гессен И. В. Раздельное жительство супругов. СПб., 1914. 176 с.
2. Елисева А. А. Личные неимущественные права, обязанности детей и родителей в российской семье: эволюция правового института // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 2. С. 124–130.
3. Жаров В. А. «Война и мир» Л. Н. Толстого и семейное право России начала XIX века // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4. С. 73–75.
4. Законодательство Екатерины II. В 2 т. / под ред. Д. Ю. Арапова. М., 2000. Т. 1. 1056 с.
5. Полянский П. Л. Дело Шелковникова: к вопросу о разграничении компетенции российских церковных и светских органов в брачных делах в XIX веке // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 5. С. 33–51.
6. Полянский П. Л. О некоторых особенностях российского судопроизводства по прелюбодейным разводам XVIII–XIX вв. (на примере возможных прототипов героев М. Ю. Лермонтова) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 2. С. 54–67.
7. Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М., 2016. 400 с.
8. Синайский В. И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве (с приложением действующих русских законов, сенатской практики и указателя русской литературы). Юрьев. 1910. 351 с.
9. Цатурова М. К. Три века русского развода (XVI–XVIII века). М., 2011. 288 с.
10. Янчевский В. В. Общественно-политические и правовые взгляды Л. Н. Толстого. Воронеж, 1983. 165 с.

REFERENCES

1. Gessen I. V. *Razdelnoe zhitelstvo suprugov* [Separation of Spouses]. St. Petersburg, 1914. 176 p.
2. Eliseeva A. A. [Personal non-proprietary rights, duties of children and parents in a Russian family: the evolution of the legal institution]. In: *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina* [Bulletin of Kutafin Moscow State Law University], 2019, no. 2, pp. 124–130.
3. Zharov V. A. [«War and Peace» by L. N. Tolstoy and the Family Law of Russia in the early 19th century]. In: *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2017, vol. 6, no. 4, pp. 73–75.
4. Arapov D. Y. *Zakonodatelstvo Ekateriny II. V 2 t.* [The Legislation of Catherine II. In 2 Vols.]. Moscow, 2000. 1056 p.
5. Polyansky P. L. [Shelkovnikov Case: on the issue of delimitation of competence of the Russian ecclesiastical and secular authorities in marriage cases in the nineteenth century].

- In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow University. Series 11: Law], 2014, no. 5, pp. 33–51.
6. Polyansky P. L. [On some peculiarities of the Russian legal proceedings on divorce adulterous in the 18th – 19th centuries (by example of the possible prototypes of M. Y. Lermontov's characters)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of the Moscow University. Series 11: Law], 2015, no. 2, pp. 54–67.
 7. Polyansky P. L. *Pravovoe regulirovanie brachno-semeinykh otnoshenii v rossiiskom obshchestve: istoriko-pravovoe issledovanie* [Legal Regulation Of Marriage and Family Relations in the Russian Society: Historical and Legal Study]. Moscow, 2016. 400 p.
 8. Sinaisky V. I. *Lichnoe i imushchestvennoe polozhenie zamuzhnei zhenshchiny v grazhdanskom prave (s prilozheniem deistvuyushchikh russkikh zakonov, senatskoi praktiki i ukazatelya russkoi literatury)* [Personal and property Status of a Married Woman in Civil Law (with Current Russian Laws, Senate Practices and Russian Literature Index)]. *Yuriev*, 1910. 351 p.
 9. Tsaturova M. K. *Tri veka russkogo razvoda (XVI–XVIII veka)* [Three Centuries of Russian Divorce (16th –18th centuries)]. Moscow, 2011. 288 p.
 10. Yanchevsky V. V. *Obshchestvenno-politicheskie i pravovye vzglyady L. N. Tolstogo* [Socio-political and Legal Views of Leo Tolstoy]. Voronezh, 1983. 165 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полянский Павел Львович – доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: iogp@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOUR

Pavel L. Polyansky – Doctor of Law, professor at the Department of History of State and Law, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: iogp@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Полянский П. Л. Герои Льва Толстого и правовые средства разрешения супружеских неурядиц в XIX веке в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 68–78.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-68-78

FOR CITATION

Polyansky P. L. Leo Tolstoy's Characters and Legal Means of Solving Matrimonial Problems in the 19th Century Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 3, pp. 68–78.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-68-78

УДК 347.6

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-79-88

РЕАЛЬНОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ

Ульянова М. В.

Российский государственный университет правосудия

117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69, Российская Федерация

Аннотация. Целью исследования стало изучение проблем, связанных с осуществлением субъективных семейных прав на примере исполнения судебных постановлений по неимущественным искам из семейных правоотношений, в том числе по воспитанию детей. Автор анализирует свойства судебных постановлений, нормы семейного законодательства, использует многочисленные приёмы и методы анализа, компаративистики и исторический подход. Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты могут стать основой совершенствования семейного законодательства. Новизной исследования стало выделение принципа реального осуществления субъективных семейных прав, который раскрыт не только теоретически, но и обоснован примерами из практики. Автор приходит к выводу, что средства и способы исполнения судебных постановлений по данной категории споров предусмотрены законодателем. Они являются крайней мерой, которая позволит реально осуществить субъективные права, защитить права ребёнка, соблюсти правопорядок.

Ключевые слова: семейные права, семейные права ребёнка и родителей, принципы юридических институтов, исполнение судебных постановлений по неимущественным искам, по искам о воспитании ребёнка, принцип реального осуществления субъективных семейных прав

REAL IMPLEMENTATION OF SUBJECTIVE FAMILY RIGHTS

M. Ulianova

State University of Justice

69, Novocheremushkinskaya st., Moscow, 117418, Russian Federation

Abstract. The article explores the problems associated with the implementation of subjective family rights by example of the execution of court rulings on non-property lawsuits from family relations, including the upbringing of children. The research methodology includes analysis, comparative method and historical approach. The author analyzes the properties of court rulings, norms of Family Law, and comes to the conclusion that the means and methods of execution of court rulings on this category of disputes are provided by legislation. They are an extreme measure that enforce the implementation of subjective rights, protection of children's rights, respect for the rule of law. The practical value of the study lies in its promoting Family Law improvement and the novelty of it is in the discovery of the principle of real implementation of subjective family rights proved not only theoretically, but by examples.

Keywords: family rights, family rights of children and parents, the principles of legal institutions, the execution of court rulings on non-property claims, child upbringing claims; the principle of real implementation of subjective family rights.

Насущным вопросом осуществления прав и исполнения обязанностей в семейных правоотношениях является уяснение и осознания принципов юридического института. Догматическое осмысление того или иного феномена «требует определения его начал, основ, принципов» [17, с. 197–199]. О ценности данной категории высказывал мысли и Платон: не познав начала, не познаешь целого [3, с. 8–360]. «Познать сущность процесса осуществления прав и исполнения обязанностей, оптимизировать его возможно, лишь осознав его начала» [17; с. 197–199]. Дискуссиям, посвященным принципам права, уделяется внимание в работах ученых разного периода. В настоящее время тема также находится в эпицентре научных поисков и продолжает быть актуальной¹. Исходным положениям отдельных юридических институтов семейного права уделяется внимание в работах многих авторов [8; 11; 12; 15; 20], и вместе с тем возникает потребность обобщить имеющийся научный и практический материал в семейном праве, базирующийся на законодательстве.

Одной из проблем, на которую сегодня обращают внимания авторы и правоприменители различного уровня, «учитывая сложность и деликатность семейных отношений» [10, с. 5], является осуществление субъективных семейных прав детей и родителей при вынесении и исполнении су-

дебных постановлений по семейным спорам. К правам ребёнка относятся: право на воспитание своими родителями, право на всестороннее развитие и образование, право жить и воспитываться в семье, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное проживание с ними, право на общение с обоими родителями, дедушкой, бабушкой, братьями, сестрами и другими родственниками. Родители также имеют объём прав, которые направлены на удовлетворение их потребностей, получение нематериальных благ, которые связаны с общением и совместным проживанием с ребёнком. В соответствии с п. 1 ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ²) происходит совпадение прав и обязанностей родителей.

Примечательно, что в п. 1 ст. 7 СК РФ предусмотрено, что «осуществление членами семьи своих прав и исполнение своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан».

Реальное осуществление прав не всегда связано с необходимостью вынесения судебного решения, но в отдельных случаях, когда обязанное лицо добровольно не исполняет решение суда, возможна факультативная стадия осуществления права – принудительное исполнение. Так, следует согласиться с высказыванием о значении исполнения судебного решения в механизме осуществления прав, важно «реальное исполнение принятого акта, доведение

¹ См.: С. С. Алексеев, Е. В. Вавилин, Ю. С. Гамбаров, В. П. Грибанов, В. В. Ершов, В. С. Ем, О. А. Красавчиков, О. А. Кузнецова, Н. С. Малеина, С. Т. Максименко, А. В. Малько, Н. И. Матузов, С. В. Пахман, Ю. К. Толстой, Г. А. Свердлык, Л. В. Щенников, В. Ф. Яковлев и др.

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета. 27.01.1996. № 17.

его до логического завершения. ...Ибо не выполненное решение сводит на нет весь правоприменительный процесс» [13, с. 331]. Эту позицию усиливает в своих работах Е. В. Вавилин, который считает, что «...реальное (формальное и фактическое) восстановление нарушенных субъективных ... прав ... это надлежащее исполнение решения суда. Именно фактическая реализация защиты ..., реальная возможность осуществлять свои восстановленные права должны завершать действие механизма защиты субъективных ... прав, так как только в этом случае правовая цель может считаться достигнутой», а вынесение положительного судебного решения «это лишь промежуточная часть» [2, с. 129–130].

Защита права может осуществляться как внесудебным способом (в т. ч. путем заключения внесудебных соглашений), так и в судебном порядке (п. 1 ст. 8 СК РФ). Судебное постановление – акт органа государственной власти, вступившее в законную силу, подлежит неукоснительному исполнению на всей территории РФ, является обязательным для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, граждан, организаций [1, с. 23–36]³. Неисполнение судебного постановления влечет за собой ответственность, предусмотренную федеральным законом (ч. 2–3 ст. 13 ГПК РФ⁴). В отноше-

нии судебных решений, связанных с осуществлением семейных прав, в том числе по искам о воспитании детей, каких-либо отдельных требований законодатель не закрепляет. Государство несет судебные издержки, связанные с разрешением семейных споров. Важно, как для осуществления прав лица, так и для правопорядка в целом, довести разрешение конфликта до его фактического и юридического завершения либо путем исполнения решения, либо путем индивидуального регулирования семейных отношений, т. е. достижением соглашения сторон.

Некоторые авторы отмечают, что «из всех судебных решений по имущественным взысканиям исполняется лишь половина. И только сейчас, когда введен институт судебных приставов, положение несколько улучшилось» [13, с. 331], что позволяет судить об исполнимости судебных постановлений по имущественным требованиям.

Одним из сложнейших вопросов защиты семейных прав является исполнение судебного решения по личным неимущественным требованиям, вытекающим из семейных правоотношений. Подобные требования в отношении детей объединены в группу исков «о воспитании детей», к ним относятся: о месте жительства детей при раздельном проживании родителей (п. 3 ст. 65 СК РФ); об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребёнка

³ В. В. Ярков и другие авторы отмечают, что аспектом законной силы судебного решения является его преюдициальность, неопровержимость, исключительность и исполнимость.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-

ФЗ // Российская газета. 20.11.2002. № 220. П. 1 ст. 17.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ предусматривает ответственность за неисполнение содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера.

(п. 2 ст. 66 СК РФ); об устранении препятствий к общению с ребёнком его близких родственников (п. 3 ст. 67 СК РФ); иски родителей и иных лиц, их заменяющих (опекунов, попечителей, приемных родителей), к лицам, удерживающим ребёнка не на основании закона или решения суда, о возврате ребёнка ст. 68, п. 4 ст. 148.1, п. 2 ст. 153 СК РФ); о лишении родительских прав (ст. 69–71 СК РФ) и о восстановлении в родительских правах (ст. 72 СК РФ); об ограничении родительских прав (ст. 73–75 СК РФ); об отмене ограничения родительских прав (ст. 76 СК РФ); и другие споры. Перечень категорий споров не является ограниченным. Могут рассматривать в суде и такие иски: родителей к лицам, у которых дети находятся на законном основании (к опекуну, попечителю, приемным родителям), о возврате ребёнка; между родителями об осуществлении воспитания; третьих лиц к родителям о передаче ребёнка; родителя к другому родителю в порядке п. 3 ст. 66 СК РФ о передаче ребёнка, и иные.

Специалисты по семейному праву обращают внимание на разные аспекты проблем тех или иных исков, или совокупность предъявляемых требований [6; 9; 14; 16; 18; 19; 22]. Имеются решения Европейского суда по правам человека в отношении России⁵, что говорит об отсутствии со стороны госу-

дарства устоявшегося единого системного подхода [9, с. 96–107].

Можно предположить, что решение вопроса отчасти лежит в сфере правосознания общества, правопорядка и правовой политики государства.

Следует обратить внимание на особенности присущие семейному правоотношению, закреплённые в правовом регулировании: имеет место равное право родителей и обязанности в отношении своих детей (ч. 1 ст. 61 СК РФ), в том числе родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей (ч. 1 ст. 63 СК РФ). Ребёнок имеет право жить и воспитываться в семье, и лучшим для него является проживание с обоими родителями. В силу жизненных обстоятельств родители могут не проживать вместе, и тогда они вправе на основании своего соглашения определить постоянное место жительства ребёнка с одним из них в наилучших интересах ребёнка. Однако часто ребёнка используют как средство манипуляции, когда конфликт родителей заходит так далеко, что они не могут и не хотят приходить к взаимному согласию. Решается вопрос не только об их праве проживать с ребёнком и воспитывать его, но и о правах и интересах ребёнка. Тогда права и законные интересы ребёнка требуют защиты. Ребёнок в этих отношениях является субъектом, в интересах которого выносится судебное решение. Положение ч. 2 ст. 64 СК РФ (на которое ссылаются применительно к разрешению споров материального характера) закрепляет, что родители не вправе представлять интересы своих детей, если органом опеки и попечительства установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия.

⁵ Например: Постановление ЕСПЧ от 14.06.2011 «Дело «Ханамирова (Khanamirova) против Российской Федерации» (жалоба № 21353/10) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2012, № 11. Постановление Европейского суда по правам человека от 13.11.2012 по делу «Y.U. против Российской Федерации» (жалоба № 41354/10) // Российская хроника Европейского суда. 2013. № 3.

В ходе судебного разбирательства проводятся экспертизы, представляются акты обследования, заслушивается мнение ребёнка (в предусмотренных законом случаях), исследуются иные средства доказывания. Судья стоит перед непростым выбором – совместное проживание с кем из родителей в большей степени отражает интересы ребёнка.

Период предъявления иска, судебного разбирательства, вынесения судебного решения, вступления его в законную силу может быть длительным. Маленький ребёнок за это время может забыть родителя, с которым ему определено место жительства. Ребёнок может быть задарен подарками и не пожелает уйти из дома другого родителя. Возможно ребёнок находится под влиянием того с кем проживает и испытывает неосознанно чувство вины, если поддерживает общение с истцом.

Ребёнок не является объектом, на который обращается взыскание, и реализация судебного постановления не может быть осуществлена помимо воли самого ребёнка, с применением насилия. Так, М. Л. Гальперин отмечает, что в правовом поле отсутствуют эффективные средства, чтобы «заставить родителя, у которого фактически находится ребенок, передать его лицу, с которым ребёнок должен проживать в соответствии с решением суда» [4, с. 27–40]. Также Гальперин ставит вопрос: «кто должен нести ответственность за фактическую невозможность исполнения решения суда: законодатель, предусмотревший способ защиты права, теоретически обоснованный, но объективно неприменимый на стадии принудительного исполнения; суд, не раскрывший конкретные спо-

собы исполнения в своем решении, или судебный пристав-исполнитель, годами безуспешно исполняющий судебные решения? Или риск неисполнения судебного решения должен лежать на самом взыскателе, изначально выбравшем предусмотренный законом, но невозможный к осуществлению в его конкретной ситуации, способ защиты?» [5, с. 40–57].

Авторы, исследующие данную проблему, предлагают свои варианты её разрешения. Одним из важных моментов, на который обращают внимание специалисты, и который указан в письмах Федеральной службы судебных приставов⁶, является формулировка резолютивной части. По мнению М. А. Данеляна, формулировка резолютивной части, где определено с кем проживать ребёнку, является правоустанавливающей и не предполагает исполнительного производства по нему [7, с. 12–21]. В частности, не предусматривается возложение на должника (одного из родителей) обязанности по передаче ребёнка другому родителю и не содержится каких-либо иных требований обязывающего характера, предусмотренных п. 6 ч. 1 ст. 13 Закона об исполнительном производстве⁷. Эта позиция отражена в

⁶ Письмо ФССП России от 14 июня 2012 г. № 12/01-14324-ТИ «О порядке организации работы при исполнении судебных решений об отобрании ребёнка, об определении места жительства ребёнка, об определении порядка общения с ребёнком» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2012. № 8.

⁷ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об исполнительном производстве» // Российская газета. 06.10.2007. № 223.

обзоре Верховного Суда РФ 2011 г.⁸. Судам даны разъяснения о необходимости указания в судебных решениях на обязанность родителя передать ребёнка тому родителю, с которым определено место жительства несовершеннолетнего.

Подобной позиции с опорой на разъяснения высшего судебного органа⁹ – о необходимости четкой формулировки резолютивной части судебного решения – придерживается и П. А. Якушев. Автор пишет, что «возлагать на стороны обязанности, носящие неправовой характер», заведомо усложняет исполнение [21, с. 23–26].

Реальная исполнимость судебного решения может быть обеспечена только путем применения существующих правовых конструкций, направленных на защиту прав ребёнка, попавшего в сложную жизненную ситуацию, при нежелании родителей разрешить спор добровольно.

Важным моментом в защите интересов ребёнка в конфликте сторон является устранение его из сферы конфликта, который условно можно разделить на два этапа: период судебного разбирательства и наличие вынесенного судебного решения, вступившего в законную силу.

Период рассмотрения дела в суде может быть длительным. За это вре-

мя место жительства ребёнка может измениться, и по характеру требование из правоустанавливающего может превратиться в требование о передаче ребёнка (есть риск, что выйдя на прогулку с отдельно проживающим родителем, последний может не вернуть ребёнка домой и т. д.).

Второй период – наличие вынесенного судебного решения, вступившего в законную силу, когда сторона отказывается его добровольно исполнять, затягивает исполнение. Подобные действия могут выражаться в недопущении пристава в помещение, укрывательстве ребёнка в другой местности или даже другой стране, создание негативного образа родителя, с которым определено место проживания ребёнка. Второй родитель в силу долгой разлуки может утратить с ребёнком связь на столько, что при встрече ребёнок не вспоминает родителя, или, испытывая чувство вины по отношению к родителю, с которым находится, не идет к другому родителю¹⁰, в такой ситуации взрослый и сам может быть не готов общаться с ребёнком или забирать его. Как следствие – решение не исполняется в силу того, что приставы не могут забрать ребёнка против его воли.

А. М. Нечаева имеет обоснованную позицию, что Семейный кодекс РФ предоставляет возможность устранить ребёнка из сферы конфликта [14, с. 23–

⁸ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Российская газета. 10.06.1998. № 110.

¹⁰ Например: Постановление ЕСПЧ от 14.06.2011 «Дело «Ханамирова (Khanamirova) против Российской Федерации» (жалоба № 21353/10) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 11. Постановление Европейского суда по правам человека от 13.11.2012 по делу «Y.U. против Российской Федерации» (жалоба № 41354/10) // Российская хроника Европейского суда. 2013. № 3.

28]. В частности, в ч. 2 п. 2 ст. 79 СК РФ закреплено, что при невозможности исполнения решения суда о передаче ребёнка без ущерба его интересам ребёнок может быть по определению суда временно помещен в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, т. е. под надзор образовательной, медицинской социальной или некоммерческой организации, если указанная деятельность не противоречит целям, ради которых они созданы.

А. М. Нечаева рассматривает помещение ребёнка в социальный приют для детей или социально-реабилитационный центр¹¹ для несовершеннолетних как решение вопроса, которое позволит «реально практически» выйти из положения. В то же время она отмечает, что «во-первых, временное устройство несовершеннолетнего даже с целью охраны его интересов связано с его отобранием от одного из родителей. Во-вторых, в приют, социально-реабилитационный центр попадают прежде всего «дети улицы», общаться с которыми вряд ли полезно «домашним» детям, о которых спорят» [14, с. 23–28]. Но если спор родителей зашёл далеко, вынесенное судебное постановление не исполняется, то это одно из приемлемых решений в слож-

ных ситуациях и может применяться как крайняя мера.

Устройство ребёнка в социальный приют или социально-реабилитационный в период судебного разбирательства «позволит ребёнку избавиться от давления заинтересованных лиц, обрести душевный покой, после чего ему легче будет разобраться в своих привязанностях, что, в конечном счете, облегчит исполнение судебного решения...» [14, с. 23–28].

В период нахождения ребёнка в реабилитационном центре психологи смогут установить истинные желания и привязанности ребёнка, сформированные не под влиянием лиц, у которых ребенок находился.

Возможно, такой способ защиты интересов ребёнка и обеспечения исполнения судебного решения вызовет неоднозначное отношение со стороны родителей. Применение положений ст. 79 СК РФ позволит не только ребёнку обрести «душевный покой», но и родителям задуматься, действительно ли они действуют в интересах ребёнка или ими движут иные мотивы и чувства (эгоизм, месть бывшему супругу и пр.), т. е. защитит права ребёнка в семейных правоотношениях. Наилучший способ определить место жительства ребёнка посредством соглашения заверенного у нотариуса. При невозможности договориться – прибегнуть к услугам медиаторов, психологов, четко обозначив для каждой из сторон желаемое и имеющиеся для этого средства и ресурсы.

Таким образом, действующее законодательство позволяет исполнять судебные решения неимущественного характера о воспитании детей в интересах детей, реально (формально и

¹¹ Постановление Правительства РФ от 27.11.2000 № 896 «Об утверждении Примерных положений о специализированных учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации» (вместе с «Примерным положением о социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних», «Примерным положением о социальном приюте для детей», «Примерным положением о центре помощи детям, оставшимся без попечения родителей») // Российская газета. 09.12.2000. № 235.

фактически) восстановив нарушенные субъективные семейные права ребёнка, с учетом баланса прав родителей, соблюдая правопорядок. Все выше сказанное позволяет выделить принцип реального осуществления субъективных семейных прав, как в имущественных правоотношениях, так и личных неимущественных.

*Статья поступила
в редакцию 21.05.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Абушенко Д. Б., Брановицкий К. Л., Воложанин В. П. и др. Гражданский процесс: учеб. М.: Статут, 2017. 702 с.
2. Вавилин Е. В. Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей: автореф. дис. ... док. юр. наук. М., 2009. 54 с.
3. Вавилин Е. В. Принципы гражданского права. Механизм осуществления гражданских прав. Саратов, 2012. 364 с.
4. Гальперин М. Л. Будущее исполнительного производства: проблемы взаимодействия материального и процессуального права // Закон. 2012. № 4. С. 40–57.
5. Гальперин М. Л. Невозможность исполнения требования исполнительного документа в неизменном виде: проблема процессуального или материального права? // Закон. 2017. № 7. С. 27–40.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / под ред. Л. В. Санниковой. М., 2015. 662 с.
7. Данилян М. А. Практика принудительного исполнения судебных решений, связанных с воспитанием несовершеннолетних, и направления совершенствования российского института алиментирования детей // Практика исполнительного производства. 2013. № 3. С. 12–21.
8. Ильина О. Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: дис. ... док. юр. наук. Москва, 2006. 374 с.;
9. Кравчук Н. В. Решение суда об определении места жительства ребёнка: исполняя неисполнимое // Международное правосудие. 2017. № 1. С. 96–107.
10. Крашенинников П. В. Вступительная статья // Семейный кодекс Российской Федерации с постатейными материалами. М., 1996. 543 с.
11. Кулаков В. В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы Российского права. 2017. № 5. С. 16–20.
12. Леженин В. Н. Правовые вопросы семейного воспитания детей. Воронеж. 1992. 268 с.
13. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: уч. М.: 2018. 528 с.
14. Нечаева А. М. Отображение детей у родителей // Российская юстиция. 2010. № 7. С. 23–28.
15. Певцова Е. А. Современная теория правосознания молодежи: теоретико-правовые аспекты // Гражданин и право. 2007. № 3. С. 9–15.
16. Ракитина Л. Н. Обеспечительные меры по судебным спорам о детях // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 2. С. 18–21.
17. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 2001. 992 с.
18. Сахно Д. К. Исполнение решений суда об определении места жительства ребёнка // Исполнительное право. 2011. № 1. С. 2–4.
19. Серебрякова А. А. Исполнение решений суда по делам, связанным с воспитанием детей // Исполнительное право. 2014. № 1. С. 32–37.

20. Шерстнева Н. С. Принципы российского семейного права: дис. ... док. юр. наук. М., 2007. 452 с.
21. Якушев П. А. Резолютивная часть решения суда об определении места жительства ребёнка: как изложить выводы суда, чтобы решение исполнялось в интересах несовершеннолетнего // Семейное и жилищное право. 2018. № 4. С. 23–26.
22. Якушев П. А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика. М.: Проспект, 2018. 144 с.

REFERENCES

1. Abushenko D. B., Branovitsky K. L., Volozhanin V. P. et al. *Grazhdanskii protsess: uchebnik* [Civil litigation: textbook]. Moscow, Statut Publ., 2017. 702 p.
2. Vavilin E. V. *Mekhanizm osushchestvleniya grazhdanskikh prav i ispolneniya obyazannostei: avtoref. dis. ... dok. yur. nauk* [The mechanism for the implementation of civil rights and duties: Abstract of D. thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2009. 54 p.
3. Vavilin E. V. *Printsipy grazhdanskogo prava. Mekhanizm osushchestvleniya grazhdanskikh prav* [Principles of civil law. The mechanism of the civil rights]. Saratov, 2012. 364 p.
4. Galperin M. L. [Future enforcement proceedings: problems of interaction of substantive and procedural law]. In: *Zakon* [The Law], 2012, no. 4, pp. 40–57.
5. Galperin M. L. [Impossibility of performance of requirements of the Executive document in the same manner: the problem of procedural or substantive law?]. In: *Zakon* [The Law], 2017, no. 7, pp. 27–40.
6. Sannikova L. V. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Postateinyi kommentarii k glavam 1–5* [The civil code of the Russian Federation. Commentary to Chapters 1–5]. Moscow, 2015. 662 p.
7. Danilyan M. A. [The practice of forced execution of court decisions related to the education of minors, and areas of improvement of the Russian Institute of child support]. In: *Praktika ispolnitel'nogo proizvodstva* [Practice of enforcement proceeding], 2013, no. 3, pp. 12–21.
8. Ilina O. Y. *Chastnye i publichnye interesy v semeinom prave Rossiiskoi Federatsii: dis. ... dok. yur. nauk* [Private and public interests in family law of the Russian Federation: D. thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2006. 374 p.
9. Kravchuk N. V. [Judgment on definition of the residence of the child: executing unrealizable]. In: *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International justice], 2017, no. 1, pp. 96–107.
10. Krashennnikov P. V. [Introduction]. In: *Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii s postateinymi materialami* [The Family code of the Russian Federation with article-by-article materials]. Moscow, 1996. 543 p.
11. Kulakov V. V. [Principles of family law]. In: *Aktualnye problemy Rossijskogo prava* [Current problems of Russian law], 2017, no. 5, pp. 16–20.
12. Lezhenin V. N. *Pravovye voprosy semeinogo vospitaniya detei* [Legal issues family parenting]. Voronezh, 1992. 268 p.
13. Matuzov N. I., Malko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of state and law: textbook]. Moscow, 2018. 528 p.
14. Nechaeva A. M. [Removal of children from parents]. In: *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justice], 2010, no. 7, pp. 23–28.
15. Pevtsova E. A. [The modern theory of legal consciousness of youth: theoretical and legal aspects]. In: *Grazhdanin i pravo* [Citizen and right], 2007, no. 3, pp. 9–15.
16. Rakitina L. N. [Interim measures in disputes about children]. In: *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitration and civil proceedings], 2010, no. 2, pp. 18–21.

17. Rassel B. *Istoriya zapadnoi filosofii* [History of Western philosophy]. Novosibirsk, 2001. 992 p.
18. Sakhno D. K. [Execution of court decisions determining the child]. In: *Iсполнительное право* [Executive right], 2011, no. 1, pp. 2–4.
19. Serebryakova A. A. [Enforcement of judgements on the Affairs connected with education of children]. In: *Iсполнительное право* [Executive right], 2014, no. 1, pp. 32–37.
20. Sherstneva N. S. *Printsipy rossiiskogo semeinogo prava: dis. ... dok. yur. nauk* [Principles of Russian family law: D. thesis in Juridical Sciences]. Moscow, 2007. 452 p.
21. Yakushev P. A. [The operative part of the court]. In: *Semeinoe i zhilishchnoe право* [Family and housing law], 2018, no. 4, pp. 23–26.
22. Yakushev P. A. *Spory o detyakh: traditsionnye tsennosti i sudebnaya praktika* [Disputes about children: traditional values and judicial practice]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 144 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ульянова Марина Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия;
e-mail: maryulianova14@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Ulianova – PhD in Law, associate professor at the Department of Civil Law, State University of Justice;
e-mail: maryulianova14@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Ульянова М. В. Реальное осуществление субъективных семейных прав // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 79–88.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-79-88

FOR CITATION

Ulianova M. V. Real Implementation of Subjective Family Rights. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 3, pp. 79–88.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-79-88

РАЗДЕЛ II. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.1

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-89-99

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Васильев С. В.

Псковский государственный университет

180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2, Российская Федерация

Аннотация. В данной работе обосновывается актуальность задачи совершенствования правового пространства на основе разграничения права и закона как важного элемента справедливой регламентации общественных отношений и эффективного инструмента социальной интеграции общественного организма с учётом разнообразных интересов. Автором озвучивается проблема отсутствия решительных шагов по «материализации» права в правовом пространстве России, приводятся аргументы, подтверждающие эту точку зрения. Критически оценивается попытка корректировки либерально-индивидуалистического подхода к правопониманию идеями солидаризма. Отмечаются недостатки солидаристского подхода, позволяющего в условиях «слабой выраженности» некоторых интересов, спровоцированной солидарным поглощением, перекладывать бремя ответственности на менее защищённых (личность, гражданское общество), что не способствует интеграции российского общества, усиливая социальную поляризацию в нём. Приветствуется либерально-индивидуалистический подход к правопониманию (доминирующий в сегодняшней мировой теории и практике), демонстрирующий нацеленность на формирование достойных правовых инструментов выражения и защиты особенных интересов, внедрение конкурентных состязательных начал в их взаимодействие, не позволяющих одним государственным интересам игнорировать интересы личности и гражданского общества.

Ключевые слова: солидаризм в праве, либерально-индивидуалистический подход, «материализация» права, ответственное поведение, специфические интересы, государство, личность, гражданское общество

TOWARDS LAW UNDERSTANDING IN MODERN RUSSIA

S. Vasilyev

Pskov State University

2, Lenin square, Pskov, 180000, Russian Federation

Abstract. The article substantiates the urgency of the task of improving the legal space on the basis of the separation of law and legislative acts as important elements of fair regulation of social relations and effective tools for social integration, taking into account a variety of interests. The author expresses a concern about the lack of decisive steps to “materialize” the law in the legal space of Russia, and provides arguments confirming this point of view. An attempt to correct the liberal-individualistic approach to legal understanding with the ideas of solidarism is critically examined. The article points out the shortcomings of the solidarity approach allowing to shift the burden of responsibility to the less protected (individuals or civil society) in case of «insufficient expression» of some interests provoked by a joint absorption, which does not contribute to the integration of the Russian society, increasing social polarization in it. The author favours liberal-individualistic approach to legal understanding (dominating in today’s world theory and practice) with its focus on the formation of truly legal instruments for expression and protection of special interests, introduction of competitive principles preventing state interests from dominating over the interests of individuals and civil society.

Keywords: solidarism in law, liberal-individualistic approach, “materialization” of law, responsible behavior, specific interests, state, personality, civil society

Вряд ли приходится сомневаться, что право – один из главных инструментов социальной интеграции, вырабатанный человечеством¹.

В современных сложных условиях развитие понимания права просто необходимо: нужна активная дискуссия по ключевым его проблемам и понятиям. Серьёзным препятствием для совершенствования правопонимания в нашей стране является *отождествление (смешение) права и закона*, тотальная подмена первого вторым. Например, как считает В. Крусс, «повсеместно в юридической аргументации и топике игнорируется синонимическое использование понятий «право» и «закон», а равно и широкого спектра их производных» [5, с. 7–14].

По нашему мнению, опасность ситуации в том, что в достаточной мере не обеспечивается «конкурентное влияние» интересов других субъектов (личности, гражданского общества) на государство, воля которого, выраженная в законе, становится монопольной, обязательной для всех иных, реально не подлежащей ограничению. Отграничение же права от закона, как воли государства, создаёт предпосылки такого пространства, в котором эта воля не бесконечна, утрачивает элемент произвольности, поскольку есть «право», способное сдерживать закон некоторыми рамками *в иных интересах*, например, личности или гражданского общества.

По мнению А. Лубского, «патерналистско-этатистский тип взаимоотношений исходит из отождествления человека, общества и государства...

¹ Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 9 октября 2018 года.

Статус гражданина, его права и свободы устанавливаются государством и рассматриваются как *вторичные* по отношению к государственным интересам. [...] Государство в данном типе взаимоотношений ориентировано на принятие решений единолично или коллегиально, пренебрегая правовыми предписаниями, не расшифровывая принятые решения или делая это исключительно формально, а главное – без учёта мнения человека» [7, с. 90].

М. Залоило и О. Черкашина-Шмидт отмечают, что «в России длительное время господствовал и продолжает доминировать позитивистский тип правовопонимания, который существенно ограничивает российское право лишь нормативными правовыми актами. Такой подход не позволяет вырабатывать необходимые и достаточные ответы на многочисленные вопросы, возникающие в процессах правотворчества и правореализации» [2, с. 143–147].

Поэтому и формирование правового пространства, в котором *есть право, не тождественное закону*, является важным элементом справедливой регламентации современных общественных отношений, эффективным инструментом социальной интеграции в направлении развития общественного организма *с учётом разнообразных интересов*. Перед нами встаёт очевидная и разноплановая задача: определиться с тем, есть ли у нас «право»; если есть, то, что может претендовать на эту роль в «материальном» смысле; как «право» будет совершенствоваться и развиваться, не утрачивая своих высоких регламентационных качеств по отношению к закону как воле государства.

При попытках идентификации «права» в нашей стране на ум пер-

вым приходят *правовые позиции* Конституционного Суда. По мнению А. Ливеровского, «исходя из совокупности конституционных аксиом (принципов), Конституционный Суд РФ строит правовое пространство правовых позиций, *то самое право*, верховенство которого необходимо для конституционализации законодательного пространства» [6, с. 7–9].

Можно согласиться, что право и есть некая система основополагающих принципов-аксиом, в основе которых лежат представления о справедливости. Они постепенно нарабатываются как целое, укрепляются всё более очевидными взаимосвязями между собою и их (что архиважно!) *нельзя нарушать ни при каких условиях*. Если общество способно обеспечить такую «внутреннюю договорённость» государства, личности, гражданского общества (нужна соответствующая политическая воля государства как *сильнейшей* стороны этих отношений), то это будет решительный шаг вперёд: и в развитии нашего правовопонимания, и в создании реальных инструментов социальной интеграции на новых и весьма перспективных принципах *дружественной конкуренции различных интересов*.

Вместе с тем, нельзя в полной мере принять оптимизм А. Ливеровского относительно оценки правового пространства правовых позиций Конституционного Суда как *«того самого права»*. Здесь необходимо вспомнить Постановление Конституционного Суда № 13-П, в котором указано, что «правовые позиции, сформулированные КС РФ могут уточняться либо изменяться, с тем чтобы адекватно выявить смысл тех

или иных конституционных норм, их букву и дух, с учётом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования»².

Можно согласиться с особым мнением судьи Конституционного суда РФ А. Кононова, где вышеуказанная мотивировка охарактеризована как «совершенно невообразимый вывод о том, что изменение законодательного регулирования способно, оказывается, изменять смысл тех или иных конституционных норм и даже их букву и дух. Аргументация Конституционного Суда, если это можно назвать так, полностью меняет общепринятые представления о верховенстве Конституции, её соотношении с законодательством, пределах её толкования и собственных правовых позициях Конституционного Суда, которые свободно могут меняться «в духе времени». С этой точки зрения, конечно, можно оправдать всё, что угодно, но это будет за пределами права» [9]. Произошедшее явилось своеобразным «переворотом» в общепринятых представлениях о Конституции, *о праве*, но, к сожалению, со знаком минус.

Предположим, что понимание необходимости разграничения права и закона у нас есть, но конкретные проявления этого процесса в некотором смысле оставляют желать лучшего, а

правовые позиции Конституционного Суда, которые *свободно могут меняться «в духе времени»*, рискуют оказаться *за пределами права*. Приходится констатировать, что данный барьер на пути становления права в нашей стране так и остался не преодоленным. Право *не смогло одолеть* закон, не определило для него действенные рамки. Решительного шага в направлении формирования правового пространства так и не было сделано.

Другим возможным претендентом на роль «того самого права» являются общепринятые принципы и нормы международного права, успешное действие которых надлежит обеспечить различного рода наднациональным международным органам, например, ЕСПЧ. Перед нами плод, результат вековых мировых опытов, лучшие и наиболее выверенные, ценные для общества правовые демократические стандарты, весьма совершенные правила разумного и справедливого общежития, сотворённые человечеством. Это та *последняя инстанция*, к которой обращаются, не обнаружив удовлетворительного решения со стороны собственного государства с его национальным законодательством.

Очевидно, что и здесь с «материализацией» права для российских граждан в последнее время возникли сложности. Имеется в виду нашумевшее Постановление Конституционного Суда РФ № 21-П³. И, несмотря на мнe-

² Постановление Конституционного Суда от 21 декабря 2005 года № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан» // Российская газета. 29 декабря 2005 г.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пп. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О междуна-

ние некоторых авторов, что «интрига [...] состоит не в самой возможности неисполнения основанных на Конвенции решений ЕСПЧ, а в том, в чём может усматриваться противоречие с Конституцией» [10], можно сказать: Конституционный Суд РФ сделал вывод *о возможности отказа* от исполнения решений ЕСПЧ, хотя связал такую с исключительным обстоятельством – наличием противоречия между Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и Конституцией России.

Усматривается некоторая взаимосвязь, несколько отдаляющая нас от «того самого права». Если правовые позиции Конституционного Суда свободно могут меняться «в духе времени», демонстрируя иногда «резинный» характер, то составит ли реальную сложность для этого органа обнаружить в Конституции РФ противоречие с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, когда текущий политический момент требует этого? Вопрос, как нам кажется, риторический. Опять приходится с сожалением констатировать некоторое снижение «правовой» планки в нашей стране.

Есть и иные сложности разграничения права и закона, что надлежит учесть в этом процессе. По мнению А. Корнева, «попытки обосновать аль-

родных договорах РФ», чч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства РФ и п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Вестник Конституционного Суда РФ 2015. № 6.

тернативу позитивистскому и нормативным вариантам понимания права в виде новых теорий неизбежно приводят их авторов к различению права и закона, известного с незапамятных времён. Однако сама логика жизни заставляет их принести свои концепции права на алтарь нормативной теории права и вновь обратиться к Его Величеству Закону. Особенно это заметно в контексте толкования права, а лучше всего сказать, закона.

Ещё раз вспомним Б. Кистяковского: «При всех подходах к праву приходится признать: оно либо состоит из норм, либо в нормах находит своё выражение» [4, с. 29–43].

Усложнение правового пространства России очевидно, и практически все учёные говорят о поиске оптимального соотношения между различными взглядами на право, т. е. о некоем комплексном подходе. Например, актуализируется вопрос «интегративного правопонимания». М. Залоило и О. Черкашина-Шмидт отмечают его сущность «в необходимой интеграции различных типов правопонимания (легистского, естественно-правового и др.) путём выявления общих точек соприкосновения, а не путём простого арифметического суммирования. В результате реализации такого подхода [...] становится достижимой цель выработки целостного и объективного понимания права» [2, с. 143–147].

Из рассуждений В. Зорькина понятно, что «нам нужна сейчас такая корректировка либерально-индивидуалистического подхода к правопониманию (доминирующего в сегодняшней мировой теории и практике),

которая привнесла бы в само понятие права идеи солидаризма»⁴.

На наш взгляд, солидаристский подход не даст кардинального решения проблем правовой поддержки реформ в российском социуме. С его помощью не сформируешь право как эффективный инструмент регулирования, способный обеспечить *ответственное поведение* всех основных субъектов российского социума, и, *в первую очередь, государства*. Солидаристский подход, если можно так выразиться, «размазывает» ответственность за происходящее. Например, из обоснований В. Зорькина не ясны механизмы усиления ответственного поведения государства и его представителей, без чего позитивный тренд российского социума не возможен в принципе. Более сильным и влиятельным (в данном случае – государству и его органам) позволяется *перекладывать бремя ответственности* на менее защищённых (личность, гражданское общество). Это возможно, поскольку они не обладают достойными инструментами выражения и защиты *своих особенных* интересов. В условиях «недостаточной выраженности», спровоцированной *солидарным поглощением*, эти интересы всегда будут страдать, «обслуживаясь» по остаточному принципу.

Одним из направлений укрепления конкурентной состязательности различных интересов (государства, личности, гражданского общества) и повышения уровня их защищённости является развитие административного правосудия, что способно воспрепят-

ствовать тенденциям «солидарного поглощения» интересов. Например, по мнению Ю. Старилова, это «означает [...] соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, законных интересов организаций и юридических лиц; [...] обоснование каждой меры и каждого административного акта, принимаемого публичной администрацией и её органами». Учёный считает, что «институт административного судопроизводства и судьи этих специализированных судов смогут полноценно искоренять коррупцию и «неэффективные» административные решения». В решениях административных судов «будет правая информация о том, как «нельзя» использовать лишь ради своих личных интересов административную власть». Неплохой набор инструментов для обеспечения эффективной реализации «негосударственных» интересов [9, с. 2–13].

По нашему мнению, «либерально-индивидуалистический подход к правопониманию (доминирующий в сегодняшней мировой теории и практике)» привлекает тем, что изначально нацелен на формирование достойных правовых инструментов выражения и защиты *индивидуальных* интересов. Появляется возможность активного внедрения *конкурентных* состязательных начал во взаимодействие различных интересов и их «согласие» на новых принципах, не позволяющих одним интересам (государственным) монополюльно подавлять другие (интересы личности, гражданского общества). В перспективе такая *совокупная масштабная заинтересованность* способна будет простимулировать наш «прорыв в светлое будущее».

⁴ Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 9 октября 2018 года.

В индивидуалистско-либеральном типе взаимоотношений человека с государством обнаруживается потенциал достойных правовых инструментов выражения и защиты *своих особенных* интересов. По мнению Е. Титова, для этого типа «характерна [...] ограничительная функция гражданского общества и ограничение государством направления распространения гражданской воли» [11, с. 69–82].

Просматривается возможность «согласования» интересов *на не вполне привычных* для нашей позитивистской обыденности принципах, когда гражданское общество и государство «на равных» *взаимно ограничивают друг друга*, не позволяя одним интересам доминировать над другими. Такой подход настойчиво ставит вопрос *о гарантированных сферах ответственности* для государства, гражданского общества и личности, в которые никто другой вмешиваться не вправе. Укрепление и достойная легализация таких сфер даст мощный импульс движению социума, поскольку заинтересованность в нём основных субъектов (личность, гражданское общество) возрастёт кратно, ведь каждый из них будет *надёжно ограждён этими сферами* реализации и поддержки собственных интересов. Но вместе с тем предполагается *и вся полнота ответственности* за их состояние.

«Идеалы правовой демократии» *сложно применимы* в конкретно-исторических условиях России [1, с. 124]. В. Зорькин предлагает *откорректировать* наработанный мировой опыт правопонимания, и, вероятно, сформировать некое своё «адекватное», «суверенное» правопонимание.

Известно, что ориентация на такое «суверенное право» может таить в себе

и некоторые риски. Например, по мнению Мордовцева А. и Агафоновой Т., «оценивать отечественную юридическую мысль только лишь в качестве простого отражения (копирования) государственно-тоталитарной реальности и связывать её исключительно с заказным оправданием или пустым созерцанием последней – значит выхлещивать суть вопроса, отказываться от довольно богатого и самобытного теоретического наследия отечественной правовой мысли, искусственно её примитивизировать. С другой стороны, весьма опасно упрямо подчёркивать чуть ли не мессианский характер российских правовых и политических доктрин, абсолютную «положительность их оригинальности» (особенно в контексте вечного поиска так называемого *особого пути России*), призывая, по сути, к фольклоризации юридической науки и практики...» [8, с. 17–22].

Отмечая правовую теорию, синтезирующую идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности, В. Зорькин высказывает мнение, что «такой подход к правопониманию в наибольшей степени соответствует ментальности российского народа, его правовому и нравственному сознанию»⁵.

Может и соответствует, но это ли требуется? Учёный отмечает правовой нигилизм российского народа, вспоминая Россию, как страну, где «очень слабая правовая культура, где отсутствует глубоко укоренённая правовая научная школа и не развита правовая мысль, где массовое уважение к закону не есть важнейшая черта нацио-

⁵ Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 9 октября 2018 года.

нального менталитета, где отсутствует развитое массовое правосознание и общество в целом, и даже почти вся интеллигенция равнодушны к проблемам права» [3, с. 59]. Такое «соответствие» очень удивляет. По нашему мнению, право *не должно соответствовать* ментальности российского народа, его правовому и нравственно-му сознанию. Оно *должно оставаться правом, быть заметным* именно потому, что *оно иное*, отличающееся. Только в таком качестве право и сможет стать эффективным *инструментом преобразования* нашей «трудной» действительности, реальным помощником на пути развития социума.

Конечно, можно приветствовать «идушую от раннего христианства идею ответственности каждого не только за себя, но и за других»⁶, которую надлежит внедрить в «наше право». Но, на фоне вопиющей безответственности и произвольности действий отдельных представителей административно-управленческого ресурса, откровенного цинизма некоторых из правящей элиты, становящихся всё более очевидными и даже дерзкими, призывать граждан к этой раннехристианской идее покажется несколько странным.

В. Зорькин демонстрирует «стремление согласовать в рамках понятия права разум и дух, свободу и милосердие, право и правду, индивидуальное и социальное начала». Он надеется, что «эти достижения русской философии права будут востребованы нашей юридической теорией и практикой. Это позволит нам освободиться от ошибочных представлений о солидаризме как об идеологии авторитарного типа,

и на новом уровне возродить в России солидаристское мировоззрение, которое всё ещё остаётся погребённым под обломками социализма»⁷.

Нам кажется, что это очередная попытка «впихнуть» в право всё, что «придёт на ум» и тем самым окончательно его похоронить. Такая «адекватность» конкретно-историческим условиям России просто нейтрализует (уничтожит) право, неминуемо сделав его «согласным» с этими условиями и не способным изменять их. Категория права лишь страдает и станет совершенно не эффективной, не работоспособной. *Неповоротливая громоздкость* права, набитого обозначенной выше начинкой, фактически лишит его качеств результативного инструмента регламентации. Отягощённость права стремлением *согласовать в рамках его понятия* разум и дух, свободу и милосердие, право и правду, индивидуальное и социальное начала и т. д., и т. п. воспрепятствует работе права как эффективного регулятора. Право «расщепится» по другим категориям (политика, мораль, нравственность и проч.), устранив как таковое, как *особенное и заметное явление*. Регулятивные свойства права способны эффективно проявить себя лишь тогда, когда *оно заметно, когда оно отличается от других явлений*, в отношении которых задействуются его регулирующие возможности, в определённой мере *противостоят им, конкурируют с ними*.

Надо помнить, что сфера действия права ограничена и ему *не рекомендуется вторгаться в другие*, отличные от него сферы жизнедеятельности обще-

⁶ Там же.

⁷ Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 9 октября 2018 года.

ства (политическая, экономическая, морально-нравственная), построенные на несколько иных принципах, подходах, скрепах. Эти сферы относительно свободны, самодостаточны и именно *присущими им инструментами* способны успешно реализовывать важные социальные функции по интеграции общественного организма.

В. Зорькин вынужден маневрировать между такими российскими явлениями, как «социальная поляризация, порождающая всё более массовое и болезненное ощущение несправедливого неравенства возможностей» и «пусть не едидушное, но явно преобладающее общественное согласие»⁸, пытаясь придать «диалектическую правдоподобность» своему повествованию. Однако концептуально-связно объяснить их как *позитивно работающее единство противоположностей* так и не может. Проблема учёного в том, что он постоянно уходит в «согласие», в «коллективизм», в «солидаризм», игнорируя ресурс «борьбы противоположностей». К сожалению, Зорькин не выдвигает никаких убедительных предложений по позитивному для перспектив развития социума *правовому оформлению* (= легализации) ресурса этой «борьбы» как *эффективного двигателя прогресса*.

Как с «проблемой роста социальной поляризации» совместить солидаризм права? Можно предположить, что учёный, увлекаясь солидаризмом, пытается доказать его *позитивные возможности* для решения этой проблемы. Какими *новыми инструментами* солидаризм, имплементированный в право, обогащает его, расширяет регулятивные возможности в направлении снижения поляризации и *ощущения несправедливости*?⁹ Объяснения этого у В. Зорькина не найти. Возможно, внешне «снизится накал страстей», но не путём *эффективного разрешения противоречий* через «борьбу противоположностей» с реальным удовлетворением *специфических интересов* сторон конфликта и повышению внимания к ним. Солидаристская идея *ответственности каждого не только за себя, но и за других* способна придать этим противоречиям и интересам формы, в которых они становятся «незаметными». Носители же этих интересов фактически утрачивают возможность «заметно» протестовать против нарушения их прав и свобод, игнорирования их интересов.

Статья поступила
в редакцию 07.03.2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев С. В. Идеалы правовой демократии и социальная реальность России: к вопросу соотношения // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика, право и управление. 2016. № 3. С. 122–129.
2. Залоило М. В., Черкашина-Шмидт О. В. Интегративное правопонимание: новый подход // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 143–147.
3. Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М.: Норма, Инфра-М, 2015. 320 с..
4. Корнев А. В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 29–43.

⁸ Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 9 октября 2018 года.

⁹ Там же.

5. Крусс В. И. Конституционное правопонимание и практико-ориентирующая состоятельность современной теории права // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 7–14.
6. Ливеровский А. А. О правопонимании в конституционной юстиции // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 7–9.
7. Лубский А. В. Государственность как матрица российской цивилизации [электронный ресурс] // Гуманитарный ежегодник. 2005. № 4. URL: <https://refdb.ru/look/1655569-pall.html> (дата обращения: 05.05.2019).
8. Мордовцев А. Ю., Агафонова Т. П., Правовой менталитет и особенности правопонимания в русском социокультурном пространстве // История государства и права. 2015. № 17. С. 17–22.
9. Стариков Ю. Н. Реализация конституционных гарантий и модернизация административно-правового регулирования // Административное право и процесс. 2013. № 6. С. 2–13.
10. Тимофеев Е. В. Конституционный суд РФ vs ЕСПЧ: в чём, собственно, проблема? [электронный ресурс] // Zakon.ru URL: https://zakon.ru/blog/2016/01/11/konstitucionnyj_sud_rf_vs_espch_v_chyom_sobstvenno_problema#comment_259866 (дата обращения: 05.05.2019).
11. Титова Е. В. К вопросу о конституционно-правовой концепции взаимодействия государства и человека // Lex Russica. 2018. № 11. С. 69–82.

REFERENCES

1. Vasilyev S. V. [Legal ideals of democracy and social reality of Russia: to the question of relationship]. In: *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika, pravo i upravlenie* [Bulletin of Pskov State University. Series: Economics, Law and Management.], 2016, no. 3, pp. 122–129.
2. Zaloilo M. V., Cherkashina-Shmidt O. V. [Integrative law: a new approach]. In: *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2014, no. 4, pp. 143–147.
3. Zorkin V. D. *Tsivilizatsiya prava i razvitie Rossii* [Civilization of Law and the Development of Russia]. Moscow, *Norma, Infra-M* Publ., 2015. 320 p.
4. Kornev A. V. [Interpretation of law in the context of different types of legal understanding]. In: *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 8, pp. 29–43.
5. Kruss V. I. [The constitutional understanding of law and practice-orienting viability of the modern theory of law]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2018, no. 11, pp. 7–14.
6. Liverovsky A. A. [On the understanding of law in constitutional justice]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2015, no. 6, pp. 7–9.
7. Lubsky A. V. [Statehood as a matrix of Russian civilization. In: *Gumanitarnyi ezhegodnik* [Humanitarian Yearbook], 2005, no. 4. Available at: <https://refdb.ru/look/1655569-pall.html> (accessed: 05.05.2019).
8. Mordovtsev A. Y., Agafonova T. P. [Legal mentality and peculiarities of legal consciousness in Russian socio-cultural space]. In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2015, no. 17, pp. 17–22.
9. Starikov Y. N. [The implementation of constitutional guarantees and modernization of administrative-legal regulation]. In: *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process], 2013, no. 6, pp. 2–13.

10. Timofeev E. V. [Constitutional court of the Russian Federation vs ECHR: what is the problem?]. In: *Zakon.ru*. Available at: https://zakon.ru/blog/2016/01/11/konstitucionnyj_sud_rf_vs_espch_v_chyom_sobstvenno_problema#comment_259866 (accessed: 05.05.2019).
11. Titova E. V. [To the issue of the legal concept of interaction between state and individual]. In: *Lex Russica*, 2018, no. 11, pp. 69–82.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильев Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета Псковского государственного университета;
e-mail: profi.60@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Vasilyev – Doctor of Law, professor, head of the Department of Constitutional and Administrative Law at the Faculty of Law, Pskov State University;
e-mail: profi.60@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Васильев С. В. К вопросу о понимании права в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 89–99.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-89-99

FOR CITATION

Vasilev S. V. Towards Law Understanding in Modern Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 3, pp. 89–99.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-89-99

УДК 351.74

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-100-115

ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ БЕЗОПАСНОГО ДЛЯ ГРАЖДАН ГОСУДАРСТВА

Зелинский Я.*Институт Социальных Наук и Безопасности Естественно-Гуманитарного
Университета в г. Седльце**08 110, г. Сельдц, Конарского ул., д. 2, Польша*

Аннотация. В своём исследовании автор поставил цель определить, каким должно быть безопасное государство с позиции современной теории права. В работе использованы методы компаративистики, теоретического моделирования и анализа. Новизной исследования стала разработка авторского подхода к пониманию признаков безопасного государства: безопасным является такое государство, которое строится на принципе транспарентности, реализация которого даст всем жителям гарантированное ощущение стабильности сиюминутного бытия, а также уверенность в собственном развитии. Говоря о государстве, автор опирается на определение, приведённое в Конвенции о правах и обязанностях государств, из которого следует, что государство – это территория, население и эффективная власть. Говоря о детерминантах, влияющих на безопасность государства, затрагиваются факторы нормативного характера, связанные с государственным устройством, служебной фикцией государства, принуждением к соблюдению права и судебной властью. Автор делает вывод, что проблема кроется не только в нарушении права, но также в самой сущности права, являющейся основанием политического устройства и формой его применения со стороны правящих элит. Использование (применение) права зависит от политических интересов партий, представленных в парламенте, которые туда попадают по результатам голосования на выборах, что связано с гражданской активностью населения и его участием в политических процессах в стране.

Ключевые слова: безопасность государства, гражданин, политическая партия, устройство, избирательная система, судебная система

FACTORS CAUSING THE EXISTENCE OF A SAFE STATE

Y. Zieliński*Institute of Social Sciences and Security of Siedlce University of Natural Sciences and Humanities**2, Konarskiego st., Siedlce, 08110, Poland*

Abstract. In his research, the author sets the goal to determine what a safe state should be from the perspective of the modern theory of law. The research methodology includes methods of comparative studies, theoretical modeling and analysis. The novelty of the study lies in the development of the author's approach to understanding the signs of a safe state. A safe state is a state built on the principle of transparency, the implementation of which will give all residents

a guaranteed sense of current stability, as well as confidence in their own development. The author's idea of the state is based on the definition given in the Convention on the Rights and Obligations of States, from which it follows that the state is a territory, population and effective power. The security of the state is determined by some regulatory factors related to the state structure, official fiction of the state, law enforcement and judiciary power. The author concludes that the problem lies not only in violation of law, but also in the very essence of law, which is the basis of the political system and the form of its application by the ruling elites. The use (application) of law depends on the political interests of parliamentary parties elected by popular vote, which by itself is a sign of people's participation in political processes of the country.

Keywords: safety of the state, citizen, political party, structure, electoral system, judicial system

Введение

Определение понятия «безопасность» – сложный вопрос, заслуживающий самостоятельного анализа, который выходит за пределы данной статьи. Для целей настоящей работы необходимо ограничиться лишь понятием «безопасность государства», т. е. государства, которое организовано надлежащим и транспарентным образом, где всем гарантируется стабильность сиюминутной сохранности, а также уверенности в собственном развитии. Говоря о государстве, возьмём за основу определение, содержащееся в Конвенции о правах и обязанностях государств, принятой по итогам VII Международной Конференции Американских Государств в Монтевидео (26 декабря 1933 г.), где сказано, что государство – это территория, населения и эффективное правительство¹. Это даёт нам основание утверждать, что надлежащая организация и транспарентность должны включать в себя, во-первых, обеспечение в широком смысле слова

внешней безопасности, т. е. не только нерушимости границ и территории, но также действий, оказывающих влияние на укрепление международной позиции государства на международной арене, как с политической, так и экономической точки зрения. Во-вторых, обеспечение ощущения безопасности для жизни и развития общества (лиц, проживающих на территории данного государства). В-третьих, действий, направленных на укрепление общественного доверия и приобретения наибольшей легитимизации государственной власти, без которых невозможно конструирование определённым образом отношений в обществе, а также управление структурами, на которых возлагается ответственность за данную деятельность.

Нормативные факторы

Единственным инструментом регулирования общественных отношений, которым располагает государство, является право и содержащиеся в нём дозволения, запреты, обязательства, исключения и т. д. Безусловным достижением современной демократии является принцип всеобщности опубликованных актов, а также вседозволенности действий граждан в

¹ Montevideo Convention on the Rights and Duties of States, December 26, 1933, VII International Conference of American States // OAS [сайт]. URL: www.oas.org (дата обращения: 05.12.2017).

установленных законом пределах при одновременном ограничении компетенций государственных органов за счёт прямого определения их функций нормами права. В результате право приобретает негативный характер, в том смысле, что содержит лишь описание надлежащего поведения (обязательства), а также каталог недопустимых действий (запреты). Итак, мы подходим в извечной дилемме: на сколько в данных вопросах право должно быть конкретным, а до какой степени общим. Каждый вариант обладает как преимуществами, так и недостатками. В пользу первого можно привести аргумент, что нет возможности предвидеть всех возможных ситуаций, которые могут иметь место в процессе формирования общественных отношений. На законодательном уровне следовало бы лишь урегулировать направления желаемой организации функционирования определённой сферы государства, в то время как конкретизировать правовые положения должны были бы акты более низких уровней. При этом должна существовать возможность действия по усмотрению в индивидуальных случаях. Всё это позволило бы обеспечить реализацию постулата о транспарентности права. Одновременно данное состояние можно считать аргументом, доказывающим отсутствие транспарентности в силу не слишком высокой степени неопределённости, как следствия свободы издавать исполнительные акты, которые значительно проще изменить по сравнению с законами. Отсюда следствие – стремление к максимизации точности желаемого поведения.

Каждый групповой и индивидуальный субъект, осознавая, что именно в

конкретной ситуации от него ожидает государство, а также на какую поддержку он может рассчитывать, будет чувствовать себя в безопасности, обладая уверенностью бытия и развития. Однако это приводит также к особенно негативным последствиям в сфере безопасности личности. При данном подходе отсутствует возможность решения индивидуальных проблем, которые могли иметь место в реальности, но не были описаны в праве, а значит – фактически не существуют. И тогда возникает извечный вопрос рационального определения границ между определённой и абстрактностью права, т. к. право должно обеспечивать государству эффективное регулирование общественных отношений, с одной стороны, и стабилизировать и нести уверенность людям, защищая их от усмотрения решений исполнительных структур государства, с другой стороны. Данный вопрос является настолько значимым, что его нормативное решение не является данным раз и навсегда. Право – это результат консенсуса, достигнутый между политическими фракциями в парламенте. Смена большинства (или интересов данного большинства) ведёт к созданию новых нормативных решений со всеми вытекающими последствиями для их адресатов.

Прагматика польского законодательства указывает на выбор в пользу модели определённости права, что ведёт к увеличению динамики его изменений. Так в законодательном вестнике (пол. «Dziennik Ustaw») за 2014 г. присутствует 1995 позиций, за 2015 г. (год парламентских выборов) – 2372 позиции, за 2016 г. – 2306 позиций, за 2017 г. – 2509 позиций, а до января

2018 г. – 356 позиций². Это акты различной юридической силы, как и документы, вносящие изменения в действующие законодательство. Часть из них является результатом исправления ошибок, совершённых из-за чрезмерно быстрого рассмотрения вопросов.

Основной угрозой для безопасности государства является устанавливаемое им право. Интересы всего государства не всегда должны (и чаще всего именно так и случается) совпадать с интересами власти в данном государстве. Во-первых, мы говорим о стабильности и безопасности существования и развития. Уверенность в завтрашнем дне невозможна без обеспечения стабильности правового положения индивидуальных и коллективных субъектов, т. к. именно от них зависят основы общественной, экономической и политической жизни. Уверенность формирует субъективное чувство безопасности индивида, и тем самым обеспечивает легитимизацию власти, а, следовательно, влияет на безопасность государства. Во-вторых, речь идёт о максимизации контроля за общественными процессами, которые протекают в государстве и влияют на комфорт управления. Это ведёт к разным подходам в понимании роли государства. Роль государства может сводиться к обслуживанию интересов граждан, но может быть представлена в качестве инструмента управления одних над другими: «обе перспективы демонстрируют, с противоположенных точек зрения, приверженность концепции всеприсутствия или же субсидиарности государства» [9, с. 35–36].

² Ostatnio opublikowane akty prawne [Электронный ресурс] // Dziennik Ustaw [сайт]. URL: www.dziennikustaw.gov.pl (дата обращения: 10.02.2018).

Любая власть вносит определённые изменения в жизнь государства и её жителей. В этом и заключается сущность эволюции. Поэтому был разработан институт выборов, которые проходят с определённой периодичностью. Вопрос, однако, в том, совершенствуют ли данные изменения *status quo*, или же они ведут к радикальному вмешательству в общественные отношения и мотивированы ли они партийным интересом власти, который выдаётся за обеспечение общественного интереса.

Влияние устройства

Доминирующей моделью в Европе на сегодняшний день остаётся демократическое государство, которое функционирует, опираясь на право. Однако каждый раз возникает вопрос критериев демократичности государства, или, если взглянуть шире, чем является демократия. Ответ должен быть многогранным.

Можно исходить из формально-правового (институционального) подхода и попытаться дать определение демократии (демократического государства), основываясь на существовании определённых способов и структур, позволяющих суверену выражать свою волю и реализовать её. Тем не менее данный подход представляется трудно применимым. Указание на факт периодичности созывов парламента, который считается проявлением воли суверена, сформированный по результатам свободных выборов, которые проходят в соответствии с процедурой, определённой правовыми нормами, значительно не меняет ситуации. Данный институт функционирует как в государствах, повсеместно призна-

ваемых демократическими, как и тех, демократический характер которых (в европейском понимании) вызывает определённые сомнения. Вопрос в том, каким именно образом сконструирован избирательный кодекс.

В Польше вопросы избирательного права до 1989 г. регулировал «Закон о выборах в Сейм Польской Народной Республики и национальных советов» от 17.01.1976 г.³. Данный закон строился на принципах всеобщности, равенства, прямых выборов и сохранности тайны содержания отданного голоса, а, следовательно, по своему формальному устройству ничем не отличался от действующего в настоящее время закона. Тем не менее выборы в ту пору следует считать формальностью, где единогласно соглашались со сделанным выбором. Бюллетень считался действительным даже в случае отсутствия каких-либо действий с ним со стороны избирателя, т. е. без вычёркивания нежелательных лиц. Количество кандидатов соответствовало числу округов, которые предполагалось заместить. Вычёркивание кого-либо из предложенного списка ни на что не влияло. Такую ситуацию следует считать нарушением требований демократических выборов. Однако точно такое же обвинение можно предъявить избирательному закону Великобритании (государству, где существование демократии не вызывает каких-либо сомнений), где не предусмотрен минимальный порог явки, необходимый для признания выборов действительными. Бывали случаи, что партия, за которую

проголосовало меньшинство избирателей, смогла занять доминирующую позицию в Палате Представителей [3].

Следует помнить, что принцип избираемости парламента и наделения его полномочиями высшего законодательного органа вступает в противоречие с суверенитетом народа. Народ, выступая источником власти (сувереном), в процессе избрания представителей, которые будут принимать властные действия от его имени, фактически теряет власть. Он вынужден подчиняться праву, установленному собственными представителями, будучи лишённым возможности их досрочного отзыва (в европейских странах доминирует т. н. свободный мандат). До настоящего времени основополагающей процедурой для получения места в парламенте остаётся внесение кандидата в партийный список, что означает приверженность партийным интересам (лидера партии). Распространённым стало утверждение, что правление партии (party government) – синоним репрезентативной демократии, а формирование новой партийной системы требует проведения очередных выборов [4; 10]. Произошла трансформация понятия «независимый депутат». Первоначально этим термином обозначался человек, незаурядная, сильная личность, обладающая общественным авторитетом, обладающий собственным мнением и тем самым независимый от групповых интересов. В настоящий момент всё чаще «независимость» сводится к недовольству и «ссоры с кем-то». Иначе говоря, депутат после прохождения в парламент и не получив ожидаемой позиции (когда не было учтено его мнение по опре-

³ Ustawa z dnia 17 stycznia 1976 – Ordynacja wyborcza do Sejmu Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej i rad narodowych, Dz.U. z 1976 r., nr 2, poz. 15.

делённому вопросу) в знак протеста выходит из партии и провозглашает собственную независимость (зачастую это происходит в период, предшествующем очередным выборам). Рыночные механизмы просачиваются в политику, что делает из политика товар, а избирателей – покупателем. Разрыв связей с предыдущим агентом-промоутером (партией) становится привлекательным ходом предвыборной гонки – вначале был «против», но повёл себя достойно. Декларация независимости – это ничто иное, как выставление лота на аукцион: кто предложит больше, тот и получит кандидата. Это возможно в ситуации видимой эволюции характера политической партии. Всё чаще нам приходится иметь дело с безыдейными партиями. Если рассматривать казус Польши, лишь две партии проявляют программную стабильность: «Польская крестьянская партия» и «Союз левых демократов». В случае с остальными партиями приходится констатировать наличие лишь т. н. устойчивого (твёрдого) электората. К их числу следует отнести «Право и справедливость», которая всегда может рассчитывать на поддержку лиц с начальным образованием, религиозных, проживающих в убогих регионах страны, пожилых людей. Похожая ситуация и с партией «Гражданская платформа», которая поддерживается интеллигенцией больших городов.

В результате доминируют два вида партий. Во-первых, это организации типа «catch-all», т. е. группировки профессиональных избирателей, у которых нет собственного стабильного электората и которые незадолго до очередных выборов начинают агрессивную агитацию, привлекая на свою

сторону посредством переключения внимания на насущные темы, о которых много говорится, но не является прямым интересом электората [10, с. 138]. Как следствие они становятся «товаром на продажу»: готовы на всё, что электорат в данный момент хочет услышать. Во-вторых, лидирующие и корпоративные партии, т. е. созданные ради удовлетворения персонального интереса конкретного политика (ради депутатского кресла), и в основе действий которых лежат неформальные партийные договорённости, которые должны им гарантировать стабильное влияние на осуществление власти.

Вернёмся к вопросу правления партий, которые до сего дня остаются основной структурой перевода общественного интереса в категории политических решений. Этого можно добиться двумя способами: методом популистских решений, обеспечивающих партии популярность, отвлекая одновременно внимание от действий, обеспечивающих свободу государственного управления, или же методом принятия непопулярных общественных решений, необходимых для реализации государственного интереса (общества). Речь де-факто идёт о действиях, которые не приносят сиюминутной выгоды партии, однако их принятие необходимо для обеспечения всеобщего блага в долгосрочной перспективе. В рамках практики функционирования политической сцены формируется фальшивая попытка выбора между партийным интересом (находиться у власти) и общим благом (развитием страны). Надлежащая же оценка политики правящих кругов требует наличия определённой политической культуры у

электората и готовности (желания, возможности) спросить с партии по её предвыборным обещаниям. Факт, что партия не сумела выработать программы развития страны, оперируя лишь каталогом привлекательных для общественности мероприятий, не имеет большего значения, пока данная партия не окажется у власти (в составе правящей коалиции). Возникает дилемма между действиями, необходимыми для получения власти, её осуществления и удержания. Различия могут быть существенными. С точки зрения безопасности государства, доминирование партийного интереса приводит к отсутствию общественного доверия к партии, а её роль в формировании состава государственных структур – к отсутствию доверия по отношению к государственной власти и государству как таковому. Это делегитимизирует силу власти, ослабляя общественное чувство безопасности. Дезориентированные избиратели всё чаще делают свой выбор в пользу ещё более дезориентированных представителей, которые лишь после того, как будут избраны на соответствующие посты, начнут учиться тому, что уже давно должны были знать.

Иначе обстоит ситуация в случае с муниципальными выборами. Самоуправление – это решение локальных вопросов локальным сообществом. И именно таким образом оно определяется в законах о местном самоуправлении, соответствуя всем трём уровням территориального деления Польши – воеводств (*województwo*), повятов (*powiat*) и гмин (*gmina*)⁴.

Поскольку существует необходимость решения локальных вопросов для нужд местного сообщества, это исключает возможность проявить партийный интерес. Местное самоуправление не является самостоятельной ветвью власти, параллельной государственной власти. Государство (в лице парламента) приняло решение, что часть государственных задач эффективнее можно решить посредством их передачи в ведение представителей местных сообществ, наделяя их определёнными компетенциями [2; 5]. Ключевым вопросом одновременно является не столько передача функций и определённого объёма полномочий, а законодательное урегулирование компетенций и основ финансового обеспечения. Местное самоуправление представляет собой элемент структуры исполнительной власти, и объём его функций (с акцентом на компетенции) зависит от равновесия политических сил (их интересов) в парламенте в данный момент времени.

При этом необходимо помнить о системе распределения мандатов в процессе назначения представителей суверена. В случае мажоритарной системы ситуация понятна. Победитель получает всё, а электорат знает, что победитель будет реализовать собственную программу (интерес) арбитральным образом. Избиратель, голосуя на определённого кандидата, осознаёт, как будет строиться государственная политика, и одновременно приобретает основание для того, чтобы спросить с избранной группировки (кандидата)

⁴ Ustawa o samorządzie gminnym z 8 III 1990 r., tj. DzU 2016, 446 ze zm., Ustawa o samorządzie

powiatowym z 5 VI 1998 r., tj. DzU 2017, 1868 ze zm.; ustawa o samorządzie województwa z 5 VI 1998 r., tj. DzU 2015, 1392 ze zm.

за принятые политические обязательства. Проблема возникает в случае использования пропорциональной системы распределения мандатов, которая, по идее, должна обеспечить представительством в парламенте как можно большего количества различных групп интересов, а значит охватить как можно большую часть общества.

Пропорциональная система распределения мандатов по общему правилу связана с необходимостью формирования коалиционной системы правления. Это же приводит к возникновению торгов в рамках партийных интересов. Иначе говоря, избиратель отдаёт голос за партию, но не имеет представления, какую политику будет реализовать власть, потому как не знает какая коалиция будет создана. В качестве примера можно привести Германию [3, с. 95], где перед выборами необходимо назвать потенциальных членов коалиции, однако, это скорее исключение из общего правила функционирования правовой и политической системы. В остальных случаях приходится обращаться к доктринальным рассуждениям и политической культуре политической и общественной элиты. Хотя это имеет лишь второстепенное значение. Неизвестно, что именно в рамках отдельных партий признано ключевым приоритетом. Иначе говоря, создание коалиции требует достижения определённого консенсуса, в рамках которого аргументом для переговоров становятся посты и учреждения. Это, в свою очередь, ведёт к тому, что ведомства приобретают партийный характер, а право – партийно-ведомственный. Хотя парламент и принимает законы, проекты нормативных решений гото-

вятся администрацией, которая строится на партийном фундаменте.

Стремясь дать определение демократии можно обратиться к утверждению, что демократия – это правления всех. Однако на сегодняшний день это лишь утопия. Трудно себе представить, чтобы сегодня – по образцу греческого полиса – решения принимались всеми, обладающими правом голоса, на общем собрании. Стоило бы вступить в дискуссию с Аристотелем по поводу сущности современной демократии, и, вероятно, он пришёл бы к выводу, что существующая ныне практика нисколько не напоминает то, о чём он говорил. Хотя факт, что до сих пор человечество не отказалось от института референдума, который, однако, является сегодня лишь вспомогательным механизмом представительной демократии. Референдум (народное голосование) является без сомнения высшей формой выражения воля политически субъективизированного общества. Также остаётся фактом то, что референдум может быть использован для реализации полностью противоположенных целей по сравнению с теми, которые сопутствовали его внедрению в процесс принятия решений в государстве, например: узнать мнение электората по тому или иному вопросу, поиск поддержки для политической позиции правящей группировки или снятие с себя ответственности за принятие окончательного решения. В качестве примера стоит привести референдум в Белоруссии (24 ноября 1996 г.), когда суверен должен был дать ответ на семь вопросов, среди которых: «Принять Конституцию Республики Беларусь 1994 г. с изменениями и дополнениями (новая редакция Конституции

Республики Беларусь), предложенным Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко», а также «Принять Конституцию Республики Беларусь 1994 г. с изменениями и дополнениями, предложенными депутатами фракций коммунистов и аграриев» [12]. В той ситуации референдум был направлен не на то, чтобы узнать мнение народа, а на проведения плебисцита – кому народ окажет поддержку: Верховному Совету или президенту. Другой пример – Норвегия, граждане которой двукратно отрицательно отвечали на вопрос о членстве страны в Европейском Союзе. Вопрос, однако, касался не вступления в ЕС, а формы принятия решения, к которой обратились власти. Мы (граждане), цитируя результаты социологических исследований, не готовы решать столь значимые вопросы. Для этого мы выбираем профессиональных парламентариев, которые и должны нести ответственность за последствия принимаемых решений [13].

Третий путь поиска определения демократии может сводиться к утверждению, что это действие во благо (в интересе) всех. При таком подходе, тем не менее, также возникает три дилеммы. Во-первых, возникает вопрос, что подразумевается под общим благом (интересом). Идёт ли здесь речь о реализации интереса большинства, которое поддержало победившее объединение, или же мы говорим о реализации интересов всего общества доминирующей политической группой. Вопрос важен настолько, что звучит привлекательно для прессы: будем ли мы реализовать предвыборную программу в интересах всего общества (государства) или же ради частных

интересов нашей партии (наших избирателей). Во-вторых, является ли победа на парламентских выборах отражением общественной поддержки и выражением общественного интереса. Например, на польских выборах в парламент в 2015 г. победу одержал избирательный комитет «Право и Справедливость», получивший поддержку 37,58%⁵, благодаря чему, даже в условиях пропорциональной системы распределения мандатов, это позволило партии самостоятельно реализовать всю полноту власти. Но сравнительно редко мы обращаем внимание на то, какой процент избирателей принял участие в выборах. В конкретном случае он составлял 50,92% от имеющих право голоса, а значит партия, получившая право самостоятельного осуществления власти, представляет интересы всего 18,6% избирателей⁶. В-третьих, поскольку мы определяем демократию посредством обращения к категории реализации общего интереса, необходимо учитывать, что содержание зависит от культуры, истории, уровня благосостояния, политической практики, геополитических возможностей государства и т. д. Тем самым отсутствуют основания утверждать, что существует единый общий демократический общественный интерес. Раз так, то невозможно говорить о единообразной модели демократии, или иначе – всегда где-то есть какая

⁵ Panswowa Komisja Wyborcza [сайт]. URL: www.pkw.gov.pl (дата обращения: 11.02.2018).

⁶ Obwieszczenie Państwowej Komisji Wyborczej z dnia 27.10.2015 r. o wynikach wyborów do Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej przeprowadzonych w dniu 25 X 2015 r., DzU 2015, 1731.

демократия. Тем не менее, как отмечал Сантори, демократия не может являться чем угодно [9, с. 9].

Право, без которого ни одна власть не могла бы регулировать общественные отношения, придаёт определённую форму государственному устройству. Его институты не всегда применяются ради тех целей, для которых они были созданы. Совпадение их наличия и названий не может являться основанием, чтобы на основе их присутствия делать вывод о наличии демократической системы. Ключевой вопрос – действуют ли они с целью реализации общего блага, а следовательно, способствуют ли формированию чувства безопасности среди его граждан. Это в свою очередь не обусловлено нормативными и институциональными решениями, а лишь практикой функционирования системы.

Факторы, связанные со служебной функцией государства

Государство, по сути, является организацией, структуры которой направлены на удовлетворение общественных потребностей. Особая роль в данном вопросе отводится исполнительной власти. Администрация является той частью структур государственных органов, которая объединяет реализацию государственного интереса с удовлетворением интересов граждан. Когда речь заходит о функционировании администрации, мы указываем на десять основных принципов:

- 1) принцип ограничения администрации правом;
- 2) принцип управления;
- 3) принцип координации;
- 4) принцип коллегиальности;
- 5) принцип единоличного принятия решения;

6) принцип направленности деятельности и компетенций органа;

7) принцип децентрализации;

8) принцип надзора;

9) принцип контроля;

10) принцип ответственности [11, с. 49].

Особо пристального внимания в контексте рассматриваемой проблемы заслуживают четыре момента. Во-первых, администрация действует от имени государства, и в этой системе она обезличивается. Во-вторых, она действует во исполнение права (отвечает за претворение в жизнь правового регулирования), а также в границах права (т. е. в пределах установленных компетенций). В-третьих, она построена иерархически, а в-четвёртых, она должна быть аполитична в своих действиях.

Администрация представляет собой структуру непосредственного соприкосновения гражданина с государством. Как говорил профессор Януш Лентовски (Janusz Łętowski): можно к ней хорошо относиться или наоборот, но это не имеет никакого значения, потому что мы всецело зависим от неё начиная от момента фиксации акта рождения и заканчивая фиксацией акта смерти, документов, обладающих административным характером (цитата по памяти). Администрация обладает правом принятия решений, формирующих правовые нормы и модифицирующих общественные поведения, а также правом применения средств принуждения во имя придания обязательного характера процессу реализации государственных приоритетов [8, с. 35]. Тем самым ей отводится особая роль в процессе формирования субъективного чувства безопас-

ности среди граждан. По определению администрация должна действовать во исполнение права и в границах права. Это можно свести к утверждению, что право определяет предел деятельности администрации, а она, издавая решения, должна обладать правовым основанием в виде общеобязательных актов. Однако нужно иметь в виду, что лишь некоторые нормы законодательных актов могут применяться непосредственно. Большинство же требует принятия исполнительных актов – распоряжений. Дело в том, что закон обладает ведомственно-партийным характером, а распоряжения издаются партийными учреждениями. Не редки случаи, когда закон предусматривает принятие нескольких административных актов низшего уровня несколькими ведомствами, как и то, что конкретные вопросы находят нормативное отражение в нескольких документах, что означает необходимость издания нескольких распоряжений. Последние периодически противоречат друг другу, потому как различные ведомства придерживаются разных партийных интересов. Чиновник в администрации, который должен воздерживаться от проявления политических симпатий, выступая в роли т. н. «системной памяти» (правительства меняются, а администрация остаётся), вне зависимости от собственного желания, приобретает политический окрас. В контактах с гражданином (в процессе удовлетворения от имени государства его потребностей) ему приходится делать выбор в пользу тех или иных нормативных решений, которые должны применяться в рассматриваемом деле. Администрация, тем не менее, является иерархически выстро-

енной структурой, а, следовательно, в случае сомнений решение о применении конкретной нормы, как и в случае с интерпретацией её содержания, всецело зависит от ячейки более высокого уровня. В руководстве административной структуры рано или поздно окажется человек, который был поставлен на данную должность по воле политического лидера. Этот человек будет интерпретировать право (посредством внутренних актов, с которыми гражданин не знаком, но обязательных для работников администрации) с учётом партийного интереса. Наглядным примером данного утверждения является высказывание Гая Питерса (Guy Peters): «то, что нам кажется должно считаться администрированием, держится в основном на политике, а лица, принимающие административные решения, руководствуются политическими соображениями» [7, с. 19]. В этот момент мы приближаемся к опасной ситуации, когда государство прекращает функционировать, основываясь на праве, и начинает действовать, руководствуясь политической интерпретацией права. Это представляет собой угрозу для чувства безопасности граждан, которые, обладая конституционной гарантией обязательности лишь опубликованных правовых актов, не могут быть уверенными, каким образом в определённой ситуации данные нормы будут интерпретированы. Можно привести множество примеров, когда административные структуры разных городов одинаковый вопрос решали по-разному.

Наделение административных действий партийными чертами выражается в двух связанных между собой проявлениях: применение права и

кадровая политика. В Польше, как и многих других странах, каждый раз после парламентских выборов происходит смена руководства большинства административных учреждений. В соответствии со ст. 162 Конституции Польской Республики на первом заседании новоизбранного состава Сейма Председатель Совета Министров подаёт в отставку всего Совет Министров, а Президент поручает дальнейшую реализацию его функций до момента учреждения нового Совета Министров⁷. Ключевым вопросом остаётся масштаб кадровых перестановок и время введения изменений. То, что вслед за министерскими постами наступает замещение должностей заместителей министров, руководителей центральных органов правительственной администрации, территориальных представителей правительства (воеводы), в руководстве юридических лиц, находящихся в ведении государственной казны, и т. д. можно ожидать, но перестановки на ещё низших административных должностях, вызванные партийными интересами, могут привести к негативным последствиям [1, с. 288]. Во-первых, на сегодняшний день в Польше отсутствует партия со столь развитым кадровым резервом, который позволял бы по первому требованию найти кандидатов на определённые должности. Приходится обращаться к т. н. «парашютистам» – лицам, никак не связанным с данной сферой функционирования государства или с данным регионом, но доказавших свою партийную преданность.

Если говорить о руководстве конкретным учреждением, такие действия ещё можно признать обоснованными, однако, когда речь заходит уже о замещении должностей на уровне региона – возникают сомнения. Например, министром здравоохранения совсем не обязательно должен быть врач. Задача министра в соответствии со ст. 149 Конституции РП – управление сферой правительственной администрации. Следовательно, он должен обладать качествами, необходимыми для управления ведомством, тогда как разбираться в вопросах должны его заместители. Иначе ситуация выглядит в случае назначения на должность центральных представителей в регионе. Во-первых, чтобы эффективно управлять регионом, необходимо знать особенности местности. Во-вторых, необходимо обладать легитимизацией власти, что подразумевает поддержку локального электората. Таким образом, мы подошли к области, описанной Л. Петером, – пределу некомпетентности [6]. Его описание сводится к утверждению, что в иерархически выстроенных структурах каждый сотрудник по собственной воле, стремясь к повышению, рано и поздно достигнет пределов собственной некомпетентности. Иначе говоря, сотрудник является идеальным специалистом и стремится к повышению, получает должность старшего специалиста и продолжает очень хорошо работать, за счёт чего получает должность главного специалиста, и оказывается, что он не готов к замещению данной должности. Такой сотрудник выходит за пределы границы собственной компетенции, которая завершилась на уровне старшего специалиста. Повышение за счёт пар-

⁷ Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r, DzU z 1997 r, nr 78, poz. 483, ze zm.

тийной принадлежности не единожды ускоряла данный процесс. Лица, не обладающие необходимыми качествами, замещают руководящие должности, и только потом учатся тому, что они давно обязаны были знать. Они наделены, и это основная угроза для безопасности, властными полномочиями в отношении лиц, которые непосредственно взаимодействуют с населением и решают вопросы, представляющие для них рутину, однако судьба отдельного гражданина может зависеть от них. Придача партийного характера администрации, что способствует достижению предела некомпетентности, влияет на доверие к власти, определённых ею же правил игры, а, следовательно, и государства, от имени которого она действует. Отсутствие чувства безопасности у граждан означает отсутствие безопасности государства. Власть, которой мы не доверяем, не может рассчитывать на поддержку в ситуации угрозы.

Факторы, связанные с принуждением к соблюдению права и судом

Субъекты государства должны ощущать защиту со стороны его институтов в случае нарушения их прав и свобод. Речь здесь не об эффективности служб охраны общественного порядка, а прежде всего об органах юстиции, о функционировании судов и трибуналов. Можно пренебречь дискуссией должны ли суды работать быстро (с учётом статистики и оперативного удовлетворения общественного интереса), или же акцент должен быть сделан на справедливость, а для определения может потребоваться время.

Рассмотрим несколько польских примеров. Последние реформы орга-

нов юстиции сдвигают акцент в сторону популистически понимаемой оперативности действий, сурового наказания во имя общественной справедливости и, возможно, комфорта управления государством. Возврат к объединению функций министра юстиции и генерального прокурора вызывает определённые сомнения. В период, когда данные должности существовали отдельно, прокуратура не всегда предпринимала эффективные действия. Однако это скорее претензия, в первую очередь, к исполнению возложенных на неё задач и наделённых компетенций, а не к системному решению. Куда больше сомнений вызывают полномочия министра юстиции и генерального прокурора по ряду действий. В результате объединения компетенций данных должностей, замещающий пост министра обладает правом непосредственного руководства работой прокуратуры, в том числе благодаря возможности издания распоряжений, указаний и инструкций. Он также получает полномочия управления, передачи и ведения на уровне Государственной Прокуратуры следствий, с т. н. значительным доказательственным материалом, а также сложных по фактической или правовой части дел⁸. Кроме того, Министр Юстиции в течение полуторагодового периода (с момента вступления закона в силу) уполномочен отозвать председателей (и заместителей председателей) судов общей юрисдикции без обоснования своего действия, как и назначения на освободившиеся ме-

⁸ Юридическая фирма [сайт]. URL: www.prawnicafirma.pl (дата обращения: 11.03.2018).

ста новых. Председатель (заместитель председателя) суда может быть также отозван в течение своего срока в виду неопределённой «упорной» невозможности справляться со своими служебными обязанностями, а также неопределённой особенно низкой эффективностью действий в рамках осуществляемого административного надзора или организации работы в суде или судах низшего уровня. По-другому говоря, судья может быть отозван со своей должности в любой момент. Отзыв с должности председателя должен быть снабжён характеристикой Государственного Совета Судей, которая не является обязательной для министра, разве что несогласие выразит 2/3 его членов. Несложная арифметика подсказывает, что среди 25 членов совета (если говорить о положениях ныне действующего закона) правящая партия будет по своему усмотрению назначать 6 представителей (послов и сенаторов), министра юстиции, представителя президента и 15 судей, избираемых Сеймом, в котором правящая партия (и аффилированный с нею министр юстиции) также обладает большинством, трудно говорить о каком-то значимом несогласии. Кроме того, министр уполномочен решать вопрос об оставлении в должности судей, достигших пенсионного возраста, предусмотренный законом. Таким образом, орган исполнительной власти (на основании решения партии) будет принимать решения, кто именно будет осуществлять судебную власть. Данная правовая конструкция также вызывает сомнения в контексте понимания ст. 180 ч. 1 Конституции РП, в соответствии с которой судьи несменяемы. Лишение судьи должности, времен-

ное приостановление статуса, перевод в другой суд (или на другую должность) может осуществляться лишь на основании судебного решения и лишь в случаях, предусмотренных законом. Это подтверждается решением Конституционного Трибунала по делу К 3/98⁹, где указано, что недопустимо издание согласия на продление срока полномочий судьи органом исполнительной власти, т. е. органом, находящимся вне организационной системы судебной власти, которая выделена в качестве самостоятельной структуры в рамках реализации конституционного принципа разделения власти на три ветви. Более пристального внимания заслуживает также факт популистичного по своему внешнему выражению случайного распределения дел отдельным судьям. Каких именно категорий дел должно это коснуться решит министр юстиции своим решением. При такой взаимозависимости судей и министра юстиции могут иметь место случаи манипулирования личным составом судей¹⁰.

Без сомнений, с точки зрения правящей группировки, возможность оказывать влияние на работу всех столпов власти представляется крайне желательной ситуацией. Взаимосвязь между законодательной и исполнительной ветвями власти является очевидной, в особенности в условиях парламентской-кабинетной системы правления, т. е. в ситуации, когда правительство формируется парламентом. Получение контроля над судебной властью, одна-

⁹ Trybunal Konstytucyjny [сайт]. URL: www.trybunal.gov.pl (дата обращения: 11.03.2018).

¹⁰ Rzecznik Praw Obywatelskich [сайт]. URL: www.rpo.gov.pl (дата обращения: 11.03.2018).

ко, вызывает вопрос о цели деятельности власти и её стремлении обеспечить безопасность государства. Может ли гражданин, выступая стороной тяжбы с участием администрации, чувствовать себя в безопасности (ожидать справедливого решения суда), осознавая, что рассматривающий дело судейский состав состоит из лиц, судьба которых зависит от министра юстиции, который назначен на должность партийным волеизъявлением. В систему правосудия в настоящий момент вернулся механизм, известный по временам социализма, – сомнения отягощают обвиняемого. Если ранее считалось, что при невыясненных до конца обстоятельств (т. е. существуют обоснованные сомнения) не следует применять наказания в максимальном объеме, то в настоящий момент, поскольку министр имеет право потребовать повторного рассмотрения дела, суды, в целях защиты собственных интересов и очищения от подозрений в связях с подсудимым (группой инте-

ресов), будут применять максимально допустимые законом наказания.

Выводы

Говоря о безопасном государстве, мы обращаем внимание на функционирование правоохранительных органов. Такой подход демонстрирует уровень нашей политической субъективизации, восприятия окружающей нас действительности и анализа собственного положения. Проблема кроется в нарушении права, и в том, что само право является основой существующей политической системы и способом его применения со стороны правящих кругов. Использование (применение) права зависит от политических интересов партий, которые представлены в парламенте, а их представительство, в свою очередь, зависит от гражданского участия в выборах.

*Статья поступила
в редакцию 26.03.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Błaś A., Boć J., Jeżewski J. Administracja publiczna. Poznan, Kolonia Limited, 2004. 386 s.
2. Błaś A. Reaktywowanie samorządu terytorialnego w Rzeczypospolitej Polskiej w 1990 r. // Błaś A. Studia nad samorządem terytorialnym. Wrocław, 2002. S. 352–381.
3. Gdulewicz E., Kręcisław W., Orłowski W., Skrzydłowski W., Zakrzewski W., Ustroje państw współczesnych. Lublin, 1997. 207 s.
4. Katz R. Party Government: European and American Experiences, t.2. Berlin, 1987. 320 s.
5. Kroński A. Teoria samorządu terytorialnego. Warszawa, 1932. 38 s.
6. Peter L. J., Hull R. Zasada Petera. Dłaczego wszystko idzie na opak. Warszawa, 1975.
7. Peters G. B. Administracja publiczna w systemie politycznym. Warszawa 1999. 456 s.
8. Rydlewski G. Modernizacja administracji. Studium polityk administracyjnych w Polsce. Warszawa, 2015. 274 s.
9. Sartori G. Teoria demokracji. Warszawa, 1994. 210 s.
10. Sokół W. Współczesne partie i systemy partyjne. Zagadnienia teorii i praktyki politycznej. Lublin, 2003. 395 s.
11. Zieliński E. Administracja rządowa i samorządowa w Polsce. Warszawa, 2013. 437 s.
12. Zieliński J. Referendum konstytucyjne na Białorusi – demokracja czy autokratyzm // Referendum Konstytucyjne w Polsce. Warszawa, 1997. S. 233–266.

13. Zieliński J. Referendum w Norwegii // Zieliński E., Bokszczanin I. Referendum w państwach Europy. Warszawa, 2003. S. 187–209.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яцек Зелинский – доктор педагогических наук, профессор Института Социальных Наук и Безопасности Естественно-Гуманитарного Университета в г. Седльце (Польша);
e-mail: pulik-av@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Jacek Zieliński– Doctor of Education, professor, Institute of Social Sciences and Security of Siedlce University of Natural Sciences and Humanities;
e-mail: pulik-av@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Зелинский Я. Факторы, обуславливающие существование безопасного для граждан государства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 100–115..
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-100-115

FOR CITATION

Zieliński Y. Factors Causing the Existence of a Safe State. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 3, pp. 100–115.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-100-115

РАЗДЕЛ III. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 322 + 34.03/342.3:342.5

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-116-130

ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ИРАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ДУХОВНО-ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Бабурин С. Н.

*Институт государства и права Российской академии наук
119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10, Российская Федерация*

Аннотация. Целью исследования является выявление конституционно-правового результата Исламской революции 1978–1979 гг. в Иране. На основе анализа текста Конституции Исламской Республики Иран, теоретических трудов Духовного лидера революции Имама Хомейни рассматривается иранская модель государства, основанного на религиозных духовно-нравственных принципах, анализируется конституционный механизм распределения государственной власти, роль Рахбара, особенности конституционной системы надзорных механизмов. В процессе исследования применены методы анализа и синтеза, юридической компаративистики, формально-логический и юридико-догматический метод. В результате проведённого исследования делается вывод, что Исламская революция в Иране относится к числу Великих революций, изменивших судьбы мира. Она вернула в современный конституционализм крайне важные для человечества духовно-ценностные ориентиры, создала конституционную форму нравственного государства. Духовно-ценностные подходы Имама Хомейни не только получили конституционное закрепление, но и успешно воплощаются в жизнь уже 40 лет. Автор подчёркивает важность опыта ИРИ для конституционного развития Российской Федерации. Результаты исследования могут быть использованы в конституционном реформировании России и других стран, в учебном процессе, а также в учебной литературе по теории государства и права, конституционному праву.

Ключевые слова: конституция, государство, исламская революция, духовно-нравственные ценности, ислам, христианство, государственное устройство

© СС ВУ Бабурин С. Н., 2019.

THE SIGNIFICANCE OF THE GREAT IRANIAN REVOLUTION FOR THE MODERN WORLD: SPIRITUAL AND VALUE DIMENSION OF CONSTITUTIONALISM

S. Baburin

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russian Federation*

Abstract. The aim of the study is to identify the constitutional and legal result of the Islamic revolution of 1978–1979 in Iran. Based on the analysis of the text of the Constitution of the Islamic Republic of Iran, the theoretical works of the Spiritual leader of the revolution Imam Khomeini, the Iranian model of the state based on religious spiritual and moral principles is considered, the constitutional mechanism of the distribution of state power, the role of Rahbar, the features of the constitutional system of Supervisory mechanisms are analyzed. The research methodology includes the methods of analysis and synthesis, legal comparativistics, formal-logical and legal-dogmatic method. The study concludes that the Islamic revolution in Iran is one of the Great revolutions that changed the fate of the world. It restored modern constitutionalism with vital for humanity spiritual and value orientations and created a constitutional form of a moral state. Imam Khomeini's spiritual and value approaches have not only been constitutionally enshrined, but also successfully implemented for 40 years. The author emphasizes the importance of the Islamic Republic of Iran's experience for the constitutional development of the Russian Federation. The results of the study can be used at reforming the Constitution of Russia and other countries, in education, as well as in educational literature on the theory of state and law, and constitutional law.

Keywords: constitution, state, Islamic revolution, spiritual and moral values, Islam, Christianity, state structure

«Ислам по своему духу, если он правильно понят, не имеет ничего общего ни с частными интересами, ни с отдельными религиозными деятелями, ни с какой-либо временной властью... Ислам принёс в мир возвышенную концепцию человеческого достоинства, которая осуждает расизм, шовинизм, эксплуатацию человека человеком. Его глубокий эгалитаризм может найти своё выражение применительно к каждой эпохе» [3, с. 61]. Этими словами много лет назад автор начал переиздание автореферата своей дипломной работы, посвящённой Имаму Хомейни и Исламской революции в Иране, защищённой в Омском университете в 1981 г. 40-летие Исламской

революции и 30-летие со дня смерти Имама Хомейни призывают нас вновь задуматься над уроками недавнего прошлого. В том числе пришла пора осмыслить истинную роль Иранской Исламской революции.

Задолго до того, как признаки духовной катастрофы современного общества проступили с очевидностью, неблагополучие стало осознаваться народами по линии разграничения западных и традиционных цивилизаций. В XX в. такое разграничение проходило даже внутри иранского общества. Исламская революция, начавшаяся в Иране 7 января 1978 г. с крупной антиправительственной демонстрации в Куме и завершившаяся в 1979 г.

упразднением монархии и созданием Исламской Республики Иран, стала одним из значительнейших событий мировой истории. Исламская революция Ирана изменила мир, дала шанс человечеству выбраться из западни апокалипсиса бездуховности и нравственно-социальной деградации.

Рождение Исламской Республики Иран (ИРИ) с её демонстративной религиозностью стало рубежом, за которым атеистическая мораль Просвещения утратила в мире монополию на привлекательность и силу. Теократия, подразумевающая, что Церковь (религиозная община) как нравственно-религиозный союз владычествует над государством, в лице Исламской Республики Иран продемонстрировала возрождение своей политико-правовой состоятельности. Это в классической либеральной правовой теории такое отношение противоречит существу и Церкви, и государства, нравственно-религиозное начало считается принудительным, а государство подчиняется внешней для него власти [14, с. 231–232]. Если западное общество поставило рациональное право и рациональные договорённости на место традиции, когда пуританский рационализм означал рациональное господство над миром [5, с. 37, 42], то Иранская исламская революция заставила задуматься над вопросом: является ли светский характер государства безусловной социальной ценностью?

Исламская революция в Иране является для человечества Великой Иранской революцией

Важной особенностью движения Имама Хомейни был его глобаль-

ный характер, подчёркивает сегодня Аятолла Хаменеи. Имам Хомейни «видел это движение всемирным, – утверждает Рахбар, – и он часто говорил, что данная революция принадлежит всем мусульманам, равно как и немусульманским странам. Он не боялся говорить об этом. Это не имело ничего общего с вмешательством во внутренние дела других государств, чем мы не собираемся заниматься... Это означает, что прекрасный дух этого Божественного свершения должен разнестись по всему миру. Народы всего мира должны понять, в чём заключается их ответственность»¹.

Когда в Германии конца XVIII в. встал вопрос, возможно ли из разрозненного населения собрать перед лицом внешней опасности народ, появились «Речи к немецкой нации» И. Г. Фихте. Немецкий философ заявил, что только религия «способна поднять совершенно над всем временем и над всякой современной и чувственной жизнью, не принося при этом ни малейшего ущерба законности, нравственности и святости жизни, охваченной этой верой»². И страстная убеждённость учёного и патриота переплывала рассыпанных на множество государств немцев в единую немецкую нацию, убедив их в том, что Народ и Отечество как «носитель и залог земной вечности и как то самое, что здесь может быть вечным, находится намного выше государства, в обычном смысле слова – выше общественного порядка». Поскольку только любовь

¹ Аятолла Хаменеи. Палестина. Избранные речи и высказывания. М.: Вече, 2017. С. 36–37/

² Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. С. 189.

к Отечеству хочет расцвета вечного и божественного в мире, всё более чистого, совершенного и точного в бесконечном движении вперёд, то именно эта любовь к Отечеству и должна управлять государством³. И немцы своим духовным единством создали и сберегли единую нацию и страну.

Распространение в мире западного правопонимания, идущей от римского права правовой культуры, культивирующей секулярный индивидуализм, далеко не всегда отвечало традиционным устоям того или иного народа. В Японии, например, исследователи сразу зафиксировали неустраняемый разрыв между понятиями западного права (концепции договоров, развитие права на частную собственность, решение конфликтов в суде и др.) и общинной практикой общества [11, с. 78].

Когда в России начала XX в. оказались поражены нигилизмом устои русского общества, рухнуло государство, не стало Империи, то пришёл Октябрь. Октябрьский вооружённый переворот 1917 г. положил начало Великой социальной революции, стал русской попыткой построить Новое, справедливое общество. Основные черты Нового мира, как и сам путь к нему, были намечены лидером большевиков В. И. Лениным в его знаменитых апрельских тезисах 1917 г.: отказ от парламентаризма, власть Советов вместо разложившихся структур управления царской России; аграрная реформа и национализация земли; контроль Советов над общественным производством и распределением продуктов; слияние всех банков в стране в один общенациональный, подконтрольный

Советам; перерастание буржуазной революции в социалистическую⁴. Ленин предложил конечную цель революции и всех реформ – социализм как строй социальной справедливости. И кратчайший путь к социализму – через установление власти Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов⁵. Однако жизнь показала, что невозможно построить справедливое и счастливое общество без Бога в сердце и без опоры на традиционные культурно-исторические традиции.

Когда великий социалистический проект построения нового общества, опиравшийся на секуляризацию государства и борьбу против русских традиционных духовно-нравственных ценностей, стал закономерно заводить своих последователей в зону кризисного банкротства, народ Ирана услышал проповеди аятоллы Р. Хомейни, а затем, в 1978 г., Исламская революция Ирана стала новой попыткой спасти мир от саморазрушения.

Величие Иранской исламской революции в том, что она из социально-политического акта национальной истории Ирана выросла в событие глобальной истории, значимое в масштабах всего человечества, когда человечество рассматривается как единое целое, как одна из движущих сил развития планеты, а собственно история берётся как трансграничный, выходящий за рамки национально-государственной значимости процесс [8, с. 51].

Исламскую революцию в Иране следует отнести к числу тех революций,

³ Там же: С. 197.

⁴ Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции // Полное собрание сочинений Т. 31. М.: Политиздат, 1974. С. 113–118.

⁵ Там же: с. 114.

которые изменили ход человеческой истории и потому именуются Великими. Их немного: Великие Английская и Французская буржуазные революции, Великая Русская социалистическая революция. Вторая половина XX в. добавила к их числу Великую Кубинскую антиколониальную революцию и Великую Иранскую исламскую революцию. Пора принять за исторический факт, что великие события происходят не только в Европе и Америке.

Судьбоносные для человечества уроки Имама Хомейни и Великой Иранской исламской революции лежат в духовно-ценностной и конституционно-правовой сферах.

**Великая Иранская революция
вернула современному миру
крайне важные для человечества
духовно-ценностные ориентиры**

В начале XXI в. человеческая цивилизация в смятении. Рушатся идеалы, вместо умиротворения нарастает насилие, в том числе в отношениях между народами. Но начать анализ духовно-ценностных уроков великого мыслителя и государственного деятеля Имама Хомейни хочется с формулы Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Грех начинается с малого: с пустых слов и праздного времяпрепровождения, с упоения властью, неумения и нежелания контролировать состояние своего духа»⁶. Иными словами и с серьёзным социальным резонансом об этом сказал во второй половине XX в. Духовный лидер Исламской революции Имам Хомейни. Он написал в своём

толковании суры «Открывающая»: «Все бедствия, от которых страдает человек, вытекают из его любви к себе, но если бы он воспринимал истинную причину, он бы понял, что его «я» не принадлежит ему. Следовательно, истинная любовь к себе – это любовь к остальным, но это было ошибочно принято за любовь к себе. Эта ошибка разрушает человека; все бедствия, от которых мы страдаем, возникают от этой ошибочной любви к себе и стремлению к её возвышению. Это желание ведёт людей к смерти и разрушению; оно приводит их к Адскому Огню, и это есть источник всякого греха. Когда человек сосредотачивает своё внимание на себе и всём желаемом для себя, он становится врагом любого, кто стоит на его пути, он не оставляет другим никаких прав. Это и есть источник всех наших бед»⁷.

Религиозные ценности для христиан и мусульман, буддистов и иудеев всегда остаются основой нравственности, а потому «вековые богоданные нравственные нормы – не просто слова. Их нарушение приводит к краху личности, общества и государства. Следование же им приносит гармонию и мир не только в общественную сферу, но и в сердце человека. Если мы прислушаемся к голосу Божию, говорящему через нашу совесть, то, по слову пророка Исаии, *делом правды будет мир, и плодом правосудия – спокойствие и безопасность вовеки* (Ис. 32, 17)»⁸.

⁷ Имам Хомейни. Толкование суры «Открывающая». М.: Научная книга, 2012. С. 102–103.

⁸ Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Церковь и духовное возрождение России. Т. II. Слова, речи, послания, обращения 1998–2000. М.: Издательство Московской патриархии, 2000. С. 161.

⁶ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Слово пастыря (1991–2011). Собрание трудов. Серия II. Т. 1. М.: Издательство Московской патриархии РПЦ, 2013. С. 622.

О роли именно духовного фактора в Великой Иранской революции свидетельствует случай, отмеченный даже в Конституции Исламской Республики Иран – оскорбительное письмо в адрес священного духовенства и особенно Имама Хомейни, опубликованное 7 января 1978 г., усилившее революционное движение и ставшее причиной взрыва национального гнева на территории всей страны⁹.

Революционное возвращение религиозных духовных ценностей в реальную политику важно не только для мусульман, оно значимо и для немусульманских народов. Не случайно своё письмо от 1 января 1989 г. советскому лидеру М. С. Горбачеву Духовный лидер ИРИ Имам Хомейни начал с главного вопроса – с призыва пересмотреть политику КПСС, заключающуюся «в отречении общества от Бога и от религии, что, безусловно, наносило сильнейший удар народу советского государства». «Основная проблема Вашей страны – подчёркивалось в письме, – лежит не в вопросах собственности, экономики и свободы. Ваши трудности заключаются в отсутствии истинной веры в Бога, и это будет вести Запад в трясину пошлости, в тупик»¹⁰. Имам Хомейни считал коренные реформы в СССР необходимыми, но предостерегал против следования западным образцам (не окажитесь «в плену Запада и Большого Дьявола»), ибо

Запад сам переживает кризис. Духовный лидер Ирана подчёркивал, что религия стремится к установлению социальной справедливости в мире и является борником свободы человека от материальных и духовных оков.

Увидев в письме Имама Хомейни лишь претензии Ислама на мировое господство, в Советском Союзе, тем более в странах Запада, не задумались всерьёз над словами мудрого реформатора иранского общества и государства, не вспомнили даже, что Бог един. Но если для шиитов в Иране не подлежат сомнению религиозные исламские принципы, то для Российской Федерации и братских ей стран важно укрепление православных духовно-нравственных устоев.

Указанные Имамом Хомейни причины и губят ныне западную цивилизацию. Весь Христианский мир переживает глубокий кризис, погружаясь в пучину безнравственного эгоизма и расчеловечивания. Именно об этом свидетельствует Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла 1916 г., в котором первоиерархи крупнейших христианских церквей признали, что превращение стран в секуляризованные общества, чуждые всякой памяти о Боге и Его правде, влечёт за собой серьёзную опасность для религиозной свободы, что в обществе уже многих государств имеет место крах нравственности, прежде всего кризис семьи – естественного средоточия жизни человека и общества¹¹. А

⁹ Конституция Исламской Республики Иран от 24 октября 1979 года // Конституции государств Азии. Т. 1. Западная Азия. М.: ИЗСП при Правительстве РФ: Норма, 2010. С. 236.

¹⁰ Письмо Имама Хомейни М. С. Горбачеву [Электронный ресурс] // В свете посланий пророков. URL: http://moscow.icro.ir/files/ebook/755/v_svete_poslanij_prorokov.pdf (дата обращения: 26.06.2019).

¹¹ Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла, 13 февраля 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html> (дата обращения: 26.06.2019).

ведь верующие люди, «разделяя одно и то же представление о семье, призваны свидетельствовать о семье как пути к святости, являющем верность супругов по отношению друг к другу, их готовность к рождению и воспитанию детей, солидарность между поколениями и уважение к немощным. Семья основана на браке как акте свободной и верной любви между мужчиной и женщиной. Любовь скрепляет их союз, учит их принимать друг друга как дар. Брак – это школа любви и верности». Христианские первоиерархи выразили сожаление, «что иные формы сожительства ныне уравниваются с этим союзом, а освящённые библейской традицией представления об отцовстве и материнстве как особом призвании мужчины и женщины в браке вытесняются из общественного сознания»¹².

Из Совместного заявления прямо следует, что западное христианство осознаёт свою беспомощность перед охватившей Западный мир бесовщиной. Но и христианство Восточное переживает не лучшие дни своего существования, слишком глубоко въелись в сознание людей вирусы нигилизма и потребительского образа жизни. А потому пример общества, которое через революцию возродило роль религиозного фактора человеческого развития, вновь сделало веру основой нравственности и культуры, вернуло Бога в центр нравственных ценностных координат, невероятно важен.

Великая Исламская революция в Иране и опыт 40 лет существования Исламской Республики Иран задали человечеству новый вектор духовного и социального развития. Подход к му-

сульманскому праву как лишь к одной из сторон религии ислама, когда «право является ценностью лишь как слуга религии», утверждение, что религиозный принцип, на котором мусульманское право основывается, отпадает в случае, если одна из сторон не является мусульманином [6, с. 346], – все эти и им подобные оценки опровергаются самим фактом существования Конституции ИРИ. Привычные современному светскому человеку подходы к формированию социального баланса общества и политическому плюрализму как организационно-правовой основе успешности политической системы общества, идущей от античных полисов и средневекового города-коммуны [12, с. 31–57, 233–277], оказываются далёкими от реального универсализма. Современный Иран доказывает, что считать право, основанное на религиозной нравственности, рудиментом прошлого – непродуктивно и ошибочно. Если в чём и правы западные исследователи, так это в утверждении, что ислам по своей сущности, как и иудаизм, – «это религия закона» [12, с. 347].

Принципиально значимо, что духовно-ценностные подходы Имама Хомейни получили в современном Иране конституционное закрепление.

Конституционно-правовые уроки Великой Иранской исламской революции

Отличительной чертой Конституции Исламской Республики Иран является то, что в ней закреплены духовно-нравственные ценности иранского общества, вся система органов государственной власти построена на национальных духовных, религиозных и культурно-исторических традициях. А ведь именно нор-

¹² Там же.

мы конституционного права являются исходными в оформлении конституционного строя, роли государства, становлении и развитии государственного общества, закреплении статуса человека и гражданина, осуществлении народовластия [1, с. 111].

Имам Хомейни был не только выдающимся духовным деятелем, но и великим учёным. Существующую конституционно-правовую модель Исламской Республики Иран он осмыслил ещё в своём религиозно-политическом трактате 1969 г. «Исламское правление» и совершенствовал вплоть до своей кончины в 1989 г., когда в соответствии с его указом от 24 апреля 1989 г. Совет по пересмотру Конституции принял поправки к Преамбуле и 48 статьям Конституции.

Исламская республика по замыслу Имама Хомейни – это Божественно-народное правление, когда народ руководит делами общества и государства под Божественным руководством через механизмы законодательной и исполнительной власти. Исламская республика – это государство, в котором волей Творца Вселенной народ наделён властью над своей судьбой и свободно осуществляет свою волю на основе принципов и государственного устройства, закреплённых в Конституции.

В современном Иране нет парламентаризма и демократии в их западной интерпретации. Зато в Исламской Республике Иран конституционно закреплено общество народовластия, опирающееся на национальные религиозные и исторические традиции, власть Бога, осуществляемая народом через предоставленное ему Божественное право (ст. 56

Конституции). Для религиозной демократии равно важны и религиозная, и народная легитимация [13, с. 81]. Управление Исламской Республикой Иран осуществляется законодательной, исполнительной и судебными властями, которые функционируют под контролем абсолютной власти Имама согласно статьям Конституции. Все три власти независимы друг от друга (ст. 57 Конституции).

Принципиальной чертой Конституции ИРИ является закрепление в ней преобладающей роли нравственности в обществе. Не случайно, перечисление целей деятельности правительства ИРИ начинается с пункта: «1. Создание благоприятной среды для дальнейшего развития нравственных добродетелей, основанных на вере, богобоязненности и борьбе против всех проявлений разврата и упадка (нечестия и порока)» (ст. 3 Конституции). Характеризуя Исламскую Республику как систему правления, основанную на вере, Конституция ИРИ выделяет среди других элементов веру в Божественную справедливость в создании и установлении законов шариата (п. 4 ст. 2), веру в благородство и высшую ценность человека и свободы и его ответственности перед Богом, что обеспечивает равенство, справедливость и политическую, экономическую, социальную и культурную независимость, а также национальное единство и солидарность (п. 6 ст. 2). «Призыв к добру, проповедь одобряемого и запрещение неодобряемого являются всеобщей обязанностью, которую люди исполняют по отношению друг к другу, государство – по отношению к народу, в народ – по отношению к государству» (ст. 8 Конституции).

Как тут не сожалеть, что в принятой под влиянием западных «экспертов» Конституции Российской Федерации 1993 г. закреплено прямо противоположное: «В Российской Федерации признаётся идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст. 13 Конституции РФ). В современной России конституционно уравнили добро и зло, душевную чистоту и безнравственность, закрепили бесовщину.

В основе государственной власти современного Ирана лежат, обеспечивая легитимность всех других институтов, религиозные исламские принципы, важнейшим из которых является вelayat-e факих («правление наиболее авторитетного шиитского правоведа», которое должно сохраняться до появления Вали-е-Аср – 12-го «скрытого имама», которому шиитское учение отводит всю полноту власти)¹³. Наличие конституционного института Рахбара (всенародно признанного Духовного лидера, возглавляющего общество и государство) выступает ключевой особенностью конституционного строя ИРИ.

Для шиитов духовное лидерство в обществе должно осуществляться лицом или группой лиц, которые по своим знаниям и нравственным качествам ближе всего стоят к Имамам и Пророку ислама. «Во время сокрытия Вали-е-Аср в Исламской Республике Иран верховное руководство мусуль-

манской общиной возлагается на справедливого и набожного, обладающего широким кругозором, смелого и имеющего организаторские способности факиха, который принимает эти обязанности согласно статье 107» (ст. 5 Конституции).

Рахбар как Духовный лидер страны, назначаемый Советом всенародно избранных экспертов и курирующий работу всех ветвей власти, обладает широким кругом полномочий, среди которых: определение общей политики государства; осуществление функций верховного главнокомандующего вооружёнными силами ИРИ; контроль за надлежащим исполнением намеченной им политики; объявление войны, мира, мобилизации; издание указов и проведение общенациональных референдумов; подписание указа о всенародных выборах президента ИРИ; смещение президента республики с занимаемого поста, если Верховный Суд признаёт его виновным в нарушении конституционных обязанностей или Меджлис выскажется за его устранение на основании нарушения им ст. 89 Конституции; разрешение противоречий, которые не могут быть урегулированы в обычном порядке, между Меджлисом и Наблюдательным советом (ст. 110 Конституции).

Рахбар назначает, отстраняет от должности и отправляет в отставку богословов Наблюдательного совета, главу судебной власти; главу государственной радиотелекорпорации; начальника штаба вооружённых сил, главнокомандующего Корпуса стражей исламской революции и высших чинов вооружённых сил страны (ст. 110.6). По Конституции допускается передача Рахбаром части своих

¹³ Конституция Исламской Республики Иран от 24 октября 1979 года // Конституции государств Азии. Т. 1. Западная Азия. М.: ИЗСП при Правительстве РФ: Норма, 2010. С. 235, 238.

полномочий и обязанностей другому должностному лицу.

Трагедией большинства современных государств является отсутствие в их обществе именно духовного лидера, на роль которого претендуют политики и религиозные деятели, писатели и художники, даже представители шоу-индустрии. Отсюда и духовно-нравственный кризис современного общества, потерявшего критерии духовно-нравственных и социальных ценностей. Для исторической России такой кризис, то усиливаясь, то ослабевая, идёт с момента краха самодержавия, утраты Царя, который по византийской традиции был и светским властителем, и главой Православия. Путь возрождения духовного лидерства, способ его персонификации (президента ли, Царя-Императора ли) не найден российским обществом до сих пор.

Ст. 113 Конституции ИРИ устанавливает, что после Духовного лидера страны (Рахбара) высшим официальным лицом в стране является Президент, действующий как глава исполнительной власти (за исключением вопросов, прямо отнесённых Конституцией к ведению Рахбара). Ст. 122 устанавливает, что Президент ответствен перед народом, Рахбаром и Меджлисом.

Высший законодательный орган власти ИРИ – однопалатный парламент – Меджлис (Собрание Исламского совета). Число мест в парламенте устанавливается и меняется в соответствии с численностью населения (в 1980 г. было 270 депутатов, по итогам выборов 2016 г. – 290), он формируется в результате прямого голосования сроком на 4 года.

Религиозной традицией и её духовными ценностями пронизан сам механизм осуществления законодательной власти. Согласно ст. 71 Конституции, Меджлис может самостоятельно инициировать законы при условии, что они не противоречат Конституции и исламским принципам (ст. 72). Соответствие принимаемых Меджлисом законов Исламу и Конституции устанавливает Совет по охране Конституции (Шоурае негахван; другой вариант перевода – Совет стражей), который обладает фактически функциями верхней палаты и конституционного контроля (ст.ст. 93, 96 Конституции). Совет по охране Конституции состоит из 12 членов, половину из которых составляют высшие богословы (улемы), назначаемые Рахбаром, остальные 6 членов избираются Меджлисом из числа кандидатов, представленных главой судебной власти. Принятые Меджлисом законопроекты приобретают силу закона только после их одобрения Советом по охране Конституции, который обязан их рассмотреть в течение 10 дней.

Конституция современного Ирана – это Конституция «нравственного государства»

Сам факт существования современной иранской Конституции бросает вызов остальному миру, выстраивающему систему жизнеустройства при игнорировании высших нравственных оснований бытия [4, с. 128], выходит за рамки стандартного перечня причин появления новых конституций [1, с. 144–147], выступая в качестве примера высшего политико-правового акта, воплощающего радикальные политические и идеологические уси-

для иранских традиционалистов по возвращению религиозных (духовно-нравственных) ценностей в основание общественного строя и современного государства.

Конечно, само следование религиозным принципам не снимает политических разногласий, не отменяет политической борьбы, без которой остановится любое социальное развитие. Частые противоречия между Меджлисом и Советом по охране Конституции в 1980-е гг. привели к тому, что ни один из основополагающих на тот момент законов не был принят, Правительство работало в условиях законодательного вакуума. В 1988 г. решением Имама Хомейни в структуру власти была введена Ассамблея (Совет) определения государственной целесообразности принимаемых решений (Маджма-йе тахшис маслахате незам), которая и ныне выносит окончательное решение в споре между Меджлисом и Советом по охране Конституции. Постоянные и временные члены Ассамблеи назначаются Рахбаром. Полномочия Ассамблеи определены Конституцией (ст. 111–112).

Примечательно и важно для современного мира, что специальный раздел Конституции (гл. 3) регламентирует обязанности государства и права народа, а целью экономического строя ИРИ указаны: обеспечение экономической независимости общества, искоренение бедности и обездоленности, удовлетворение потребностей человека в процессе развития при сохранении его свободы (ст. 43 Конституции). Экономическая система основана «на трёх секторах: государственном, кооперативном и частном, при регулярном и правильном планировании» (ч. 1 ст. 44). Конфискация неправомерно

нажитого закреплена в Конституции ИРИ (ст. 49).

Особо следует выделить поучительную для современного мира, прежде всего для России, разветвлённую конституционную систему надзорных механизмов. Внутри государственного аппарата надзорную деятельность ведут Рахбар, законодательная, судебная и исполнительная власть, отдельно – Совет по охране Конституции. Но выделены также надзор народа за властью, надзор государства над народом и надзор народа над самим собой, вплоть до создания для рассмотрения жалоб, исков и протестов граждан против должностных лиц, организаций или правительственных актов, для восстановления прав граждан специального Суда административной справедливости (ст. 173 Конституции) [10, с. 175–182].

Прогрессивному развитию любого государства будут сопутствовать в современном мире приоритеты внутренней политики, сформулированные Имамом Хомейни, который «придерживался принципа, что следует полагаться на результаты народного голосования, что необходимо сохранять единство народа и избирать людей, пользующихся популярностью в народе и ведущих скромный образ жизни, что государственные чиновники должны быть преданы национальным интересам страны и прилагать всяческие усилия к прогрессивному развитию страны»¹⁴. Для кого-то это банальность, для современной России – мечта.

Народу современной России нужна конституционная реализация духов-

¹⁴ Аятолла Хаменеи. Палестина. Избранные речи и высказывания. М.: Вече, 2017. С. 41–42.

но-нравственного принципа, предложенного Патриархом Московским и всея Руси Кириллом ещё в его бытность митрополитом: «Мы должны научиться жить, мирно сочетая различные цивилизационные системы, различные системы ценностей – религиозные, мировоззренческие, культурные... Общий знаменатель, снимающий противоречия между монархистами и коммунистами, универсалистами и почвенниками в кратком виде может быть сведён к формуле: национальная цивилизационная модель в социально ориентированном государстве»¹⁵.

Что касается Конституции РФ, то давно необходимо делать выводы из научного анализа выдающегося отечественного конституционалиста С. А. Авакьяна, который не случайно при анализе пробелов и дефектов в конституционном праве на первое место среди последних поставил заведомую, изначальную дефектность конституционно-правовой идеи, рождённой на почве заблуждений, романтизма или отчаяния [2, с. 450]. Пора возвращать в российскую Конституцию духовно-нравственные основы, начиная с веры, нравственности, святынь, Отечества, которые в системе социальных ценностей стоят не ниже прав человека¹⁶.

Конституция Исламской Республики Иран выступает политико-правовой

основой и продолжения внешней политики Ирана, намеченной Имамом Хаменеи¹⁷. Последовательно национальная внешняя политика Исламской Республики Иран уже 40 лет успешна. Не случайно тот же И. Г. Фихте писал: «Где победа приходила после преодоления мощного сопротивления, там существовало обетование вечной жизни, которое и правило, и боролось, и побеждало»¹⁸.

Духовный лидер приступившего к самообновлению Ирана, Имам Хомейни, считал, что «необходимо сопротивление против проводящих линию на интервенцию и доминирование; что необходимо установить братские отношения с другими мусульманскими народами, равно как и развивать отношения со всеми странами, кроме враждебно настроенных и держащих оружие против иранского народа; что нужно противостоять сионизму, представляющему собой идеологию расизма и апартеида, что надо бороться за освобождение Палестины и помогать всем угнетённым по всему миру, выступая против их угнетателей». «Таков завет имама Хомейни, который он оставил нам», – подчёркивает Рахбар, Аятолла Хаменеи¹⁹. Эти цели и задачи близки в международных отношениях и многонациональному народу Российской Федерации.

¹⁵ Митрополит Кирилл. Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь? М.: Даниловский благовестник, 2002. С. 14–15.

¹⁶ Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора, 6 апреля 2006 г. [электронный ресурс] // Русская православная церковь [сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (дата обращения 28.06.2019).

¹⁷ Конституция Исламской Республики Иран от 24 октября 1979 года // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 1. Западная Азия / под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: Норма, 2010. С. 234–274.

¹⁸ Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. С. 201.

¹⁹ Аятолла Хаменеи. Палестина. Избранные речи и высказывания. М.: Вече, 2017. С. 41–42.

Иранский конституционализм непривычен тем, кто вырос в европоцентристском мирозерцании секулярного гуманизма, но в условиях глобальных вызовов он исключительно плодотворен, пропуская наши жизненные стандарты через очищающий от нигилистической скверны духовно-нравственный конституционно-правовой фильтр. Конечно, он требует отказа от многих укоренившихся стереотипов в типологии государств и правовых систем, при определении форм государства и принципов построения публичной власти, ведёт к необходимости пересмотра самого смысла правового государства и эволюции государства в условиях глобализации [7, с. 200–272, 289–452]. Конституционализм, пронизанный духовно-нравственными ценностями, возрождает давно забытые представления, но наполняет их современным социальным оптимизмом, он конструктивен.

Уроки Имама Хомейни и Великой Иранской революции можно принимать или не принимать. Каждый человек, каждый народ свободен в своём выборе. Но отказ от возвращения к

Божественному предназначению человека ведёт к гибели души и вырождению народа. Это относится к мусульманам и христианам, к иудеям и людям других вероисповеданий, в том числе атеистического. Русского человека должно беспокоить и торопить то, что время выбора для современного мира пришло.

Завершим свои размышления над Великой Иранской исламской революцией поэтическими словами Имама Р. Хомейни [9, с. 45, 73], имеющими по суфийской традиции много смыслов:

Рвань дервиша и роскошь шахиншаха – одно и то же:

Ведь их тревожат запахи и краски – мелка тревога.

Кто видит только то, что очевидно, тем чуждо чувство,

И путь к любви, исполненный отваги, – не их дорога.

Приготовься к последним приказам, запретам – пора!

К нам Спаситель пришёл! К нам иные пришли времена!

*Статья поступила
в редакцию 01.07.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С. А. Конституционное право России: уч. курс. Т. 1. М.: Юристъ, 2005. 719 с.
2. Авакьян С. А. Размышления конституционалиста. М.: Издательство Московского университета, 2010. 560 с.
3. Бабурин С. Н. Имам Хомейни и его концепция «исламского правления» // Государствоведение: научные труды. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 61–69.
4. Багдасарян В. Э. Конституция Российской Федерации в сравнительном страновом и историческом анализе. М.: Духовное просвещение, 2019. 296 с.
5. Вебер М. Конфуцианство и пуританизм // Личность. Культура. Общество. 2009. Том XI. Вып. 3. С. 22–43.
6. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 2009. 456 с.
7. Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права: учеб. Т. 1. Государство. М.: ТК Велби, Проспект, 2007. 752 с.

8. Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации / под общ. ред. академ. М. Ч. Залиханова. М.: 2019. 190 с.
9. Рухолла Хомейни. Живая вода. М.: ООО «Садра», 2016. 216 с.
10. Садеги Нешат, Амир. Конституционный строй Исламской Республики Иран. М.: ООО «Садра», 2019. 192 с.
11. Сибуя Кэндзио. Дискуссия о правовой культуре Японии и правовой культуре России // Конституционное право и правовая культура Японии и России: вопросы развития: сб. докладов. М., 2014. С. 76–93.
12. Современные проблемы организации публичной власти / отв. ред. Авакьян С. А. М.: Юстицинформ, 2014. 596 с.
13. Хоррамшад М. Б., Сарпарастсат С. Э. Концепции религиозной демократии // Иран в условиях новых геополитических реалий (к 40-летию Исламской революции). М.: ООО «Садра», 2019. С. 80–105.
14. Чичерин Б. Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. 656 с.

REFERENCES

1. Avakyan S. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [The Constitutional Law of Russia]. Vol. 1. Moscow, *Yurist Publ.*, 2005. 719 p.
2. Avakyan S. A. *Razmyshleniya konstitutsionalista* [Reflections of a Constitutionalist]. Moscow, Moscow University Publ., 2010. 560 p.
3. Baburin S. N. [Imam Khomeini and his concept of «Islamic rule»]. In: *Gosudarstvovedenie: nauchnye trudy* [The Theory of State: Scientific Works]. Moscow, *YUNITI-DANA Publ.*, 2010. P. 61–69.
4. Bagdasaryan V. E. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii v sravnitel'nom stranovom i istoricheskom analize* [The Constitution of the Russian Federation in Comparative Country and Historical Analysis]. Moscow, *Dukhovnoe prosveshchenie Publ.*, 2019. 296 p.
5. Weber M. [Confucianism and Puritanism]. In: *Lichnost. Kultura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2009, vol. XI, no. 3, pp. 22–43.
6. David R., Jauffret-Spinozi C. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [The Main Legal Systems of Modernity]. Moscow, International Relations Publ., 2009. 456 p.
7. Marchenko M. N. *Problemy obshchei teorii gosudarstva i prava. Tom 1. Gosudarstvo* [The Issues of the General Theory of State and Law. Vol. 1. The State]. Moscow, *TK Velbi, Prospekt Publ.*, 2007. 752 p.
8. Zalikhanov M. C. *Rossiya v XXI veke: globalnye vyzovy, riski i resheniya. Analiz. Ekspertiza. Rekomendatsii* [Russia in the 21st Century: Global Challenges, Risks and Solutions. Analysis. Examination. Recommendations]. Moscow, 2019. 190 p.
9. Rukholla Khomeini. *Zhivaya voda* [Living Water]. Moscow, «Sadra» Co. Limited Publ., 2016. 216 p.
10. Sadegi Neshat, Amir. *Konstitutsionnyi stroi Islamskoi Respubliki Iran* [The Constitutional System of the Islamic Republic of Iran]. Moscow, «Sadra» Co. Limited Publ., 2019. 192 p.
11. Sibuya Kendziro. [Discussion on Legal Culture of Japan and Russia]. In: *Konstitutsionnoe pravo i pravovaya kultura Yaponii i Rossii: voprosy razvitiya* [Constitutional Law and Legal Culture of Japan and Russia: Development Issues]. Moscow, 2014. P. 76–93.
12. *Sovremennye problemy organizatsii publichnoi vlasti* [Modern Problems of Public Authority Organization]. Edited by S. A. Avakyan Moscow, *Yustitsinform Publ.*, 2014. 596 p.

13. Khorramshad M. B., Sarparastsadat S. E. [The Concept of Religious Democracy]. In: *Iran v usloviyakh novykh geopoliticheskikh realii (k 40-letiyu Islamskoi revolyutsii)* [Iran in New Geopolitical Realities (towards the 40th Anniversary of the Islamic Revolution)]. Moscow, «Sadra» Co. Limited Publ., 2019. P. 80–105.
14. Chicherin B. N. *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 656 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бабури́н Серге́й Николаевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, профессор Московского университета им. С. Ю. Витте, профессор Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, президент Ассоциации юридических вузов, президент международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
e-mail: 1357343@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey N. Baburin – Doctor of Law, Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, professor at Moscow University named after S. Y. Witte, professor at Omsk State University named after F. M. Dostoyevsky, President of the Association of Law Schools, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, the Honored Researcher of the Russian Federation;
e-mail: 1357343@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Бабури́н С. Н. Значение Великой иранской революции для современного мира: духовно-ценностное измерение конституционализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 116–130.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-116-130

FOR CITATION

Baburin S. N. The Significance of the Great Iranian Revolution for the Modern World: Spiritual and Value Dimension of Constitutionalism. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 3, pp. 116–130.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-116-130

УДК 342

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-131-140

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Гришина Т. М.

Международный юридический институт

127427, Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4, Российская Федерация

Аннотация. Целью написания статьи явилось выявление проблем в сфере противодействия терроризму и экстремистской деятельности на территории Российской Федерации и определение возможных путей их решения во взаимодействии государственных органов и органов местного самоуправления. В работе использованы формально-юридический и сравнительно-правовой анализы. Автором выявлены правовые пробелы, проблемы правоприменения и сделаны предложения по их решению. Основные положения, использованные в работе, содержат системно-функциональный подход к эффективному взаимодействию органов единой публичной власти РФ. Результаты, полученные в процессе исследования, могут быть использованы в правотворческой и правоприменительной деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов при осуществлении правоохранительной деятельности в рамках компетенции.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, правоохранительные органы, муниципальная милиция, местное самоуправление, противодействие

THE INTERACTION OF STATE AND LOCAL GOVERNMENT BODIES IN COUNTERACTING EXTREMISM AND TERRORISM: CURRENT PROBLEMS AND WAYS OF SOLUTION

T. Grishina

International Law Institute

4, Kashenkin Lug st., Moscow, 127427, Russian Federation

Abstract. The article aims to identify the problems in counteracting terrorism and extremism on the territory of the Russian Federation and to suggest possible ways to solve these problems through the interaction of state and local government bodies. The research methodology includes: formal-legal and comparative-legal analyses. The author has identified legal gaps, problems of law enforcement and made proposals for their solution. The basic provisions used in the study contain a systemic-functional approach to the effective interaction of the unified public authorities of the Russian Federation. The results obtained in the course of the study

can be used in law making and law enforcement activities of federal, regional and municipal authorities within the frameworks of their competences.

Keywords: terrorism, extremism, law enforcement bodies, municipal militia, local government, counteraction

На современном историческом этапе, в условиях общемировой глобализации и единого информационного пространства возрастают угрозы и актуализируются опасности экстремистской деятельности и террористических актов во внутригосударственных границах и в виртуальном кибернетическом пространстве мировых сетей. Данные негативные социальные явления очень подвижны и быстро адаптируются к преодолению препятствий, выставляемых правоохранительными органами. При конкретной стратегической цели (максимальное расшатывание основ конституционного строя; раскалывание общества на враждующие группы; направление финансово-материальных ресурсов государств на превентивное обнаружение, противодействие и ликвидации последствий их преступных деяний и др.) тактика может меняться и встраиваться в новую защитную концепцию страны. Таким образом, можно утверждать, что российское государство, общество и каждый гражданин страны нуждаются в мероприятиях по своевременному выявлению, чёткому формулированию и эффективной реализации мер по обеспечению безопасности от современных угроз и вызовов.

В ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹ даётся опреде-

ление экстремизму как деятельности особого рода с чётким перечислением его признаков. По некоторым элементам экстремизм пересекается с терроризмом, например, «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность». Следует заметить, что некорректно сводить данное понятие только к «деятельности», оно имеет более широкие границы, и важной составляющей в нём является вредоносная идеология, представляющая наибольшую опасность, поскольку экстремистская деятельность – это, по своей сути, её тиражирование. Ведь именно идеи побуждают людей, являющихся её носителями и распространителями, действовать во вред государству и обществу. Таким образом, наиболее эффективной будет борьба с идеологической составляющей экстремизма, т. е. на начальном этапе этой противоправной деятельности [4].

Определение терроризму даётся в п. 1 ст. 3 Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»². Оно включает в себя два структурных элемента: «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами МСУ или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными форма-

№ 138-139 (3006-3007).

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 30.07.2002.

² Федеральный Закон от 06.06.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. 10.03.2006. № 4014 (0).

ми противоправных насильственных действий», с дальнейшим перечислением основных признаков этого негативного явления (организация, подстрекательство, вербовка, вооружение, пособничество и т. д.). Основным объектом данного преступления является общественная безопасность, однако данное определение не включает в себя дополнительные объекты – жизнь и здоровье людей, хотя, согласно ст. 2 Федерального закона № 390-ФЗ «О безопасности»³ первым из основных принципов обеспечения безопасности является «соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина» [8].

Можно утверждать, что Россия сегодня находится на первом рубеже наступления озвученных угроз: волны «цветных революций», проходящие в сопредельных государствах и на континенте; международные преступные организации, глубоко укоренившиеся в структуре нашего общества, начиная с 90-х гг. XX в.; вновь внедряемые террористические группировки и отдельные личности для полномасштабного введения экстремистской деятельности ведущей, например, к расшатыванию мира на северном Кавказе, а в целом к социальному взрыву в России и др.

Для превентивного устранения данных угроз и вызовов, раскрытия преступных организаций, ведущих подрывную деятельность на территории российского государства, и их ликвидации не всегда бывает достаточно усилий государственных органов и

должностных лиц (законодателей, правоохранителей, правоприменителей). В полную меру должен заработать эффективный механизм консолидированной системы органов единой публичной власти, включающий в себя: государственные органы федеральной и региональной власти, а также органы МСУ, как института народовластия (непосредственной власти на местах), составляющего первооснову государственного устройства Российской Федерации.

В ст. 4 Федерального Закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» дан исчерпывающий перечень субъектов, включающий органы федеральной и региональной государственной власти, а также органы МСУ. В ст. 5, регламентирующей профилактику экстремистской деятельности, также упоминаются муниципальные органы, наравне с органами государственной власти, как уполномоченные на осуществление профилактических мер, в том числе, воспитательных и пропагандистских. Ст. 14 содержит нормы, предусматривающие ответственность должностных лиц, государственных и муниципальных служащих за осуществление ими экстремистской деятельности, выраженную в публичном высказывании, при исполнении должностных обязанностей, неприятие мер по пресечению экстремизма и др. Анализируя правовые нормы закона, можно отметить, что основная нагрузка ложится на органы государственной власти и должностные лица, а именно: Генерального прокурора, иных прокурорских работников, правоохранительные органы, органы судебной власти, специальные государственные службы. Упоминается также в ст. 17 междуна-

³ Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О безопасности» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 10.03.2019).

родное сотрудничество в области борьбы с экстремизмом. Следовательно, органам МСУ в Федеральном законе, имеющем основополагающее значение в сфере противодействия экстремизму, отводится весьма скромная роль, ограничивающаяся воспитанием и пропагандой. Пассивная роль достаётся и муниципальному служащему: ему достаточно лишь исполнять в пределах своей компетенции меры по пресечению экстремистской деятельности и не высказывать публичного одобрения или призыва к подобным противоправным действиям.

В Федеральном законе № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» в ст. 5.2 более подробно перечислены полномочия органов МСУ в сфере противодействия данным негативным явлениям. Среди них: организация и проведение в муниципальных образованиях информационно-пропагандистских мероприятий; участие в мероприятиях по профилактике терроризма и ликвидации последствий его проявления; обеспечение защищённости объектов; направление предложений по данному вопросу в органы исполнительной власти субъекта РФ и др. Итак, несмотря на большее количество упоминаний органов МСУ и некоторую детализацию их полномочий, сфера деятельности муниципалитетов также ограничена профилактикой в виде воспитательных и пропагандистских мер.

Если исходить из ст. 42 Концепции противодействия терроризму⁴, «расхо-

ды на финансирование мероприятий в области противодействия терроризму определяются каждым субъектом РФ и органом МСУ самостоятельно за счёт средств своих бюджетов», то становится очевидным, что средств местного бюджета хватит в лучшем случае только на вышеуказанные меры. При анализе компетенции субъектов в области противодействия экстремизму и терроризму нетрудно заметить, что существует большая разница между полномочиями, возможностями и средствами органов государственной власти и местного самоуправления, хотя их функциональная деятельность близка, а отличаются лишь её территориальные масштабы.

Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»⁵, являясь отраслевым источником для муниципального права России, в ст. 14–16 определяет вопросы местного значения для поселения, городского округа и муниципального района, но не детализирует положение об участии муниципальных образований в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений, и даёт лишь стандартные определения из вышеназванных федеральных законов.

Таким образом, становится очевидным, что ведущими субъектами в области противодействия экстремизму и

⁴ Концепция противодействия терроризму в РФ от 05.10.2009 [электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902180267> (дата обращения: 15.03.2019).

⁵ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 11.03.2019).

терроризму в государстве признаны государственные правоохранительные органы. Такая точка зрения, по мнению автора, достаточно однобоко подходит к толкованию данного вопроса. На самом деле государство обладает гораздо более широкими полномочиями, имеет специальный аппарат легального принуждения, финансовые возможности и материальные ресурсы для эффективного выполнения правоохранительной деятельности на всей территории России. Однако следует учесть, что муниципальные образования представляют собой первичные ячейки, из которых состоит вся внутригосударственная территория России. Местное самоуправление согласно действующей Конституции РФ⁶ обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, органы МСУ не входят в систему органов государственной власти и являются самостоятельными в пределах своих полномочий. Уникальность правового феномена местного самоуправления состоит в том, что оно представляет собой форму осуществления публичной власти (не встроенную в институт государственной властной структуры) и институт гражданского общества, от эффективности деятельности которого зависит реализация стратегических и тактических целей в развитии и обеспечении безопасности российских регионов [7]. Важнейшей задачей местного самоуправления можно назвать также налаживание

механизма эффективной взаимосвязи между государством и обществом, что чрезвычайно важно для безопасности государства в целом и каждого индивидуума в частности. Исходя из такого потенциала народовластия, становится очевидным, что органы МСУ должны теснее взаимодействовать с органами государственной власти и вовлекаться в общегосударственную деятельность по противодействию экстремизму и терроризму, а при участии в профилактических мерах осуществлять не только воспитательную и пропагандистскую функцию.

Ст. 3 Федерального закона № 114-ФЗ под принятием профилактических мер, помимо устранения, понимает также и выявление причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности, но в федеральном законодательстве отсутствует упоминание о роли в данном действии органов МСУ, следовательно и здесь ведущее место отдано государственным правоохранительным органам. Но ведь именно местное самоуправление является тем властно-публичным уровнем, который наиболее приближен к населению подведомственной ему территории. Необходимость решения вопросов местного значения обуславливает наличие постоянно действующих местных органов власти, в компетенции которых находится широкий спектр полномочий, перечень которых определен в ФЗ № 131-ФЗ. Наличие единой публичной власти в российском государстве предполагает также передачу (наделение или делегирование) органам МСУ отдельных государственных полномочий (федеральных или региональных), при условии передачи материальных средств

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.03.2019).

и финансовых ресурсов, необходимых для реализации таких полномочий (гл. 4).

В связи с данным обстоятельством представляется целесообразным создание особого правоохранительного органа – «муниципальной милиции», наделённой полномочиями по первичному выявлению, пресечению и иным превентивным мерам, способствующим борьбе с терроризмом и экстремизмом на местах. Вопрос этот весьма острый и дискуссионный, поднимаемый на многих уровнях (государственном, муниципальном и общественном). Сторонники создания подобных муниципальных органов приводят аргументы о необходимости таких мер, поскольку это позволит наиболее полно удовлетворить потребности в обеспечении охраны общественного порядка и защиты прав и свобод человека и гражданина на обслуживаемой территории конкретного муниципального образования. Противники же, в свою очередь, ссылаются на то, что основной проблемой организации охраны общественного порядка органами МСУ является не отсутствие подобного муниципального органа, а чёткое разграничение полномочий в вопросах охраны общественного порядка между федеральным, субфедеральным и муниципальным уровнями власти. [3] По мнению автора, данные аргументы оппонентов не несут в себе принципиальных противоречий, т. е. создание «муниципальной милиции» возможно с учётом установления базовых стандартов: функциональных основ деятельности; основных задач и обязанностей; специфики прохождения службы и стандартов социальной и правовой защищённости служащих

муниципальной милиции; регламентации муниципальной и общественного контроля за деятельностью муниципальной милиции; пределов применения принуждения и силы и др. [5] Таким образом, определив границы компетенции данного органа, не позволяющие вторжение в сферу деятельности системы государственных правоохранительных органов, можно создать максимально эффективную модель взаимодействия органов единой публичной власти в России в сфере противодействия экстремизму и терроризму. Препятствием на пути к созданию такого органа, по мнению автора, является не распределение полномочий, а недостаточность финансово-материальной базы муниципальных образований в Российской Федерации.

Под термином «муниципальная милиция» предполагается особый орган в системе местного самоуправления, в компетенции которого находятся вопросы обеспечения общественного порядка и защиты прав и свобод человека. Сотрудники данного органа – муниципальные служащие, задачи которых не пересекаются с функциями правоохранительных органов государства, финансируемые за счёт местных бюджетов [1]. Возникает вопрос: сможет ли муниципалитет за счёт собственных средств обучать, содержать и контролировать деятельность служащих собственного органа охраны общественного порядка? Ответ очевиден: в силу своей финансовой и ресурсной ограниченности это не под силу российским муниципальным образованияам, даже таким крупным как городские округа и муниципальные районы, не говоря уже о городских

и сельских поселениях. Ресурсы на формирование, содержание и развитие такого органа есть только в казне государства. Следовательно, жизнедеятельность муниципальной милиции возможна только с учётом частичного финансирования из государственного бюджета. Механизм, предлагаемый автором следующий:

– Формирование органа происходит из частичных вложений субъекта Федерации и муниципалитета, расположенного на его территории, причём, доля финансирования субъекта преобладает (по примеру правового института самообложения населения).

– Обучение и повышение квалификации в процессе деятельности состава правоохранительного муниципального органа осуществляется на базе муниципалитета с привлечением специалистов из заинтересованных государственных органов (полиции, прокуратуры и др.). Теоретическая часть подобного обучения может проходить с привлечением профессиональных правоохранителей и правоприменителей в виртуальной аудитории (в свете реализации концепции «электронного» муниципалитета), что позволит снизить финансовые затраты муниципального образования на проведение мероприятия.

– Квалификационные экзамены служащие муниципальной милиции должны будут сдавать специально созданной для этих целей комиссии, состоящей из должностных лиц правоохранительного органа (органов) федерального и регионального уровней.

– Содержание муниципальной милиции целесообразно производить из бюджетов всех уровней государствен-

ной власти РФ, пропорционально объёму передаваемых (делегированных) полномочий, возлагаемых на муниципальную милицию.

Данная концепция вписывается в систему федерального законодательства, исходя из конституционных положений о том, что:

– в совместном ведении РФ и её субъектов находится установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления (ст. 72 п. 1 «н»);

– органы МСУ могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств. Реализация переданных полномочий подконтрольна государству (ст. 132 п. 2).

Правовой основой для создания муниципального правоохранительного органа должны послужить такие НПА, как: действующая Конституция РФ; ФЗ № 131-ФЗ; ФЗ № 114-ФЗ; ФЗ № 35-ФЗ; ФЗ № 390-ФЗ и др. Международно-правовым актом, являющимся одним из источников российского законодательства по вопросам местного самоуправления, является Европейская Хартия⁷ местного самоуправления 1985 г., вступившая в силу на территории РФ 1 сентября 1998 г. П. 1 ст. 6 указанной Хартии содержит нормы, закрепляющие полномочия местного

⁷ Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985). Хартия вступила в силу для РФ 01.09.1998. Ратифицирована Федеральным Собранием РФ (ФЗ от 11 апреля 1998 года № 55-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 15. Ст. 1695).

самоуправления в сфере определения своих внутренних административных структур, отвечающих местным потребностям и обеспечивающих эффективное управление территориями.

Немаловажное значение органам МСЦУ в исследовании данного вопроса придаётся в «Стратегии национальной безопасности РФ»⁸. В ст. 1 данного НПА говорится о необходимости консолидации усилий органов государственной власти (федеральных и региональных) и органов МСУ, а также институтов гражданского общества по созданию благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов государства. Система обеспечения национальной безопасности определяется как совокупность органов государственной власти и органов МСУ, осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности и находящихся в их распоряжении инструментов. Таким образом, ещё раз подчёркивается потребность в эффективном взаимодействии всех органов публичной власти России, поскольку такая консолидация усилий и применение принципа субсидиарности позволит выполнить задачи, стоящие перед государством на данном историческом этапе, в том числе и вопросы обеспечения в сфере противодействия экстремизму и терроризму на всей территории России.

⁸ Указ Президента РФ 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 12.03.2019).

18 октября 2018 г. в Сочи в пленарной сессии юбилейного XV заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» президент РФ Путин В. В. заявил о том, что страна избавилась от терроризма (имея в виду достигнутые положительные результаты в противодействии этому негативному явлению, начиная с тех трагических событий, свидетелями которых мы были в 90-х – начале 2000-х годов, когда можно было говорить о полномасштабной гражданской войне в России), но не избавились от него как такового. «Эффективно с терроризмом бороться можно только сообща. В полном смысле этого слова нам до конца это не удаётся», – сказал российский лидер⁹. В этой связи можно вспомнить трагические события в Керчи, произошедшие 17 октября 2018 г.¹⁰. Это яркий пример, казалось бы, навсегда ушедших в историю террористических актов, происходивших в России (взрывы в Москве, трагедии Беслана, Волгограда, Ставрополя и др.). Можно сделать вывод о необходимости усиления роли органов МСУ в вопросах профилактики распространения идеологии радикализма и терроризма, в первую очередь среди молодёжи [6], а также в процессах укрепления взаимодействия органов единой публичной власти в России, ко-

⁹ Путин выступает на пленарном заседании клуба «Валдай» [электронный ресурс] // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/801920/2018-10-18/putin-vystupaet-na-plenarnom-zasedanii-kluba-valdai-vidеotranslatciia> (дата обращения 12.03.2019).

¹⁰ Взрыв в колледже [электронный ресурс] // Российская газета. Столичный выпуск № 233(7696). URL: <https://rg.ru/2018/10/17/reg-ufо/tragediia-v-kerchi-vosstanovlenahronika-sobytij.html> (дата обращения: 12.03.2019).

торая может проявляться в различных формах, в том числе в создании «муниципальной милиции», призванной охранять общественный порядок на территории конкретного муниципального образования.

Борьба с экстремизмом и терроризмом в России должна обрести системный характер, но для этого требуется осуществить ряд мер, среди которых: систематизация действующей и разработка актуальной нормативно-пра-

вовой базы в данной сфере общественных отношений [2]; восполнение законодательных пробелов, в том числе в формулировании основных понятий «экстремизма» и «терроризма»; преодоление общественного инфантилизма; и главное – разработка эффективного механизма взаимодействия и модели согласованной деятельности федеральных, региональных и муниципальных публично-властных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубых Н. В., Западнова Ю. А. Перспективы создания муниципальной милиции // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 61–64.
2. Громова Н. С. Проблемы профилактики вербального экстремизма в муниципалитетах // Муниципалитет: экономика и управление. Социология местных сообществ. 2015. № 3. С. 66–73.
3. Ильин П. О. К вопросу о муниципальных органах общественного порядка (муниципальной милиции) в РФ: проблемы и перспективы // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 2 (34). С. 105–109.
4. Кулешова Г. П. Терроризм и экстремизм: соотношение понятий // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 3 (43). С. 17–24.
5. Низаметдинов А. М. К вопросу о создании муниципальной милиции в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 193–195.
6. Ольховик Т. С., Загвязинская О. А. Конкретизация полномочий органов МСУ в сфере противодействия экстремизму и терроризму. [Электронный ресурс] // Инновационный центр развития образования и науки [сайт]. URL: <http://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-yurisprudentsii-v-rossii-i-za-rubezhom-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdun/sektsiya-2-konstitutsionnoe-pravo-munitsipalnoe-pravo/konkretizatsiya-polnomochiy-organov-mestnogo-samoupravleniya-v-sfere-protivodeystviya-ekstremizmu-i/> (дата обращения: 12.03.2019).
7. Третьякова Л. А. Роль институтов гражданского общества в реализации стратегии устойчивого регионального развития // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 31 (358). С. 47–55.
8. Певцова Н. С. Конституционные ценности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 66–69.

REFERENCES

1. Golubykh N. V., Zapadnova Y. A. [Prospects for creating municipal militia]. In: *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of Ural Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2017, no. 2, pp. 61–64.
2. Gromova N. S. [The problems of verbal extremism prevention in municipalities]. In: *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie. Sotsiologiya mestnykh soobshchestv* [Municipality: Economy and Management. Sociology of Local Communities], 2015, no. 3, pp. 66–73.

3. Ilyin P. O. [The issue of municipal public order bodies (municipal militia) in Russia: problems and prospects]. In: *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs], 2015, no. 2 (34), pp. 105–109.
4. Kuleshova G. P. [Terrorism and extremism: the ratio of concepts]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [News of Higher Educational Institutions. Volga region. Social Sciences], 2017, no. 3 (43), pp. 17–24.
5. Nizametdinov A. M. [To the issue of the creation of municipal militia in the Russian Federation]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2015, no. 4, pp. 193–195.
6. Olkhovik T. S., Zagvyazinskaya O. A. [The specification of powers of local government bodies in the sphere of counteraction to extremism and terrorism. [Electronic resource]. In: *Innovatsionnyi tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki* [Innovation Center for Education and Science Development]. Available at: <http://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-yurisprudentsii-v-rossii-i-za-rubezhom-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdun-sektsiya-2-konstitutsionnoe-pravo-munitsipalnoe-pravo/konkretizatsiya-polnomochiy-organov-mestnogo-samoupravleniya-v-sfere-protivodeystviya-ekstremizmu-i-/> (accessed: 12.03.2019).
7. Tretyakova L. A. [The role of civil society institutions in the implementation of strategies for sustainable regional development]. In: *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economy: Theory and Practice], 2014, no. 31 (358), pp. 47–55.
8. Pevtsova N. S. [Constitutional values]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2019, no. 1, pp. 66–69.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришина Татьяна Михайловна – преподаватель кафедры теории права и государственного-правовых дисциплин Международного юридического института;
e-mail: pravo_17@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana M. Grishina – lecturer at the Department of the Theory of Law and Public Law Studies, International Law Institute;
e-mail: pravo_17@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Гришина Т. М. Взаимодействие государственных органов и органов местного самоуправления в сфере противодействия экстремизму и терроризму: актуальные проблемы и пути их решения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 131–140.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-131-140

FOR CITATION

Grishina T. M. The Interaction of State and Local Government Bodies in Counteracting Extremism and Terrorism: Current Problems and Ways of Solution. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 3, pp. 131–140.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-131-140

РАЗДЕЛ IV.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-141-148

SELF-CONTROL AND PARENTING AS THE MOST IMPORTANT PREDICTORS OF JUVENILE DELINQUENCY

O. Siegmunt

University of Vechta, Germany

22, Driverstraße, Vechta, 49377, Deutschland

Abstract. Self-control is a most important personality characteristic to explain human behavior. The family is the most important social institution to develop self-control of children and juveniles. The parental supervision and the attachment to the parents are the basic factors of family socialization, which affect self-control. The main assumption of this paper is to describe these predictors for the future research on the example of Russian sample. The theoretical background is framed by the Gottfredson and Hirschi's general theory of crime.

Keywords: juvenile delinquency, self-control, parenting, general theory of crime, Russia

САМОКОНТРОЛЬ И СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ВАЖНЕЙШИЕ ФАКТОРЫ, ОБЪЯСНЯЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Зигмунт О. А.

Университет Фехта

49377, Фехта, Driverstraße, д. 22, Германия

Аннотация. Самоконтроль является наиболее важной характеристикой личности, объясняющей поведение человека. Семья является социальным институтом для развития самоконтроля детей и подростков. Родительский контроль и эмоциональная привязанность детей к своим родителям являются основными факторами социализации семьи, которые также формируют самоконтроль. Основная цель данной статьи – описать

эти факторы на примере исследований подростковой преступности в России. В основу данного анализа положена теория самоконтроля Готтфредсона и Хирши.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, самоконтроль, семейное воспитание, теория самоконтроля, Россия

The General Theory of Crime

In 1990, Michael R. Gottfredson and Travis Hirschi published the general theory of crime – a universal theory of crime that claims to be able to explain «all crime, at all times» [8, p. 117]. The central constructs of this theory are self-control and delinquent behavior. The family is the most important institution for the development of self-control. The parental supervision and the attachment to the parents are the basic factors of family socialization, which affect self-control. Gottfredson and Hirschi supposed that a reciprocal attachment between parents and children is important, but it alone cannot produce self-control. For this, parental supervision and control are necessary.

The general theory of crime is one of the most empirically tested criminological theories. But only a few studies have explicitly examined whether the relationship between parental rearing behavior and self-control corresponds to the theoretical Gottfredson and Hirschi assumptions. Few studies investigated whether the effect of parenting is limited on the childhood. This research question results in the stability assumption that parenting does not influence the self-control of children after the age of 8 years because it is stable thenceforth.

The stability assumption was tested within five studies. Against the theoretical expectations, they showed that self-control is only moderately stable after the age of 8 years [10, p. 744]. A «strong evidence

of absolute stability in self-control» was founded in 84% of the cases [10, p. 761]. The parenting affects self-control also in the young age «even after accounting for both prior self-control and exposure to parental socialization» [10, pp. 739–740].

Another important question is which factor of family socialization – parental supervision or attachment to the parents affects self-control essentially. Some studies showed that not only observation, control, and punishment but also care and attachment crucially affect the development of self-control [7; 12; 16; 34]. In a few of these studies, parental supervision has stronger effects compared to attachment to the parents. However, one of these studies gave an account of the nonsignificant effects of parental supervision but a significant effect of attachment to the parents [3].

Parenting and Self-Control in Russia

Russia has a transformation of values. A few studies showed that liberal values increased between 1990 and 2002 although not continuously. However, the majority of Russian populations prefer traditional values in terms of Milton Rokeach [19] such as tradition and family as well as readiness to make sacrifices and highhandedness [14; 15]. The same tendencies were reported in a study in the Russian provinces: traditional values are preferred, but modern values increase slowly [17; 18]. A high homogeneity of the population related to social orientations was typical for Russia in the 1990s

to 2000s [1, p. 94; 13]. A new nationwide representative study conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences shows that only 15% to 20% of the population prefers a liberal way of modernization; the majority of the citizens favor conservative values and means [2].

Collectivistic values, which were propagated in the former Soviet Union, imply hierarchy and subordination. Collectivistic attitudes are reflected in Russian families and schools as an authoritarian parenting style, which is still typical for many Russian families. Thus, 51% ($n = 1,600$) of the respondents of a representative nationwide survey in 2004 said that a child has to be beaten off and on for educational goals. An authoritarian parenting style is also reflected in the kind of parental supervision: 54% of the respondents think that they are free to restrain contacts of their adolescent child from their friends and 35% of the respondents think that it is right to use the money earned by juveniles for family aims. Furthermore, 46% of the 13- to 14-year-old youth cannot debate with their parents and 53% with their teachers. In addition, 77% of the respondents think that young people have to attend parent's orders without contradictions [6].

Another study conducted with ninth-grade students in Volgograd showed that 55.4% of youth experienced corporal punishment during childhood and 4.8% did experience parental violence such as kicking or hitting with an object or a fist [21]. In the same study, in comparison to German juveniles, Russian youth reported more frequently never been hit by parents and simultaneously a higher percentage of juveniles who were heavy abused during childhood.

The living standard of most families in Russia declined to the national poverty level after the collapse of the old Soviet system. Young people were able to acclimatize in the new living conditions much faster. The social roles become ambiguous: old people were not more necessary seasoned and competent persons. Parents were not anymore the authority person in most situations. If parents behaved in an authoritarian manner in such situations, it could activate large conflicts between parents and children. Such conflicts weaken the attachment between children and parents and make parental supervision ineffective. An authoritarian parenting style does not facilitate the self-worth of children; it is essential when it affects the attachment between children and parents: «excessive punishments would destroy the relationship and vitiate their effectiveness» [11, p. 157].

Few international comparative studies investigated the self-control of youth. A study with a sample of students in the Russian city of Volgograd and four German cities showed that Russian youth have the same self-control as the Germans [21, p. 109]. Another study investigated the self-control of youth in 30 countries. It found a relatively low self-control by Russian youth [16, p. 299]. The self-control of youth in Russia stands in the middle of the group of the other postsocialistic countries [16, p. 299]. The youth from postsocialistic countries have low self-control especially for risk-seeking and impulsivity; the values for self-centeredness stay in the middle of all 30 countries [16; p. 302].

Methods

Three cities that lie in different parts of Russia were chosen for this

study: Volgograd, St. Petersburg, and Krasnoyarsk. The data collection took place between the end of November 2008 and April 2009¹. The ninth-grade students were questioned. The questioning was realized by interviewers and it took place in classrooms during school lessons. The final sample was $n=1,602$ in Volgograd, $n=1,546$ in Krasnoyarsk, and $n=1,712$ in St. Petersburg. More girls than boys were questioned in all cities: 51.0% in Volgograd, 51.8% in Krasnoyarsk, and 52.3% in St. Petersburg. The age of participants ranged between 13 and 18; the average age was 15 years. The majority of the students attended general secondary schools: 75.5% in Volgograd, 75.4% in Krasnoyarsk, and 77.2% in St. Petersburg.

RESULTS

Parental Supervision

«Parental supervision» includes two factors: the first factor measures the interest that parents have in the leisure activities of their children (sympathy and interest), and the second factor measures the parents' knowledge of how their children spend their leisure time. Parental supervision is a measure of six items of a four-stage Likert scale with the answer categories range from 1=«not correct at all» to 4=«totally correct». The values were transformed to the scale from 0 to 100. The average value of parental supervision is 62.7. The juveniles agreed to the items of the factor «sympathy and

interest» rather than to the items of the factor «knowledge about leisure time». The average for knowledge about leisure time is higher than for sympathy and interest (72.6 vs. 52.8). The students means also, the parents were interested in what their children do in their leisure time, but they did not really know much about it.

Attachment to the Parents

«Attachment to the parents» was measured based on two items that also include two facets of attachment: the subjective quality of the attachment to their fathers and mothers from the students' point of view and the importance of parental opinion on the students themselves. In each case, both questions were expressed for the father and the mother. The subjective quality of the attachment to the parents was measured by the question «How good are you getting along with your father/stepfather (your mother/stepmother)?» There are four possible answers who ranged from 1=«not good at all» to 4=«really good». The importance of parental opinion on the students was measured by the question «How important to you is your parents' opinion about you?» The possible answers range from 1=«totally unimportant» to 6=«really important». The answers to these questions were transformed on a scale from 0 to 100. The attachment to the mother is stronger than the attachment to the father. The average value of attachment to the parents achieves 76.5. The attachment to the mother is 81.5 and the attachment to the father is 72.1.

Self-Control

«Self-control» was measured with a short version of the self-control scale by Grasmick et al. [9]. Three subdimensions

¹ Data were collected in a project funded by the German Research Foundation (DFG) and realized at the Institute of Criminal Sciences of the University of Hamburg (Germany): DFG-Project «Juvenile delinquency in Germany and Russia: culturally comparative self-report study to investigate of anomie and control theoretical approaches» (#WE 3833/1-1).

based on nine four-stage items were used: «risk-seeking», «impulsivity», and «self-centeredness». The answers to these questions were transformed on a scale from 0 to 100. The average value for impulsivity was 50.7, for risk-seeking 44.9, and for self-centeredness 41.0.

Juvenile delinquency

Juvenile delinquency was measured as versatility. It was built from the prevalence of 12 delinquency variables (damage to property, graffiti spraying, shoplifting, theft from persons, burglary, theft from vehicles, vehicle theft, assault with and without a weapon, threat with a weapon, robbery, and extortion) [24]. A 13-step versatility variable with values from 0 to 12 was built and afterwards dichotomized as follows: Juveniles who did not commit any offences or did a maximum of 2 of these 12 offences in the last 12 months are defined as not versatile; the juveniles who did commit three or more different offences are classified as versatile. The

overall percentage of versatile juveniles is 5% of the sample.

Conclusion

The current generation of youth has parents who are socialized in the former Soviet Union and internalize old Soviet values and norms. Russia is a country with distinctive traditional culture with rather collectivistic values, which implies hierarchy and subordination as well as an authoritarian parenting style [26]. Our previous studies show the importance of the family socialisation and self-control for the development of social conform behaviour of juveniles [20; 24; 27; 29; 32; 33]. Some of these studies explored the juvenile delinquency at the international perspective [5] and especially between German and Russian juveniles [4; 20; 21; 22; 23; 25; 28; 29; 30; 31]. This paper pointed out the theoretical and methodological aspects of the empirical testing of some important crime predictors, which will be used within the new research.

REFERENCES

1. Byzov L. G. [Social and cultural transformation of the Russian society and perspectives of the development of the neo-conservative subject]. In: *Bazovye cennosti rossijan: Social'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoly. Mify* [Fundamental values of Russians: Social attitudes, life strategies, symbols, and myths]. Moscow, 2003. P. 45–96.
2. Byzov L. G. [Viewings and dreams of Russians about structure of Russian society through the prism of the social value and ideological conflicts]. In: *Rossija formirujushhajasja* [Developed Russia], 2012, no. 11, pp. 142–168.
3. Cochran J. K., Wood P. B., Sellers C. S., Wilkerson W., Chamlin M. B. [Academic dishonesty and low self-control: An empirical test of a general theory of crime]. In: *Deviant Behavior*, 1998, no. 19, pp. 227–255.
4. Enzmann D., Kammigan I., Siegmunt O., Wetzels P. Was scheren mich die anderen? Markt-moral als kriminogener Faktor: Eine Studie zu Jugendkriminalität in Russland und Deutschland. Wissenschaftlicher Verlag Berlin: Berlin, 2016.
5. Enzmann D., Siegmunt O., Seyboth-TeJmer F., Wetzels P. Ergebnisse der zweiten International Self-Reported Delinquency (ISR2) Studie in Deutschland. Abschlussbericht an das Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend (BMFSFJ). Hamburg: Universität Hamburg, 2008. 169 p.

6. Gesellschaftliche Meinung – 2004. Ein Jahrbuch. Moskau: Levada-Center, 2004. 172 p.
7. Gibson C. L., Sullivan C. J., Jones S., Piquero A. R. «Does it take a village?» Assessing neighbourhood influences on children's self-control. In: Journal of Research in Crime and Delinquency, 2010, no. 47 (1), pp. 31–62.
8. Gottfredson M. R., Hirschi T. A General Theory of Crime. Stanford, Stanford University Press, 1990. 316 p.
9. Grasmick H. G., Tittle C. R., Bursik R. J., Arneklev B. J. Testing the core empirical implications of Gottfredson and Hirschi's General Theory of Crime. In: Journal of Research in Crime and Delinquency, 1993, no. 30, pp. 5–29.
10. Hay, C. & Forrest, W. (2006). The development of self-control: Examining Self-Control Theory's stability thesis. *Criminology*, 44(4), 739-774.
11. Hirschi T., Gottfredson M. R. Punishment of children from the perspective of control theory. In: Britt C. L., Gottfredson M. R. Control Theories of Crime and Delinquency. New Brunswick: Transaction Publishers, 2003. P. 151–160.
12. Hope T. L., Grasmick H. G., Pointon L. J. The family in Gottfredson and Hirschi's general theory of crime: Structure, parenting and self-control. In: Sociological Focus, 2003, no. 36 (4), pp. 291–311.
13. Lapin N. I. [Social values and reforms in crisis Russia]. In: *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies], 1993, no. 9, pp.17–28.
14. Lapin N. I. [Social and value functions of intelligentsia]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2007, no. 1, pp. 38–43.
15. Lapin N. I., Beljaeva L. A. *Krizisnyj socium. Nashe obshchestvo v treh izmerenijah* [Crisis society. Our society in three measurings]. Moscow: IFRAN. 1994. 245 c.
16. Marshall I. H., Enzmann D. The generalizability of Self-Control Theory. In Junger-Tas J., Marshall I. H., Enzmann D., Killias M., Stekete M., Gruszczynska B. *The Many Faces of Youth Crime: Contrasting Theoretical Perspectives on Juvenile Delinquency across Countries and Cultures*. Dordrecht: Springer, 2012. P. 285–325.
17. Rassadina T. A. [Moral attitudes of the inhabitants of Russian provinces]. In: *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies], 2004, no. 7, pp. 52–61.
18. Rassadina T. A. [Transformation of the traditional values of Russians in the period after perestroika]. In: *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies], 2006, no. 9, pp. 95–102.
19. Rokeach M. The nature of human values. New York: The Free Press, 1973. 438 p.
20. Siegmunt O. Selbstkontrolle: Einflüsse von Familie, Schule und Nachbarschaften. Eine kontrolltheoretische Studie in drei russischen Städten. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2012. 301 p.
21. Siegmunt O. Kriminelle Russen, kriminelle Deutsche: Zur Jugendkriminalität im Hell- und Dunkelfeld. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2013.
22. Siegmunt O. Mit Vorsicht zu genießen! Zur Aussagekraft von Kriminalstatistiken und zum Anzeigeverhalten Jugendlicher in Deutschland und Russland. In: *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*, 2013, no. 96 (6), pp. 461–476.
23. Siegmunt O. Offenders and Victims of Violent Crime: Study to Unreported Crime of Juveniles. In: *Legal Science and Law Enforcement*, 2013, Practice 23 (1), pp. 106–116.
24. Siegmunt O. Neighborhood Disorganization and Social Control: Case Studies from Three Russian Cities (SpringerBriefs in Criminology). Springer. 2016. 96 p.
25. Siegmunt O. Eine Gleichung mit mehreren Unbekannten oder was erklärt die Landesunterschiede in der Jugendgewalt? Eine Analyse mit deutschen und russischen Daten. In: *Neue Kriminalpolitik*, 2016, no. 28 (4), pp. 408–425.

26. Siegmunt O. Soziale Werte in der soziologischen und kriminologischen Forschung: Überlegungen zum Begriff und Operationalisierung. In: *Juridica International*, 2017, no. 25, pp. 22–31.
27. Siegmunt O. [Juvenile delinquency in Russia and Germany: the role of the modern family]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Iurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2018, no. 4, pp. 173–182.
28. Siegmunt O. Migration, Integration and Crime: Global Research Experience. In: *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1 (45), pp. 133–137.
29. Siegmunt O., Belousow K. Jugend in St. Petersburg: Erste Ergebnisse einer Schülerbefragung. Bericht an die Bildungsbehörde der Stadt St. Petersburg. Hamburg und St. Petersburg: Universität Hamburg, 2009. 25 p.
30. Siegmunt O., Wetzels P. [Institutional Anomie Theory – Empirical Testing. In: *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2015, no. 42(4), pp. 78–87.
31. Siegmunt O., Wetzels P. Social Values and Delinquency of Russian Youth. In: *Mezhdunarodny zhurnal sravnitel'nogo i prikladnogo ugolovnogo pravosudiya* [International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice], 2017, no. 41 (3), pp. 211–230.
32. Siegmunt O., Wetzels P., Enzmann D. Familie, Nachbarschaften, Selbstkontrolle und Jugenddelinquenz in Russland. Ergebnisse der Schülerbefragungen in Krasnojarsk, St. Petersburg und Wolgograd im Rahmen des DFG-Projektes «Jugendkriminalität in Deutschland und Russland: Kulturvergleichende Dunkelfeldstudie zur Prüfung anomie- und kontrolltheoretischer Ansätze». Hamburg: Universität Hamburg, 2010. 46 p.
33. Siegmunt O., Wetzels P., Enzmann D. Methodische Vorgehensweise, das Erhebungsinstrument und die Durchführung der Schülerbefragung 2008–2009 in drei russischen Städten. Bericht über die Feldphase in Krasnojarsk, St. Petersburg und Wolgograd im Rahmen des DFG-Projektes «Jugendkriminalität in Deutschland und Russland: Kulturvergleichende Dunkelfeldstudie zur Prüfung anomie- und kontrolltheoretischer Ansätze». Hamburg: Universität Hamburg, 2010. 32 p.
34. Wilmers N., Enzmann D., Schaefer D., Herbers K., Greve W., Wetzels P. Jugendliche in Deutschland zur Jahrtausendwende: Gefährlich oder gefährdet? Ergebnisse wiederholter, repräsentativer Dunkelfelduntersuchungen zu Gewalt und Kriminalität im Leben junger Menschen 1998–2000, Baden-Baden: Nomos, 2002. 369 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Siegmunt – PhD in Philosophical sciences, associate professor at the Department of Educational and Social Sciences, University of Vechta, Germany;
e-mail: olga.siegmunt@uni-hamburg.de

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сигмунт Ольга Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент факультета образовательных и общественных наук Университета Фехта (Германия);
e-mail: olga.siegmunt@uni-hamburg.de

FOR CITATION

Siegmunt O. A. Self-control and parenting as the most important predictors of juvenile delinquency. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 3, pp 141–148.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-141-148

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Зигмунт О. А. Самоконтроль и семейное воспитание как важнейшие факторы, объясняющие преступность несовершеннолетних // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 141–148.

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-141-148

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-149-155

АНОНС ЕЖЕГОДНОГО ДОКЛАДА ЦЕНТРА ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА ЗА 2019 ГОД

***Балытников В. В., Глухов В. В., Михайлов Е. Н., Сергеев А. А., Чертков А. Н.,
Штукин В. В.***

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

ANNOUNCEMENT OF 2019 ANNUAL REPORT OF THE CENTRE FOR INVESTIGATION OF TERRITORIAL GOVERNMENT AND SELF-GOVERNMENT ISSUES OF MOSCOW REGION STATE UNIVERSITY

V. Balytnikov, V. Glukhov, E. Mikhailov, A. Sergeev, A. Chertkov, V. Shtukin

*Moscow Region State University
24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Созданный весной 2019 года в Московском государственном областном университете Центр исследований проблем территориального управления и самоуправления осенью этого года представит свой первый ежегодный доклад о проблемных вопросах и перспективных направлениях развития правового регулирования и правоприменительной практики в

соответствующих сферах социальной деятельности.

Темой доклада станет актуальный отечественный и зарубежный опыт разграничения компетенции между региональным и муниципальным уровнем власти.

Текст доклада будет выпущен отдельным изданием, а его электронная версия – размещена на сайте Центра

в целях максимально широкого распространения среди должностных лиц регионального и муниципального уровня, научных и практически работников в области государственного и муниципального управления, конституционного, административного и муниципального права, государственных и муниципальных служащих, общественных активистов, всех интересующихся проблематикой территориального управления и самоуправления.

Ниже вниманию уважаемых читателей предлагается краткое тезисное изложение содержания ряда идей основных разделов доклада:

Раздел 1. Сервисная природа территориального управления и самоуправления

Основное назначение данного блока – обоснование идеи принципиального сущностного единства региональной и местной публичной власти, основанной на задаче служения населению в сфере исполнения полномочий субфедерального (в широком понимании) уровня. Природа этих полномочий также, по сути, едина.

С политико-правовой точки зрения в данном случае необходимо говорить о том, что все полномочия публичной власти, осуществляемые ниже общегосударственного уровня, имеют общий сервисный характер удовлетворения нужд и защиты интересов граждан на региональном и местном уровнях.

С чисто юридической точки зрения в подкрепление такого рода рассуждений можно привести значительное количество правовых позиций Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), а также немалое число

правовых позиций других международных и национальных судебных органов (в т.ч. Конституционного Суда Российской Федерации). Так, ЕСПЧ в своих решениях неоднократно подчёркивал, что местные власти входят в систему государственного управления и неотделимы от системы государственной власти в широком её понимании. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях отмечал, что местное самоуправление по своей природе основано на сочетании государственных и общественных начал, а вытекающие из законодательных норм публичные обязанности по обеспечению нужд и защите интересов по своей природе как таковые зачастую не являются ни полномочиями органов государственной власти, ни полномочиями органов местного самоуправления, но относятся к региональной или муниципальной компетенции в соответствии с усмотрением законодателя.

С прагматической точки зрения этот вывод подкрепляется анализом установленных в Российской Федерации и в других странах критериев эффективности региональной и местной власти.

В целом же сервисная модель территориального управления и самоуправления означает реальное предпочтение блага граждан перед процессами излишней политизации указанных сфер.

Раздел 2. Отечественные подходы в области разграничения полномочий между региональными и муниципальными уровнями публичной власти

В новейшей истории России можно выделить, по меньшей мере, четыре

модели разграничения предметов ведения и полномочий региональной государственной власти и муниципальной власти.

1) модель по Закону РСФСР от 6 июня 1991 № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации»;

2) модель по Федеральному закону от 28 августа 1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее также – «Федеральный закон № 154-ФЗ»);

3) модель по Федеральному закону от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее также – «Федеральный закон № 131-ФЗ»);

4) Современная модель, возникшая и развивающаяся на основе изменений, вносимых начиная с середины текущего десятилетия в Федеральный закон № 131-ФЗ, а также в федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Ряд принципиальных положений современной модели вызывают определённую (и в некоторой своей части – обоснованную) обеспокоенность в экспертном сообществе. Однако представляется, что в данном случае устоявшиеся догмы и стереотипы не должны возобладать над практическими соображениями общественной пользы. Главным критерием в оценке тех или иных новелл, на взгляд авторов доклада, должна быть эффективность решения задач публичной власти с позиций интересов граждан.

Реализация указанных новелл наглядно отражена в судебной практике последних лет. Эта практика, с одной стороны, уже сложилась, является достаточно обширной и показывает наиболее острые проблемы, вызывающие споры при правоприменении. С другой стороны, многие выводы судебных инстанций, по всей видимости, пока нельзя назвать окончательными, и тем более вполне обоснованными. Формирование взвешенного и сбалансированного общего массива решений и правовых позиций судов и иных правоприменительных органов, участвующих в разрешении споров, возникающих вокруг разграничения компетенции региональных и муниципальных органов, несомненно, будет продолжаться. В докладе Центра будут предложены новые правовые аргументы и даны вытекающие из них рекомендации, которые, на взгляд их авторов, позволят направить соответствующие процессы в наиболее конструктивное русло.

Раздел 3.

Перераспределение полномочий между органами власти регионального и муниципального уровней

Исследования более чем 25-летнего опыта реализации современной конституционной модели федерализма и местного самоуправления позволяют констатировать наличие следующих проблем:

– гипертрофированное восприятие самостоятельности местного самоуправления и его структурного отделения от системы органов государства привело к невыполнению многих обя-

зательств публичной власти перед населением.

– гармонизация компетенции с ресурсными возможностями не была достигнута в полной мере (для оперативного реагирования на «выравнивание» ситуации не хватало правовых средств, а для профицитного бюджетного обеспечения всех уровней публичной власти – материальных средств).

– разграничение компетенции между региональным и муниципальным уровнями осуществления публичной власти часто выстраивалось на приверженности той или иной доктрине при недостаточном учёте конкретных нужд населения.

– часть вопросов местного значения не была, не могла и не может быть решена без участия регионов.

В 2014 году федеральные законы № 131-ФЗ и № 184-ФЗ были дополнены механизмом перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации путём принятия регионального закона на срок не менее срока полномочий регионального органа законодательной власти. С 2016 года сфера действия данного механизма была ограничена лишь случаями, установленными федеральными законами.

Целый ряд субъектов Российской Федерации воспользовались соответствующими инструментами. В числе регионов, достигших на этом пути наилучших результатов, следует особо отметить Московскую область. К её органам исполнительной власти перешли 25 полномочий органов местного самоуправления. Благодаря комплексному применению указанного механизма в Московской области, было, в частности,

достигнуто масштабное повышение эффективности регулирования вопросов территориального планирования, землепользования, строительства, и т.д. Так, с 2014 по 2018 гг. доля утверждённых генеральных планов в целом по области выросла с 39 до 97 процентов, число утверждённых правил землепользования и застройки возросло с 22 до 100 процентов, а тянувшийся до этого более двух десятилетий процесс формирования актуальных современных схем водоснабжения, водопотребления и водоотведения в городах и других крупных населённых пунктах области был полностью завершён менее чем за пять лет.

При этом на стыке теоретических построений и практических решений – выявляется целый блок проблем в области перераспределения полномочий между региональным и местным уровнями осуществления публичной власти, в том числе:

1. Проблемы ценностно-правовых основ перераспределения полномочий публичной власти. К этим основам относятся:

1.1. Принципиальное сущностное единство публичной власти, а следовательно – её компетенции.

1.2. Максимально эффективное обеспечение прав и свобод человека, как основная цель и смыслообразующая категория осуществления публичной власти на всех уровнях.

1.3. Субсидиарность осуществления публичной власти (а именно закрепление публично-властного полномочия на том уровне, на котором оно может исполняться с наибольшей эффективностью).

2. Проблемы сбалансированности перераспределения полномочий

(баланса развития региона и развития муниципалитета, прав населения субъекта РФ в целом и прав жителей муниципального образования), в том числе проблема критериев для осуществления перераспределения полномочий (например, уровень расчётной бюджетной обеспеченности муниципальных образований).

3. Проблемы дефектов юридической техники (вкладывание нового смысла в устоявшиеся термины вносит элементы внутренней правовой дисгармонии в процесс нормативного регулирования в соответствующей области).

Раздел 4. Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями

Понятие «наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями» ставит исследователей перед целым рядом вопросов. Необходимо выяснить, являются ли определяющими для полномочий в данном случае органы, осуществляющие данные полномочия, или их природа, содержание прав и обязанностей, порождённых наличием данных полномочий.

Согласно части 2 статьи 132 Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями. При этом Конституция Российской Федерации не содержит определения указанного понятия. В Федеральном законе № 154-ФЗ также не было дано определения понятия «отдельные государственные полномочия, которыми наделены либо

могут наделяться органы местного самоуправления».

Статья 19 Федерального закона № 131-ФЗ даёт определение понятия «отдельные государственные полномочия». Согласно части 1 указанной статьи, отдельными государственными полномочиями, передаваемыми для осуществления органам местного самоуправления, являются полномочия органов местного самоуправления, установленные федеральными законами и законами субъектов Федерации, по вопросам, не отнесённым этим Законом к вопросам местного значения.

Отдельным вопросом является правомочность такого распоряжения перераспределёнными полномочиями, как наделение ими органов МСУ. Представляется правильной позиция, согласно которой полномочия субъекта Российской Федерации применительно к полномочиям, определяемых федеральными законами предусматривают не только исполнение таких полномочий, но и возможность их передачи.

Такой механизм позволяет органам государственной власти субъекта Российской Федерации осуществлять координацию исполнения органами местного самоуправления соответствующих полномочий, финансировать исполнение этих полномочий за счёт субвенций из бюджета субъекта Российской Федерации, обеспечить единообразие правового регулирования исполнения полномочий (особенно в тех случаях, когда полномочия являются особо значимыми с общественной (в том числе с антикоррупционной) точки зрения и объективно нуждаются в унификации регулирования.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Балытников Вадим Владимирович – кандидат юридических наук, директор Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета;
e-mail: vv.balytnikov@mgou.ru

Глухов Вадим Витальевич – заместитель директора Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета;
e-mail: vv.glukhov@mgou.ru

Михайлов Евгений Николаевич – заместитель директора Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета;
e-mail: en.mikhailov@mgou.ru

Сергеев Алексей Аронович – доктор юридических наук, главный научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета;
e-mail: aa.sergeev@mgou.ru

Чертков Александр Николаевич – доктор юридических наук, главный научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета;
e-mail: an.chertkov@mgou.ru

Штукин Владислав Владимирович – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета;
e-mail: vv.shtukin@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vadim V. Balytnikov – PhD in Law, Director of Moscow Region State University Centre for Territorial Government and Self-Government Research;
e-mail: vv.balytnikov@mgou.ru

Vadim V. Glukhov – Deputy Director of Moscow Region State University Centre for Territorial Government and Self-Government Research;
e-mail: vv.glukhov@mgou.ru

Evgeny N. Mikhailov – Deputy Director of Moscow Region State University Centre for Territorial Government and Self-Government Research;
e-mail: en.mikhailov@mgou.ru

Aleksey A. Sergeev – Doctor of Law, Chief Researcher of Moscow Region State University Centre for Territorial Government and Self-Government Research;
e-mail: aa.sergeev@mgou.ru

Alexander N. Chertkov – Doctor of Law, Chief Researcher of Moscow Region State University Centre for Territorial Government and Self-Government Research;
e-mail: an.chertkov@mgou.ru

Vladislav V. Shtukin – PhD in Law, Senior Researcher of Moscow Region State University Centre for Territorial Government and Self-Government Research;
e-mail: vv.shtukin@mgou.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

2019. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик Е. А. Кытманова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – Н. Н. Жильцов

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 9,75, уч.-изд. л. 10,25.

Подписано в печать: 21.10.2019 г. Дата выхода в свет: 23.10.2019 г. Заказ № 2019/10-03.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А